

РОССИЙСКОЕ ПРАВО: НОРМЫ И ПРАКТИКА

Л. В. Андреева

Пути совершенствования гражданского законодательства о государственных закупках в условиях членства Российской Федерации в Евразийском экономическом союзе

5

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

О. В. Видякина

Инновационная экосистема: цель и целеполагание

15

А. В. Степанов

Интеллектуальная собственность образовательной организации высшего образования как источник привлечения инвестиций в регион

23

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Д. М. Цукерлат, А. Л. Николаенко

Потенциал коммерциализации научно-технических разработок научно-исследовательских институтов

38

ПРОМЫШЛЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

К. М. Беликова

Терапевтическое клонирование с позиции положений законодательства об интеллектуальной собственности стран БРИКС (окончание)

49

О. В. Плясунова

О действиях заявителя в случае получения решения об отказе в регистрации товарного знака

64

АВТОРСКОЕ ПРАВО

Р. Ш. Рахматулина

Квазипроизведения — новые цифровые объекты авторского права

71

М. В. Шугуров

Регулирование использования произведений, вышедших из коммерческого оборота, в Директиве 2019/790/EU об авторском праве на Едином цифровом рынке: проблемы и решения

78

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ: ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Ю. В. Григорьев, А. П. Пашуто

Интеллектуальная собственность в малых инновационных предприятиях

96

А. Н. Кривоногов

Прогноз показателей патентной активности в России и рекомендации по ее активизации на основе анализа патентной статистики

106

ОПЫТ РЕГИОНОВ

Р. И. Салимов

Полипрофессиональная проектная подготовка специалистов для индустрии 4.0 — основа кадрового обеспечения рынка интеллектуальной собственности

118

НАУЧНАЯ ШКОЛА

П. С. Корнеев

О взаимосвязи совершенствования законодательства в сфере научно-технологического развития и патентования

130

А. О. Меликова

Постановление Пленума Верховного Суда РФ о применении части четвертой ГК РФ: возникновение и осуществление исключительного права автора производного произведения

137

SUMMARY

144

Учредители

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Российское Авторское Общество

Редакционный совет

А. О. Араkelова; Б. М. Борисов (г. София, Республика Болгария); Ю. Л. Бошицкий (г. Киев, Украина); А. В. Данилов-Данильян; И. А. Дроздов; Г. П. Ивлиев; Б. Б. Леонтьев; Н. З. Мазур; М. Массаро (г. Турин, Италия); К. С. Мауленов (г. Алматы, Казахстан); В. Н. Синельникова; Р. И. Ситдикова; С. А. Страдина (г. Рига, Латвия); С. Я. Тлевлессова; М. А. Федотов

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-45608

Адрес редакции

Москва, 117279, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а. Тел.: (499) 743-01-64 доб. 176 <http://journal.rgiis.ru>. e-mail: journal@rgiis.ru

Редакционная коллегия

Е. Л. Богданова; Е. В. Ванкевич (г. Витебск, Беларусь); О. В. Видякина; А. Т. Волков; Э. П. Гаврилов; Ю. Т. Гульбин; И. В. Дойников; Е. О. Китаева; Е. В. Королева; А. Ю. Ларин; В. И. Мухомад; В. П. Павлов; С. Г. Павликов; И. В. Понкин; В. С. Савина; А. Г. Серго; В. Р. Смирнова; Ю. В. Тарануха

COPYRIGHT

3/2020

RUSSIAN LAW: NORMS AND PRACTICE**L. V. Andreeva**

Ways to improve civil law on public procurement in the context of the Russian Federation in the Eurasian Economic Union 5

INTELLECTUAL PROPERTY AND INNOVATIVE DEVELOPMENT**O. V. Vidyakina**

Innovation Ecosystem: goal and goal setting 15

A. V. Stepanov

Intellectual property of the University as a source of attracting investment to the region 23

INTELLECTUAL PROPERTY MANAGEMENT**D. M. Tsukerblat , A. L. Nikolaenko**

The potential for the commercialization of scientific and technological developments of research institutes 38

INDUSTRIAL PROPERTY**K. M. Belikova**Therapeutic cloning within the framework of intellectual property legislation of BRICS countries (*end of article*) 49**O. V. Plyasunova**

On the actions of the applicant in case of receiving a decision on refusal to register a trademark 64

AUTHOR'S RIGHT**R. Sh. Rakhmatulina**

Quasi-works new digital objects of copyright 71

M. V. Shugurov

Regulation of the use of out of commerce works in the 2019/790 / EU Copyright Directive in the digital single market: problems and solutions 78

INTELLECTUAL PROPERTY: PRACTICAL PROBLEMS**Yu. V. Grigoriev, A. P. Pashuto**

Intellectual property in small innovative enterprises 96

A. N. Krivonogov

Forecast of indicators of patent activity in Russia and recommendations for its activation based on the analysis of patent statistics 106

REGIONAL EXPERIENCE**R. I. Salimov**

Polyprofessional project training of specialists for industry — the basis for human resources for the intellectual property market 118

SCIENTIFIC SCHOOL**P. S. Korneev**

The relationship of improving legislation in the field of scientific and technological development and patenting 130

A. O. Melikova

Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation: the emergence and exercise of the exclusive right of the author of a derivative work 137

SUMMARY

144

Founding group The Russian State Academy of Intellectual Property,
Russian Authors Society**Editorial Board**A. O. Arakelova; B. M. Borisov (Sofia, Republic of Bulgaria); Y. L. Boshitskiy (Kiev, Ukraine);
A. V. Danilov-Danilyan; I. A. Drozdov; G. P. Ivliev; B. B. Leontev; N. Z. Mazur; M. Massaro (Turin, Italy);
K. S. Maulenov (Almaty, Kazakhstan); V. N. Sinelnikova; R. I. Sitdikova; S. A. Stradinya
(Riga, Latvia); S. Y. Tievlesov; M. A. Fedotov**Certificate of registration of mass media ПИ № ФС77-45608****Address of editorial office**h.55a, Miklukho-Maklaya st., 117279 Moscow. Tel.: (499) 743-01-64 доб. 176, <http://journal.rgiis.ru>. e-mail: journal@rgiis.ru**Editorial Staff**E. L. Bogdanova; E. V. Vankevich
(Vitebsk, Belarus); O. V. Vidyakina; A. T. Volkov;
E. P. Gavrilov; Y. T. Gulbin; I. V. Doinikov; E. O. Kitaeva;
E. V. Koroleva; A. Y. Larin; V. I. Muhopad; V. P. Pavlov;
S. G. Pavlikov; I. V. Ponkin; V. S. Savina; A. G. Sergo;
V. R. Smirnova; Y. V. Taranukha

Состав редакционного совета журнала «Копирайт»

1. Аракелова Александра Олеговна, д.иск., ФГБОУ ВО РГАИС, и.о. ректора, главный редактор;
2. Борисов Борислав Михайлович, д.э.н., профессор, директор Института интеллектуальной собственности и лидерства (г. София, Республика Болгария);
3. Бошицкий Юрий Ладиславович, к.э.н., профессор, ректор Киевского университета права НАН Украины (г. Киев, Украина);
4. Данилов-Данильян Антон Викторович, к.э.н., профессор НИУ ВШЭ, действительный государственный советник 1-го класса;
5. Дроздов Игорь Александрович, к.ю.н., Фонд «Сколково», председатель правления;
6. Ивлиев Григорий Петрович, к.ю.н., руководитель Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент);
7. Леонтьев Борис Борисович, д.э.н., профессор, академик РАЕН, генеральный директор ЗАО «Федеральный институт сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса»;
8. Мазур Наталья Зиновьевна, д.э.н., генеральный директор ООО «ВКО-Интеллект»;
9. Массаро Мариэлла, европейский патентный поверенный, магистр европейского права, юридическая фирма Studio Legale Jacobacci & Associati, адвокат и партнер (г. Турин, Италия);
10. Мауленов Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор, Международный университет информационных технологий (г. Алматы, Казахстан);
11. Синельникова Валентина Николаевна, д.ю.н., профессор, НИУ ВШЭ;
12. Ситдикова Роза Иосифовна, д.ю.н., доцент, Казанский федеральный университет;
13. Страдия Светлана Аркадьевна, д.э.н., Балтийская международная академия (г. Рига, Латвия);
14. Тлевлессова Сауле Январбековна, к.ю.н., президент Евразийского патентного ведомства (ЕАПВ) Евразийской патентной организации;
15. Федотов Михаил Александрович, д.ю.н., профессор, член Союза журналистов России

Состав редакционной коллегии журнала «Копирайт»

1. Богданова Елена Леонардовна, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург);
2. Ванкевич Елена Васильевна, д.э.н., профессор (г. Витебск, Беларусь);
3. Видякина Ольга Валентиновна, к.э.н., доцент;
4. Волков Андрей Тимофеевич, д.э.н., профессор;
5. Гаврилов Эдуард Петрович, д.ю.н., профессор;
6. Гульбин Юрий Терентьевич, к.ю.н., доцент;
7. Дойников Игорь Валентинович, д.ю.н., профессор;
8. Китаева Елена Олеговна, к.иск.;
9. Королева Елена Владимировна, д.э.н., доцент;
10. Ларин Александр Юрьевич, к.ю.н., доцент;
11. Мухопад Владимир Иванович, д.э.н., профессор;
12. Павлов Владимир Павлович, д.ю.н., профессор;
13. Павликов Сергей Герасимович, д.ю.н., профессор;
14. Понкин Игорь Владиславович, д.ю.н., профессор;
15. Савина Виктория Сергеевна, к.ю.н., доцент;
16. Серго Антон Геннадьевич, д.ю.н., доцент;
17. Смирнова Вероника Ремовна, д.э.н., доцент;
18. Тарануха Юрий Васильевич, д.э.н., профессор

*А. В. Андреева,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры предпринимательского
и корпоративного права МГЮА имени О. Е. Кутафина
(г. Москва, andlaw@mail.ru)*

Пути совершенствования гражданского законодательства о государственных закупках в условиях членства Российской Федерации в Евразийском экономическом союзе¹

В статье рассматриваются проблемы соотношения Гражданского кодекса РФ и специального законодательства о государственных закупках, анализируется содержание правил о государственных контрактах в ГК РФ, обосновывается точка зрения об отсутствии целесообразности регулирования отдельных видов государственных контрактов в ГК РФ.

Ключевые слова: государственный контракт, использование результатов интеллектуальной деятельности по государственному контракту, контрактная система, ЕАЭС.

В современной России государственные закупки приобрели огромное значение. Государство выступает крупнейшим покупателем строительных, медицинских товаров, компьютерного оборудования, техники и других самых разнообразных товаров, работ и услуг, тем самым государственные закупки выступают инструментом стимулирования производства инновационной и высокотехнологичной продукции, поддержки субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций. Основным источником

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00195.

финансирования закупок являются бюджетные средства, расходование которых требует особого контроля и оценки эффективности использования. По данным официального сайта Единой информационной системы закупок, объем государственных закупок в 2018 г. составил 6,79 трлн рублей, а 2017 г. — 6,3 трлн рублей¹. Однако рост бюджетных расходов на закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд не сопровождается адекватным повышением их эффективности и результативности, в том числе из-за несовершенства законодательства.

С принятием Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [3] (далее — Закон о контрактной системе) в сфере государственных и муниципальных закупок произошла масштабная реформа, основанная на новой концепции регулирования публичных закупок по сравнению с ранее действовавшей, на которой основывался Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [1], — системного регулирования общественных отношений, складывающихся на всех этапах процесса закупок, начиная с планирования закупки, проведения процедуры определения поставщика (подрядчика, исполнителя), заключения государственного контракта, а также исполнения сторонами контрактных обязательств. При разработке данного подхода был использован зарубежный опыт регулирования публичных закупок.

Более чем пятилетний период действия Закона о контрактной системе позволяет оценить произошедшие изменения с точки зрения эффективности его действия. В качестве одного из существенных недостатков Закона о размещении заказов, послуживших основанием для его отмены, являлось отсутствие стабильных правил и внесение в него многочисленных изменений. Однако в Закон о контрактной системе уже внесено более шестидесяти изменений и дополнений, в том числе норм, рассчитанных на временное применение, что не позволяет правоприменителям усвоить новые правила и сформировать устойчивую судебную практику. Кроме того, на практике и в доктрине однозначно не решены существующие уже долгое время проблемы, в том числе касающиеся определения правовой природы и квалификации государственных контрактов. Проблема определения правовой при-

---

¹ См.: www.zakupki.gov.ru.

роды государственного контракта, выявление соотношения понятий «контракт» и «договор» исследовались и в период действия Закона о размещении заказов. О. А. Беяева отмечала, что «...существенных различий между контрактом и договором нет» [8]. В действующем Законе о контрактной системе употребляется лишь термин «контракт».

Одной из причин отсутствия единообразия мнений о государственном контракте является сложный межотраслевой характер правового регулирования отношений по государственным закупкам.

В соответствии со ст. 2 Закона о контрактной системе законодательство о контрактной системе основывается на положениях Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса РФ и Бюджетного кодекса РФ. Значительная составляющая финансового законодательства в системе регулирования отношений по государственным закупкам, а также совокупность регулируемых отношений, складывающихся в процессе планирования и осуществления закупок, состоящих из публично-правовых и частноправовых отношений, порождает различные точки зрения на правовую природу государственного контракта. Так, исследователями государственный контракт рассматривается в качестве административного договора [15], гражданско-правового договора [9], гражданско-правового договора с административно-правовыми элементами [20]. В докторской диссертации В. В. Ванина обосновывается мнение о применении термина «публичный контракт» в отношении государственного и муниципального контракта, который квалифицируется в качестве института «предпринимательского права, образованного совокупностью норм, регулирующих методом координации имущественно-управленческие отношения собственности, возникающие в связи с удовлетворением публичных нужд» [12].

В более поздних работах ученые, подчеркивая публичные задачи, решаемые посредством заключения государственных контрактов, акцентируют внимание на применении частноправовых средств. Так, М. С. Соловьев рассматривает государственный контракт как видоизмененный и приспособленный для реализации публичных нужд изначально частноправовой институт [19].

Еще в 1997 г. И. В. Елисеевым высказано мнение о том, что государственный контракт — это особый тип гражданско-правового договора, стоящего в одном ряду с предварительным и публичным договором, поскольку он заключается не только на поставку товаров, но и на выполнение работ и оказание услуг [14].

Не ставя перед собой цель проведения всестороннего анализа высказанных в научной литературе точек зрения на понятие и природу

государственного контракта, а проведя краткий обзор высказанных мнений, чтобы определить степень эффективности регулирования рассматриваемых отношений, можно сделать вывод, что исследования государственного контракта проводятся как в направлении выявления частноправовой или публично-правовой его природы, так и выяснения его места среди договорных гражданско-правовых институтов.

В соответствии с новой редакцией п. 8 ст. 3 Закона о контрактной системе государственный контракт, муниципальный контракт определяется как гражданско-правовой договор, заключенный от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации (государственный контракт), муниципального образования (муниципальный контракт), для обеспечения соответственно государственных нужд, муниципальных нужд. Тем самым законодателем определена правовая природа государственного контракта в качестве гражданско-правового договора.

Гражданское законодательство состоит из Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов (п. 2 ст. 2 ГК РФ), и нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК РФ. Данное положение дало основание М. И. Брагинскому и В. В. Витрянскому высказать мнение о том, что Гражданский кодекс РФ является «первым среди равных» — *primus inter pares* — федеральных законов, содержащих нормы гражданского права [10]. Решение проблемы соотношения общего и специального законодательства весьма важно для определения места правового регулирования института государственного контракта и действия приоритета соответствующих норм.

Данную проблему, как представляется, разрешил Верховный Суд РФ, который в Обзоре судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ от 28.06.2017, указал, что Законом о контрактной системе установлены «особенности заключения, изменения, расторжения государственных (муниципальных) контрактов, их исполнения и ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение, но не содержится исчерпывающего регулирования гражданско-правовых отношений, возникающих в связи с государственным (муниципальным) контрактом» [16].

Определив свою правовую позицию о гражданско-правовой природе отношений по заключению, изменению, расторжению государственных (муниципальных) контрактов, их исполнению и ответствен-

ности за неисполнение или ненадлежащее исполнение, Верховный Суд РФ признал необходимым при рассмотрении споров, вытекающих из государственных контрактов, руководствоваться нормами Закона о контрактной системе, а при отсутствии специальных норм — непосредственно ГК РФ.

Гражданско-правовая природа государственного и муниципального контракта основывается на нормах главы 5 ГК РФ, определяющей общие правила участия публично-правового образования (Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований) в отношениях, регулируемых гражданским законодательством. Данные правила введены с переходом к рыночной экономике и необходимостью определения правил участия государства и муниципальных образований в договорных отношениях, подчиняющихся установленным в ГК РФ гражданско-правовым принципам (ст. 1), хотя и действующим с некоторыми изъятиями. В ст. 124 ГК РФ установлено, что публично-правовые образования выступают в гражданско-правовых отношениях на равных началах с иными участниками этих отношений — гражданами и юридическими лицами.

Государство как участник договорных отношений заключает не только государственные контракты, но и концессионные соглашения, специальные инвестиционные контракты и таким образом является участником рыночных договорных связей. Однако участие государства в качестве покупателя определяет особенности государственного рынка, который отличает стабильность, устойчивость, выполнение финансовых обязательств [6].

Правила о государственных и муниципальных контрактах предусмотрены в ГК РФ на поставку товаров (параграф 4 главы 30), выполнение подрядных работ для государственных нужд (параграф 5 главы 37). Предметом государственного контракта на выполнение подрядных работ могут быть как строительные работы, так и проектные и изыскательские. Более подробные правила содержатся в ГК РФ применительно к поставке товаров. В отношении некоторых контрактов в ГК РФ только упоминается возможность их заключения (на выполнение НИР, ОКТР (ст. 778), контрактации (п. 2 ст. 535).

Специальные правила о государственных контрактах на оказание услуг в ГК РФ отсутствуют, в связи с чем М. И. Брагинский полагал, что хотя в ст. 783 ГК РФ отсутствует отсылка к правилам о подрядных работах, но эти правила могут применяться к государственным контрактам на оказание услуг в порядке, предусмотренном для аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ) [11].

Следует отметить, что в ГК РФ отсутствуют правила о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, регламентированных Федеральным законом от 18.07.2011 №223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» и имеющих специальный правовой режим [2].

Вместе с тем в ГК РФ правила о поставке товаров для государственных и муниципальных нужд изложены в редакции Федерального закона от 02.06.2006 № 19-ФЗ, т.е. в период действия устаревшего Закона о размещении заказов. Это значит, что они практически неприменимы к складывающимся в настоящее время отношениям по государственным закупкам. Правила об иных упоминавшихся в ГК РФ государственных контрактах носят отсылочный характер.

В литературе высказаны мнения о регулировании государственных контрактов в ГК РФ. Так, Ю. В. Романец полагает, что в ГК РФ следует закрепить правила о договорах с участием публично-правовых образований, таких как аренда, хранение, перевозка и др. [17].

В. Е. Белов считает, что «...изменения, происходящие в специальном законодательстве, должны находить определенное отражение в ГК РФ, а детальное правовое регулирование должно предусматриваться специальными актами». Особенности же заключения отдельных видов договоров и исполнения договорных обязательств в рассматриваемой сфере в случае наличия такой необходимости целесообразно отражать в рамках отдельных параграфов соответствующих глав ГК РФ» [7]. Вместе с тем следует отметить, что необходимость обеспечения стабильности ГК РФ не позволяет его актуализировать с такой периодичностью, с которой изменяется специальное законодательство о государственных закупках (не менее одного раза в полгода).

Указывая на противоречия ГК РФ и Закона о контрактной системе, Е. Е. Степанова предлагает привести ГК РФ в соответствие с Законом о контрактной системе, тем самым определяя приоритет специального закона, и исключить ряд статей из ГК РФ — 529, 530, 532, а правила, содержащиеся в других статьях о государственном контракте на поставку товаров, изменить согласно аналогичным правилам Закона о контрактной системе [18].

Особенности государственного контракта на поставку товаров для обеспечения государственных нужд, установленные Законом о контрактной системе, настолько многочисленны, что не позволяют отразить их в параграфе 4 главы 30 ГК РФ. Правила о иных видах государственных контрактов, содержащиеся в ГК РФ, носят отсылочный характер и не содержат регулирующих норм.

Особого внимания заслуживает не решенная в ГК РФ проблема регулирования государственных контрактов на выполнение НИОКР и технологических работ. В ст. 778 ГК РФ предусмотрено, что к таким контрактам применяются правила ст. 763–768 ГК РФ, т.е. правила о подрядных работах для государственных и муниципальных нужд, не содержащих специальных правил о государственных подрядных работах. Государство выступает крупнейшим заказчиком на проведение НИОКР, финансируемых за счет бюджетных средств. Не случайно в Законе о контрактной системе предусмотрен особый принцип государственных закупок — принцип стимулирования инноваций. Государственная поддержка проведения научно-исследовательских работ, направленных на получение новых технологий, инновационной и высокотехнологичной продукции, не получила адекватного регулирования ни в специальном законодательстве, ни в ГК РФ. По существу, целый комплекс вопросов, связанных с проведением и закреплением результатов НИОКР и технологических работ, регулируется подзаконными нормативными актами. Вместе с тем в ст. 1373 ГК РФ содержатся достаточно подробные правила на права на изобретения, полезную модель, промышленный образец, созданные при выполнении работ по государственному или муниципальному контракту, предусмотрены различные варианты закрепления прав на результаты интеллектуальной деятельности за публично-правовым образованием и (или) исполнителем по контракту. При закреплении прав на результаты интеллектуальной деятельности за организацией-исполнителем публичные интересы, как указывается в литературе, могут быть обеспечены путем включения в контракты «...условий об эффективном использовании исполнителем полученных результатов интеллектуальной деятельности, о предоставлении заказчику сведений о фактах использования результатов интеллектуальной деятельности, а также о контроле заказчиком правомочий организации-исполнителя по распоряжению исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности» [13].

Публичные интересы, на соблюдение которых направлено заключение и исполнение государственных контрактов, обусловили необходимость правового регулирования рассматриваемых отношений не только ГК РФ, но и Бюджетным кодексом РФ.

Публично-правовой характер государственных контрактов выражает и их особенности, которые не могут найти отражения в ГК РФ, а только — в Законе о контрактной системе, имеющем межотраслевой характер. В качестве примеров таких специфических особенностей

можно привести идентификацию каждой закупки, осуществляющейся путем присвоения ей цифрового, машиночитаемого кода (идентификатора), который указывается в плане-графике, извещении об осуществлении закупки, документации о закупке, в контракте, а также в иных документах и размещается в Единой информационной системе (ч. 1–3; ч. 5 ст. 23 Закона о контрактной системе). Идентификационный код позволяет отследить каждую закупку по всему закупочному процессу, что обеспечивает его прозрачность и возможность проведения контроля.

Закупки товаров (работ, услуг) осуществляются строго в соответствии со сформированным заказчиком планом-графиком (ст. 20 Закона о контрактной системе). Формирование условий контракта осуществляется в соответствии с типовыми контрактами, типовыми условиями контрактов, утверждаемыми федеральными органами исполнительной власти (ч. 1 ст. 34 Закона о контрактной системе). Специальные правила установлены в Законе о контрактной системе и в отношении правил описания объекта закупки (ст. 33).

Данные и иные значительные особенности государственных контрактов позволяют сделать вывод о том, что целесообразно из главы 30 ГК РФ изъять параграф 3 «Поставка товаров для государственных или муниципальных нужд», предусмотрев в параграфе 3 главы 30 ГК РФ правило о том, что поставка товаров для обеспечения государственных и муниципальных нужд регулируется специальным законодательством. Соответствующие отсылочные нормы об иных видах государственных контрактов предусмотрены в ГК РФ.

Следует отметить, что совершенствование правового регулирования государственных закупок должно происходить в соответствии с правилами Договора о Евразийском экономическом союзе, участницей которого является Российская Федерация [4], где более интенсивно по сравнению с другими региональными интеграционными объединениями предпринимаются меры по созданию общего рынка государственных закупок путем применения электронных информационных технологий. Такие мероприятия, в частности, предусмотрены дорожной картой по снятию барьеров и ограничений в сфере государственных закупок, включая разработку механизма взаимного признания электронных подписей и банковских гарантий, выдаваемых банками одного государства — члена ЕАЭС в качестве обеспечения заявки на участие в закупках, и обеспечения исполнения государственного контракта при проведении государственных закупок заказчиками другого государства — члена ЕАЭС [5].

Библиография

1. Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. — 2005. — №30 (часть 1). — Ст. 3105.
2. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СЗ РФ. — 2011. — № 30 (часть 1). — Ст. 4571.
3. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 16.01.2015 (дата обращения: 01.07.2020).
5. Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 25.10.2017 № 17 «О плане мероприятий (дорожной карте) по устранению изъятий и ограничений на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на 2018–2019 годы» // Официальный сайт Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eaeunion.org/>, 26.10.2017 (дата обращения: 01.07.2020).
6. *Андреева Л. В.* Государственные закупки в России: правовое регулирование и меры по его совершенствованию: монография. — М.: Проспект, 2019.
7. *Белов В. Е.* Об изменениях гражданского законодательства в условиях формирования контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 10.
8. *Беляева О. А.* Совершенствование законодательства о размещении заказов для публичных нужд // Законодательство. — 2009. — № 11. — С. 17–22.
9. *Блинов В. Г.* Правовое регулирование частных и публичных отношений при поставке товаров для государственных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. — Чебоксары, 2009.
10. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Книга 1: Общие положения; 3-е изд. — М.: Статут, 2001.
11. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Книга 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. — М.: Статут, 2002.

12. *Ванин В. В.* Правовое регулирование удовлетворения государственных нужд в рыночной экономике России: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2007.
13. *Гаврилов Э. П., Еременко В. И.* Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). — М.: Экзамен, 2009.
14. Гражданское право: учебник. Часть 11 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — М.: Проспект, 1997.
15. *Демин А. В.* Общие вопросы теории административного договора. — Красноярск: Изд-во Красноярского гос. университета, 1998. — 93 с.
16. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ от 28.06.2017 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — Декабрь 2017 г. — № 12.
17. *Романец Ю. В.* Система договоров в гражданском праве: монография; 2-е изд., переработ. и дополн. — М.: Норма, Инфра-М, 2013.
18. *Степанова Е. Е.* Контрактная система в сфере закупок: опыт цивилистического исследования: монография. — СПб.: Гамма, 2018.
19. *Соловьев М. С.* Государственный (муниципальный) контракт как видоизмененный и приспособленный для публичных нужд гражданско-правовой договор // Арбитражный и гражданский процесс. — 2019. — № 1. — С. 25–32.
20. *Шевченко Л. И., Гредин Г. Н.* Госзаказ в системе государственного регулирования экономики. — Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 1999.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

---

*О. В. Видякина,
кандидат экономических наук, LL.M,
патентный поверенный РФ, доцент кафедры
«Интеллектуальная собственность»
Московского государственного технического университета
имени Н. Э. Баумана, эксперт и тьютор
Всемирной организации интеллектуальной собственности
(г. Москва, ippolicy@mail.ru)*

Инновационная экосистема: цель и целеполагание

Автор продолжает публикацию серии статей, посвященных системному анализу инновационной экосистемы. Во второй статье изучаются понятия «цель» и «целеполагание». Приведены примеры вышеуказанных понятий в инновационной экосистеме, рассмотрены требования к сформулированным целям.

Ключевые слова: инновационная экосистема, управление интеллектуальной собственностью, система, цель, инновационный проект, объект, субъект, понятие.

Современное управление интеллектуальной собственностью должно опираться на системную теорию и носить системообразующий и системоподдерживающий характер. Устранению разрозненности процессов управления интеллектуальными правами, достижению стратегических целей инновационного развития способствует в том числе создание и развитие инновационных экосистем.

Настоящая статья является второй из цикла публикаций автора в данном журнале, посвященных системному анализу инновационной экосистемы¹, и представляет некоторые результаты научного исследова-

---

¹ Первую статью цикла «Инновационная экосистема: системный анализ» читайте в предыдущем номере журнала «Копирайт».

дования инновационной экосистемы с применением инструментов системного анализа.

В статье изучаются ключевые понятия при формировании инновационной экосистемы — «цель» и «целеполагание». Цель является важнейшей категорией системных исследований, начиная от выделения системы и заканчивая решением различных проблем управления системными методами.

Всякая деятельность должна начинаться с установления цели. Поскольку любая деятельность является направленной, то она также является и целенаправленной, т.е. направленной на достижение определенной цели. В особенности это имеет важное значение, когда речь идет о формировании системы, в частности инновационной экосистемы.

Рассмотрим несколько формулировок целей отдельных видов инновационной экосистемы¹. Результаты анализа целей инновационных экосистем, предоставленных в открыто опубликованных источниках информации, показали, что формулировка цели инновационной экосистемы (причем не конкретизируется: цель создания или цель развития инновационной экосистемы) базируется в основном на различных этапах инновационного проектирования.

Формулировка цели инновационной экосистемы, заключающейся в реализации инновационных проектов, возможна для различных видов таких систем, как для мировой или региональной инновационной экосистемы, так и для корпоративной (отраслевой) инновационной экосистемы или инновационной экосистемы организации.

Например, основной целью *мировой инновационной экосистемы* является **создание среды и условий осуществления глобальных инновационных проектов** для реализации прорывов в признанных областях знаний (цифровой мир, энергетика, биотехнологии, нанотехнологии и др.), а также развитие и поддержание мировой системы патентования, баланса между открытостью новых технологий и сохранением прав на интеллектуальную собственность [1].

Целью инновационной экосистемы является **успешная реализация инновационных проектов**, поскольку именно реализация инновационного проекта лежит в основе всего, что происходит внутри экосистемы. Постадийное развитие инновационных проектов привлекает

---

¹ Подходы к разделению инновационных экосистем по территориальному признаку на шесть видов: мировую, национальную, региональную, корпоративную (отраслевую), предпринимательскую и индивидуальную — будут рассмотрены в одной из последующих публикаций автора (серия статей «Инновационная экосистема: системный анализ»).

инвестиции и увеличивает капитализацию компаний, т.е. формирует питающий развитие инновационной экосистемы денежный поток. Развитие инновационной экосистемы обуславливается количеством реализуемых инновационных проектов, их коммерческим потенциалом и объемом привлекаемых инвестиций [5].

Успешные инновационные компании применяют проектный подход к управлению инновациями. Госкорпорации внедряют лучшие практики проектного управления, которое является базовой методологией системы управления инновациями. В этой связи *целью отраслевой инновационной экосистемы* является **поиск, отбор, развитие и успешная реализация лучших инновационных проектов в области приоритетных направлений развития отрасли.**

В последние годы отмечена практика внедрения проектного обучения и менторства (наставничества) над проектами в российскую систему образования. Накоплен опыт непосредственного внедрения форматов проектного обучения на примере следующих университетов: Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Дальневосточного федерального университета, Московского политеха, Уральского федерального университета — Нижнетагильского технологического института (филиала), Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского и Южного федерального университета [3].

Под проектом понимается специально организованная, мотивированная самостоятельная деятельность студентов. Учебные проекты нацелены на решение определенной практически или теоретически значимой проблемы, оформлены *в виде конечного продукта*, который можно увидеть, осмыслить, применить в реальной практической деятельности. Основной замысел внедрения проектного обучения в образовательный процесс воплощается в рамках комплексных преобразований, нацеленных на сближение университета с отраслями экономики и их потребностями, с реальной профессиональной практикой. Фактически это означает поиск новой модели взаимодействия в условиях быстро меняющейся профессиональной среды.

В некоторых университетах, внедряющих проектное обучение в образовательную деятельность, обязательным условием для допуска к защите и представлению результатов является наличие работающего образца (устройства, программы и т.д.), который демонстрируется во время защиты проекта. Основными критериями результатов проекта являются внедрение продукта в массовое использование (open source продукт) или продажа продукта внешнему заинтересованному (заказчику).

По мнению исследователей, **процесс коммерциализации инноваций, изначально направленный на достижение конкретного результата в виде заключения сделок** [4], является целью *инновационной экосистемы университета*. Данная позиция отражает концепцию инновационной экосистемы (Чарльз Весснер), основанную на представлении об инновациях как о процессе трансформации идеи в рыночный продукт или сервис, который требует коллективных усилий таких участников, как университеты, исследовательские компании, венчурные фонды, представители бизнес-среды.

В общем случае, как видно из рассматриваемых определений, цели имеют либо конкретную, либо расплывчатую формулировки. В этой связи различают два типа целей:

- **цель-результат** (конкретная, измеримая цель). Например, увеличение количества реализуемых инновационных проектов — это цель-результат;
- **цель-направление** (идеальная, качественная цель). Например, повышение культуры в сфере интеллектуальной собственности — это цель-направление.

Как было отмечено выше, любая деятельность является направленной, в этой связи в ней можно выделить двух участников: субъект и объект. Активный участник направленной деятельности является субъектом, а пассивный участник — объектом. В соответствии с общей теорией систем и системного анализа в качестве субъекта чаще всего представляют человека, но иногда может выступать и техническое устройство. Объектом может быть явление, предмет, устройство, проблема, предприятие и т.п. [2].

Таким образом, цель — это субъективный образ несуществующего, но планируемого состояния реальности, которое решило бы возникшую проблему и на достижение которого будет направлена деятельность. Выбор цели сугубо субъективный.

Цель с позиции субъекта определяет цель наблюдения, исследования, анализа, описания, проектирования и управления. Цель с позиции объекта определяет цель его функционирования (существования), которая может быть заложена при его создании либо формироваться внутри него в процессе развития. Цель инновационной экосистемы может быть сформулирована как с позиции субъекта, так и с позиции объекта.

Формулировка цели инновационной экосистемы зависит от поиска решений конкретной проблемной ситуации, требующей решения на различных уровнях экономики. Важным является **процесс целе-**

полагания, который представляет собой постановку задачи поиска решения проблемной ситуации — поиска такого состояния объекта в некотором множестве возможных средств, наилучшим образом решающего проблему.

Следует отметить, что существуют объективные и субъективные ограничения целеполагания. К объективным относятся законы природы и ресурсные ограничения. Например: денежные ресурсы, материальные ресурсы, человеческие ресурсы, временные ресурсы. На практике, несомненно, существуют вышеуказанные объективные ограничения. При формировании цели инновационной экосистемы целесообразно оценить наличие/отсутствие ресурсных ограничений. От этого во многом зависит жизнеспособность и эффективность инновационной экосистемы.

Субъективные ограничения целеполагания связаны с ограниченностью понимания действительности субъектами, а также с их интересами и системами ценностей. Например, необходимость учета проблематики, неопределенность целеполагания, опасность подмены средствами, влияние системы ценностей, множественность целей и изменение целей во времени. На практике имеют место и субъективные ограничения.

Важно понимать, что если недооценка наличия/отсутствия ресурсных ограничений может привести к созданию неэффективной (слабой) инновационной экосистемы, то наличие субъективных ограничений способно повлечь более серьезные последствия — некорректную формулировку цели инновационной экосистемы и, как следствие, невозможность ее реализации.

В этой связи необходимо формулировать цели инновационной экосистемы с учетом определенных требований. Правильно сформулированные цели должны удовлетворять следующим основным требованиям.

– **Конкретность.** При определении цели необходима точность отражения ее содержания, объема и времени. Рассмотрим пример. Цель инновационной экосистемы региона — создание условий для повышения качества жизни населения, поддержка коммерциализации ценных и перспективных знаний и разработок за счет эффективной кооперации взаимосвязанных участников инновационного процесса.

В примере показана цель-направление. Множественность цели в примере указывает на наличие субъективных ограничений. В частности, для одной цели потребуются определенные ресурсы и конкретное время. Для создания второй цели потребуются иные ресурсы и другие

временные рамки. Таким образом, множественность целей, отсутствие четкой формулировки цели, некорректное отражение объема и времени препятствуют соблюдению требования конкретности цели.

– **Измеримость.** Цель должна быть представлена количественно или каким-либо другим способом для оценки степени ее достижения (например, с помощью критериев). Рассмотрим пример. Цель инновационной экосистемы — успешная реализация лучших инновационных проектов. В примере показана цель-результат. Определенно можно измерить количество реализованных лучших инновационных проектов. Причем для оценки количества могут быть использованы как критерии или результаты конкурсного отбора лучших инновационных проектов, так и результаты реализации инновационных проектов, выраженные, например, в количестве заключенных лицензионных договоров и др. В данном случае цель инновационной экосистемы будет соответствовать критерию измеримости.

– **Достижимость.** Цели должны быть реальными, не выходящими за рамки возможностей исполнителей. В этой связи следует помнить об объективных ограничениях целеполагания. То есть необходимо совершенно точно определить обеспеченность их денежными, материальными, человеческими и временными ресурсами для достижения поставленной цели.

Вполне уместно непосредственно для достижения цели формировать проектные команды и/или проектные офисы. Системное применение проектных офисов поможет внести вклад в решение задач управления, что имеет определяющее значение при разработке и актуализации перспективных проектов, а также при определении перспективных направлений деятельности и оценки конкурентоспособности продукции.

– **Согласованность.** Цели следует рассматривать не изолированно, а во взаимосвязи. Цели инновационной экосистемы должны коррелироваться с целями и задачами организации, региона, отрасли, государства. Очень важна для достижения цели инновационной экосистемы ее согласованность с видами деятельности организации, в том числе даже если организация реализует только определенную функцию в структуре инновационной экосистемы.

– **Приемлемость.** Необходимо учитывать потребности, желания, традиции, сложившиеся в обществе ценности. Например, создание и развитие инновационной экосистемы должны соответствовать целям и основным направлениям модернизации и инновационного развития отечественной экономики, определенным в Указе Президента

Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», Основных направлениях деятельности правительства на период до 2024 г., утвержденных Правительством Российской Федерации 29.09.2018 № 8028п-П13, Стратегии инновационного развития Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.12.2011 № 2227-р, Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642, а также в иных документах.

– **Гибкость.** Должна быть возможность корректировки цели. Соответствие цели инновационной экосистемы требованию гибкости не является субъективным ограничением целеполагания (изменение целей во времени), так как зависит от внешних факторов, новых вызовов, существенным образом влияющих на инновационную экосистему. Цель инновационной экосистемы может быть скорректирована, например, в связи с внесением изменений в законодательство, в результате трансформации экономики, в связи с внедрением прорывных технологий ближайшего будущего и др.

В завершение следует отметить, что на практике реализуются далеко не все поставленные цели инновационной экосистемы. Необходимо выбрать одну ключевую цель создания инновационной экосистемы в соответствии с требованиями, установленными к ней, подтвердить причину достижения цели, продумать механизмы и ресурсы ее реализации и сосредоточиться на ее практическом воплощении. Вдумчивые подходы к целеполаганию инновационной экосистемы на различных уровнях экономики позволят оптимизировать трудозатраты, снизить риски и наиболее продуктивно реализовать такую систему на практике.

Библиография

1. Каранатова А. Г., Кулев А. Ю. Современные подходы к формированию инновационных экосистем в условиях становления экономики знаний // Управленческое консультирование. — 2015. — № 12. — С. 39–46.
2. Качала В. В. Общая теория систем и системный анализ: учебник. — М.: Горячая линия — Телеком, 2017. — 432 с.
3. Проектное обучение: Практика внедрения в университетах / под ред. Л. А. Евстратовой, Н. В. Исаевой, О. В. Лешукова. — М., 2018. — 154 с.

4. Развитие инновационных экосистем вузов и научных центров [Электронный ресурс]. — СПб., 2015. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/06b/Innovation_ecosystem_analytical_report.pdf (дата обращения: 01.08.2020).
5. Сидоров Д. В. Новая модель инновационной экосистемы [Электронный ресурс] // Инновации. — 2017. — № 8 (226). — С. 52–57. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/212750050.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).

*А. В. Степанов,
преподаватель кафедры
социальных, психологических и правовых коммуникаций,
инженер Отдела реестра и капитализации
интеллектуальной собственности
Национального исследовательского
Московского государственного строительного университета
(НИУ МГСУ)
(г. Москва, patent1960@yandex.ru)*

Интеллектуальная собственность образовательной организации высшего образования как источник привлечения инвестиций в регион

В статье рассматривается проблема недооценки образовательных организаций высшего образования как источника привлечения инвестиций в регионы Российской Федерации.

Во всем мире сегодня крупные университеты претендуют на ключевую позицию в развитии инновационной экономики в своих регионах. Чтобы соответствовать этому тренду, российским вузам требуется более осознанный подход к позиционированию своего научно-исследовательского потенциала и осуществлению политики в сфере интеллектуальной собственности. Активная научная деятельность вуза, его портфель объектов авторского и патентного права, реализация проектов по трансферу технологий и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности положительно сказываются на росте бюджетного финансирования, привлечении партнеров и инвесторов. Преследуя цель привлечь инвестиции в регион, местные власти должны рассматривать интеллектуальную собственность вузов как инструмент повышения инвестиционной привлекательности территории.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, вуз, университет, инвестиционная привлекательность, регион, позиционирование, государственная поддержка, международные рейтинги, коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности.

В целях осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации Указом Президента Российской Федерации № 204 от 07.05.2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» были приняты 13 проектов федерального масштаба. Для реализации положений указа на заседании Правительства Российской Федерации 27 сентября 2018 г. были рассмотрены и впоследствии утверждены «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года».

Такая стратегическая цель требует особого внимания к уровню и скорости технологического развития страны, доминантами которого должны стать сфера инноваций и институт интеллектуальной собственности. Стоит отметить, что развитие института интеллектуальной собственности впервые выделено самостоятельным приоритетным направлением деятельности Правительства Российской Федерации (п. 2.3). Конкретные задачи развития сферы инноваций и института интеллектуальной собственности закреплены на уровне национальных и федеральных проектов [6, с. 14]. Одним из таких национальных проектов является сфера образования.

Решение приоритетных задач инновационного и технологического развития невозможно без эффективного функционирования экономик субъектов Российской Федерации и роста инвестиционной активности в стране.

Основные проблемы субъектов Российской Федерации в сфере реализации технологий и инноваций хорошо известны, среди них [8]:

- отставание отраслей, ориентированных на высокотехнологичный сектор;
- дефицит инвестиций;
- недостаток высококвалифицированных инженерных и научных кадров, специалистов в области интеллектуальной собственности и инновационного предпринимательства;
- обособленность российских предприятий от сектора исследований и разработок.

Для решения существующих проблем в последние годы особое место в региональных программах занимают вопросы:

- управления инновационным развитием;
- улучшения инвестиционного климата;
- разработки системы управления объектами интеллектуальной собственности;
- построения экосистемы «вуз — предприятие — регион» для реализации инновационного потенциала территории.

В подходах субъектов Российской Федерации к определению целей и задач инновационной экономики региона, формированию институтов развития, выбору механизмов управления, а также к видению роли и места вузов региона в инновационных процессах наблюдаются существенные отличия по ряду важнейших параметров. Сегодня лишь отдельные регионы в развитии инноваций пытаются решать задачи инновационного процесса в целом.

Согласно результатам исследования [7] 79 регионов России, наибольший вклад в развитие экономики региона оказывают крупные организации высшего образования, расположенные на территориях Москвы и Подмосковья, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Татарстана, Красноярского края, Калмыкии, Чечни и Республики Саха (Якутия). Еще 18 других субъектов РФ имеют на своей территории системы высшего образования с высоким уровнем влияния на экономику региона. В остальных регионах университетам часто отводится лишь функция кадрового обеспечения инновационной системы [2].

Вместе с тем университеты сегодня могут претендовать на ключевую позицию в построении инновационной экономики региона. Образование перестает быть институтом, который специализируется исключительно на подготовке квалифицированных кадров. Высшая школа принимает активное участие в научной деятельности, НИОКР и инновационных проектах. Сняты ограничения на ведение вузами инновационной деятельности.

Советом при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам 25 октября 2016 г. утвержден приоритетный проект «Вузы как центры пространства создания инноваций», который имеет целью формирование к 2025 г. не менее 100 университетских центров инновационного, технологического и социального развития регионов. В соответствии с новой ролью университетов они должны стать центрами развития территорий, обеспечив концентрацию всех видов нематериальных ресурсов [12].

Высокое значение университетов новой формации проявляется в части их вклада в экономическое, инновационное и социальное развитие регионов России, развитие научного и человеческого потенциала, фор-

мирование информационного и консалтингового ресурса территорий. Однако сегодня роль высших учебных заведений как источника привлечения инвестиций в регионы Российской Федерации недооценена.

Недостаточную инвестиционную привлекательность образовательных учреждений в России отмечал как серьезную проблему еще в 2005 г. заместитель министра образования и науки Российской Федерации В. Фридлянов, выступая на пресс-конференции [3]. В 2017 г., когда Россия опустилась с 43-го на 46-е место в Глобальном инновационном рейтинге (далее — GI), аналитики связывали это снижение именно с ухудшением позиций университетов страны в международных рейтингах, уменьшением числа цитируемых трудов и числа поданных патентных заявок¹. В 2019 г. Россия в рейтинге GI осталась на прежних позициях.

Инвестор проявляет интерес, когда в регионе есть не только большой природно-ресурсный потенциал, но и квалифицированные кадры, развитая инфраструктура для его реализации. Однако образовательные программы, образовательная среда и наличие большого количества профессиональных кадров — это важные, но не единственные источники привлечения инвестиций со стороны местного и иностранного бизнеса, который заинтересован в повышении квалификации своих сотрудников.

Активная инновационная и научная деятельность вузов по получению результатов интеллектуальной деятельности и осуществление политики в сфере интеллектуальной собственности не в меньшей мере способствуют привлечению бюджетного финансирования, иностранных партнеров и частных инвесторов.

В процессе такой деятельности устанавливаются прямые связи с инновационными структурами на местном, региональном и государственном уровнях. Например, в Ростовской области 14 вузов и восемь научных организаций объединили свой научный потенциал более чем с тридцатью индустриальными партнерами, став участниками нового Южного национального образовательного центра, основное направление работы которого — инновационное сельхозмашиностроение. Центр участвует в конкурсе на финансирование в 2021 г. в размере до 700 млн рублей². Благоприятный экономический климат для участников

---

¹ Источник: РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/06/2017/594271b19a79473ed86548d0> (дата обращения: 11.06.2020).

² URL: <https://futurerussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/826663> (дата обращения: 03.07.2020).

этого партнерства невозможен без охраны прав на интеллектуальную собственность. Право интеллектуальной собственности помогает решать вопросы взаимодействия между научными коллективами и предприятиями. Чем выше степень защиты инновационных разработок, тем в больших объемах могут быть предоставлены инвестиции.

Вузы могут создавать на территории субъекта Федерации «креативную экосреду», благодаря которой вокруг университета начинает формироваться «инновационный пояс» высокотехнологичных стартапов (часто созданных студентами и выпускниками вуза)¹. В деятельности по привлечению инвесторов в стартапы — права интеллектуальной собственности один из мощнейших инструментов в переговорах.

Сильный вуз в регионе — это также его бренд, усиливающий магнетизм инновационной экосистемы и привлекающий больше иностранных студентов и преподавателей [15, с. 8]. Это важные «стратегические инвесторы», которые могут принести в регион не только деньги, но и навыки, знания, новые технологии. В глобальном масштабе это формирует положительный облик вуза, стимулирует открытие инновационных предприятий и создание новых рабочих мест как для жителей региона, так для сотрудников и выпускников вуза, позволяет улучшить материальную базу учебного заведения [19].

Эффективная система управления интеллектуальной собственностью вуза рассматривается сегодня не только как элемент финансовой политики. Она способна обеспечить повышение его инвестиционной привлекательности: если результаты интеллектуальной деятельности организации отражаются на бухгалтерском балансе, они повышают показатель капитализации. Это дает преимущество при подаче заявок на конкурсное финансирование и способствует получению грантов. Оценка и идентификация объектов интеллектуальной собственности в бухгалтерском учете как нематериальных активов дает вузам перспективы их коммерциализации: практика показывает, что такой доход может достигать до 50–60% от всего бюджета вуза. Для университетов рыночная стоимость нематериальных активов — важный имиджеобразующий фактор, поддерживающий их научно-исследовательский статус в международных рейтингах и способствующий продвижению образовательных программ на глобальном рынке [4].

¹ Источник: выступление ректора НИТУ МИСиС Черникова А.А. на форуме «Экосистема инноваций: университеты и научные организации», 21.04.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2969274> (дата обращения: 19.05.2020).

Однако большинство результатов интеллектуальной деятельности отечественной системы высшего образования не оформляются как нематериальные активы, в первую очередь, из-за того, что руководство не считает это нужным.

Сейчас много говорится о необходимости коммерциализации вузовских разработок, но лишь ограниченному числу вузов удается обеспечить реализацию своих результатов интеллектуальной деятельности, найти инвесторов на финансирование проектов или партнеров, заинтересованных в лицензировании.

Инвестору требуется понятная ему информация. Заметная роль в этом процессе принадлежит рейтинговым агентствам, которые предоставляют инвесторам информацию об объекте с позиции риска, таким образом оказывая влияние на их выбор [21].

Рейтинги в последнее время стали популярным инструментом исследования различных сфер деятельности организаций и стран. Система образования не стала исключением. Для оценки инвестиций в сферу образования используются региональные и международные рейтинги. Они включают различные показатели, например, «академическая репутация» (в рейтинге QS World University Rankings), «индекс репутации среди работодателей» (в рейтинге Times Higher Education). Есть и показатели качества образовательных программ, цитируемости, связанные с объемом финансирования исследований сторонними компаниями и оценкой научного потенциала.

Наличие портфеля объектов интеллектуальной собственности, которые готовы к коммерциализации, — отличная возможность для вуза продемонстрировать свой инновационный потенциал инвестору.

Рейтингов много, однако во всех признанных среди российских вузов одни и те же лидеры. Причем они демонстрируют достижения сразу по многим направлениям деятельности [14]. В первую очередь сильные позиции среди университетов — участников упомянутого проекта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Вузы как центры пространства создания инноваций», так называемого «5–100»¹. Впечатляющий прогресс в повышении конкурентоспособности данных вузов на сотни позиций в международных рейтингах в течение 3–5 лет связан в том числе с разработкой прорывных технических решений, развитием технологического трансфера и внедрением системы управления интеллектуальной собственностью.

---

¹ Официальный сайт проекта «5–100». URL: <https://www.5top100.ru/universities/>.

Стоит отметить рост интереса российских университетов к созданию на базе вузов центров поддержки технологий и инноваций (далее — ЦПТИ). Напомним, что цель создания таких центров — обеспечить более широкий доступ к специализированным базам данных в области интеллектуальной собственности, а также обучение пользователей проведению патентных исследований и использованию патентной информации при коммерциализации разработок. Согласно данным Роспатента, среди 170 хозяйствующих субъектов, создавших ЦПТИ, — 79 вузов [5, с. 55]. Одновременно такие ЦПТИ при вузах помогают в наращивании инновационного потенциала территории субъекта Федерации.

Таким образом, региональным властям стоит внимательнее присмотреться к интеллектуальной собственности местных вузов не только как неотъемлемой составляющей инновационного потенциала территории, но как к источнику притяжения инвестиций. Тем более что поиск новых инструментов повышения инвестиционной привлекательности регионов является особо актуальной задачей в свете необходимости обеспечения планируемого Правительством Российской Федерации темпа роста отечественной экономики более 3% в год. Это возможно только на основе роста инвестиционной активности по отношению к результатам интеллектуальной деятельности. К сожалению, сегодня они составляют примерно 2% от ВВП, остальные 98% приходятся на инвестиции в основной капитал [9].

В таких обстоятельствах важное значение приобретает поддержка властями региона не только инновационной и научно-исследовательской деятельности опорных университетов, но и грамотное позиционирование такой деятельности для инвесторов.

Практически все зарубежные университеты формируют пул патентов, который является не только удобным инструментом управления интеллектуальной собственностью, но и важным элементом маркетинга.

Например, когда себя презентует Массачусетский технологический институт, он делает акценты не на публикационной или изобретательской активности, а демонстрирует суммарную капитализацию компаний, созданных выпускниками [17]. Таким образом, инвестор понимает, что, работая с этим институтом, возможно в будущем зарабатывать деньги на научных публикациях и разработках ученых.

Опыт Стэнфордского университета показывает, что эффективно совместить научные цели и коммерциализацию технологий возможно тогда, когда трансфер технологий рассматривается не только как ис-

точник дохода для вуза, но и как практически единственный способ донести свои разработки до мира [13].

Многие европейские университеты выбирают аналогичный путь своего научного развития, поскольку вузы традиционно служат общественным интересам. Ориентация университета на проведение НИОКР, развитие прорывных научных исследований влияет на его взаимодействие с местным сообществом и региональными стейкхолдерами. В свою очередь, это положительно сказывается на позиционировании вуза и помогает решать вопросы с поиском инвесторов и партнеров. При наличии таковых интеллектуальный потенциал вуза превращается в инновационный через коммерциализацию результатов интеллектуальной деятельности. Дополнительные доходы вуза от коммерциализации помогают дальнейшей научной деятельности ученых, улучшается репутация университета, повышается его конкурентоспособность, растет вклад в социально-экономическое развитие региона.

Российские вузы составляют значительную часть (а в некоторых регионах преобладающую) среди организаций, выполняющих исследования и разработки. При этом изменение патентной активности в России не коррелирует с динамикой роста инвестиций и затрат на НИОКР. До состояния полезной модели или промышленного образца доходит менее 22% инноваций, что свидетельствует о низкой степени их внедряемости [10, с. 61].

Для того чтобы происходил трансфер технологий, нужно решить проблему поиска заказчика. Только единицы отечественных вузов умеют эффективно позиционировать свой интеллектуальный капитал. Потенциальные заказчики и инвесторы могут находиться рядом на одной территории, а вуз их не видит (или они не рассматривают вуз как объект для инвестиций).

Одна из причин заключается в том, что в России финансирование вузов больше чем на 90% осуществляется за счет государства и связано с крупными государственными проектами, в частности, Федеральными целевыми программами (ФЦП) или проектами в рамках реализации Постановления Правительства Российской Федерации от 09.04.2010 № 218 «Об утверждении Правил предоставления субсидий на развитие кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций реального сектора экономики в целях реализации комплексных проектов по созданию высокотехнологичных производств». Вузы предпочитают иметь гарантированную финансовую поддержку, славу и статус по результатам научных трудов, а не рискованную стратегию работы

с индустрией [16]. Зачастую патент — это не реальный объект для коммерциализации, а индикативный показатель, который вытекает из федеральных целевых программ.

При этом практически все вузы отмечают недостаток государственных средств, выделяемых из бюджета. Привлечение инвестиционного финансирования и средств коммерческого НИОКР в среднем составляет в российских вузах около 6% финансирования (в мировой практике примерно 50% приходится на частных инвесторов). Доступность бюджетных средств и неприспособленность большинства вузов и научных организаций к правильному использованию инвестиционных средств приводит к тому, что формируется культура, препятствующая привлечению внешних инвестиций [15, с. 21].

Представители промышленности в России высказывают недовольство участием вместе с вузами в таких бюджетных проектах, поскольку это сопряжено с серьезными трудностями, в частности: отдельный режим бухгалтерского учета, проверки со стороны прокуратуры, регулярное согласование с Министерством науки и вузами, большие объемы отчетности [15, с. 19]. Крупный бизнес также отмечает, что в российских вузах не развит маркетинг: часто он построен на рыночном продвижении своих образовательных услуг, но не инновационного потенциала и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности.

Вопросы применения вузами методов маркетинга, являющихся неизменным и необходимым условием успешной коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, нашли свое отражение в Рекомендациях по управлению интеллектуальной собственностью в российских научных организациях и организациях высшего образования, разработанных в 2015 г. при поддержке Минобрнауки России. В отношении маркетинга вузам даются следующие советы:

- применение методов бренд-менеджмента для формирования имиджа вуза как активного игрока на рынке интеллектуальной собственности для продвижения образовательных и консалтинговых услуг;
- отражение на сайте вуза портфеля объектов интеллектуальной собственности в целях рекламы исследовательских проектов, научных достижений и инновационных разработок;
- развитие маркетинговых коммуникаций с деловыми партнерами, потенциальными потребителями интеллектуального продукта, профессиональными сообществами (в частности, целесообразно создание специального подразделения, ответственного за маркетинг интеллектуальной собственности).

Активно ведут такую маркетинговую работу прежде всего вузы с высоким научным потенциалом. Например, сайт Южно-российского государственного политехнического университета имени М. И. Платова содержит информацию о научно-инновационном потенциале вуза, включая реестр результатов интеллектуальной деятельности (патенты, свидетельства, ноу-хау) по годам¹. Но интернет-площадки вуза не всегда бывает достаточно для эффективного маркетинга инновационного потенциала и привлечения инвестиций. На университетских сайтах приходится размещать огромный массив и другой информации, связанной с правилами приема, учебным процессом, отражающей соответствие вуза требованиям федеральных государственных образовательных стандартов и др. У инвесторов нет времени и желания анализировать значительные объемы информации, искать релевантную, соотносить ее со своими инвестиционными приоритетами.

Вузы не понимают, как работать с инвесторами², и продолжают находиться в режиме ожидания поступления предложений. Значительная часть потенциальной инновационно емкой информации о научном, изобретательском и интеллектуальном потенциале вуза (чаще всего без понимания его стоимости) оседает в его пределах. Нередки случаи теневых прямых контактов работников вуза с бизнесом, которые ведут к созданию объектов интеллектуальной собственности, к которым университет, как правило, не имеет никакого отношения. Это говорит о недооценке научно-педагогической общественностью значимости современных маркетинговых коммуникаций в позиционировании конкурентных преимуществ научно-инновационной деятельности университета [20].

Для активизации процесса коммерческого использования интеллектуального потенциала вуза целесообразно переходить в активную фазу поиска инвесторов.

Достижению этой цели способствует наличие в вузе политики в области интеллектуальной собственности, которая формирует общую структуру системы управления интеллектуальной собственностью в университете, культуру обращения с результатами интеллектуальной деятельности, укрепляет репутацию вуза, информирует всех участников инновационного процесса о способах закрепления, учета, использова-

---

¹ URL: <https://www.npi-tu.ru/index.php?id=2009>.

² Интервью с советником ректората, директором фонда целевого капитала МГПУ Анисиным А. А. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.if24.ru/vuzy-i-investory/> (дата обращения: 22.05.2020).

ния, защиты результатов интеллектуальной деятельности для повышения доходности и эффективности его деятельности [18]. Политика в области интеллектуальной собственности нацелена на создание инновационной экосистемы вуза и обозначает тесные взаимосвязи между всеми участниками инновационных процессов, в том числе с различными инвесторами.

Подавляющее большинство результатов, создаваемых в университетах (с учетом их профиля), являются произведениями науки: учебно-методические материалы, электронно-образовательные ресурсы, учебные программы, программы ЭВМ, диссертации, статьи, журналы, научные отчеты, материалы на сайте университета и пр. Эти объекты интеллектуальной собственности достойны собственного отдельного рассмотрения в свете позиционирования вуза перед инвесторами. Они влияют на инвестиционную привлекательность через компоненту имиджа. Еще известный американский экономист и маркетолог Ф. Котлер отмечал, что часть маркетинговых инструментов обязательно должна быть непосредственно привязана к продажам того или иного продукта, они могут быть направлены на реализацию различных стратегических проектов и общее повышение эффективности деятельности [11].

В этой связи хорошим примером является позиционирование университета ИТМО, участника проекта «5–100», под названием «Больше, чем университет». В 2015 г. выставку Magic of Light за четыре месяца работы посетили более 82 000 человек из восьми стран, 40 городов и более 150 школ¹. Фильмы об университете творческая команда вуза превращает в мультфильмы. Узнаваемость вуза сегодня — это бренд Северной столицы России, помогающий налаживать партнерские связи с зарубежными регионами. ИТМО активно позиционирует в информационной сети и СМИ проекты своих учащихся и выпускников, особенно те, которые приносят вузу инвестиции. В интернете можно встретить много заголовков, аналогичных следующему: «Стартап магистра ИТМО <...> — компания Improvado закрыла сделку по привлечению инвестиций 60 бизнес-ангелов и венчурных фондов»².

Не у каждого вуза есть такие ресурсные возможности, как в ИТМО. Поэтому поддержка местных властей им необходима. Задачи совершенствования процессов коммерциализации технологий и использования

¹ URL: <http://magicoflight.ifmo.ru/> (дата обращения: 21.05.2020).

² URL: https://www.dp.ru/a/2019/04/09/Startup_magistra_ITMO_pri (дата обращения: 21.05.2020).

интеллектуальной собственности в инвестиционной деятельности сегодня актуальны и значимы как для университетов, так и для регионов Российской Федерации. Уровень инвестиционной привлекательности научно-инновационной деятельности вуза взаимосвязан с объемами привлеченных инвестиций в регион.

В практических Рекомендациях по управлению правами на РИД и средства индивидуализации в регионах Российской Федерации, разработанных в 2018 г., регионы обозначены ответственными:

- за содействие формированию политики в области интеллектуальной собственности научных и образовательных организаций и координацию их деятельности;
- реализацию информационной политики, популяризацию и продвижение интересов субъектов Российской Федерации в сфере интеллектуальной собственности;
- использование патентной информации для повышения эффективности инвестиционных проектов.

Но в рекомендациях, к сожалению, ничего не говорится о целесообразности содействия местных властей установлению партнерских отношений между вузами региона и инвесторами, о необходимости дополнительных усилий по популяризации и продвижению научных идей и разработок опорных вузов региона.

За рубежом, как уже было сказано выше, наоборот: инновационный, креативный и предпринимательский дух вуза важнее формальных показателей рейтингов. Креативные методы продвижения любых объектов интеллектуальной собственности вуза помогают формировать представление потенциальных инвесторов о характере научно-исследовательского и образовательного пространства в университете.

Целесообразной видится поддержка со стороны региональных властей различных научных и просветительских мероприятий вузов своего региона; помощь в их организации в более масштабном и творческом формате, в том числе за пределами территорий университетов; совместная работа над формированием в местном социуме инвестиционного мышления. Это многофункциональный инструмент воздействия университета на различные целевые аудитории, помогающий развивать стратегические маркетинговые коммуникации.

Преследуя одни цели, можно вместе позиционировать вуз, например, на инвестиционных онлайн-площадках региона. Фокусировка должна быть на интеллектуальной собственности вузов с концентрацией на ключевых компетенциях, необходимых в регионе. Это позволит вузу «встроиться» в программы и планы регионального развития

в качестве полноценного партнера бизнеса, государства и местных сообществ [1].

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что и университеты, и регионы сегодня обоюдно заинтересованы в поиске дополнительных частных инвестиций. Источником роста инвестиционной привлекательности как самого вуза, так и территории, на которой он находится, может выступать интеллектуальная собственность. Научные и образовательные учреждения России благодаря реализации политики в сфере интеллектуальной собственности за последние 10 лет увеличили долю своего финансирования почти на 24% [10, с. 59].

В целях повышения инвестиционной привлекательности российским образовательным организациям высшего образования можно дать следующие рекомендации:

- изменение стратегического мышления руководства вузов в сторону активной инновационной и научной деятельности, инвестиционной грамотности, управления интеллектуальной собственностью;
- формирование портфеля объектов интеллектуальной собственности, его оценка и отражение в бухгалтерском учете;
- систематизация информации об объектах интеллектуальной собственности, имеющих потенциал коммерциализации, на сайте вуза и на инвестиционной онлайн-площадке региона;
- создание на базе вуза центра трансфера технологий, центра поддержки технологий и инноваций;
- креативное позиционирование научного и интеллектуального потенциала вуза, опыта инновационной деятельности;
- осуществление активных маркетинговых коммуникаций с региональными властями и инвесторами, направленных на продвижение инновационного потенциала и коммерциализацию результатов интеллектуальной деятельности.

Локальные инициативы вузов по развитию научно-инновационного потенциала следует переводить в разряд потенциальной «инвестиционно емкой» информации в масштабах региона, что даст возможность инвесторам принимать обоснованные управленческие решения.

Библиография

1. *Бобиенко О. М.* Региональное позиционирование вузов как закономерная тенденция развития высшей школы // Проблемы современной экономики. — 2012. — № 2(42) — С. 418–421.

2. *Бутарина Н. А.* Вузы как субъекты региональных инновационных процессов // Вестник КГУ. — 2012. — № 2. — С. 210–212.
3. *Варкулевич Т. В.* Формирование инвестиционной политики государственного вуза как основной фактор его инвестиционной привлекательности // Актуальные вопросы экономических наук. — 2009. — № 5-5. — С. 17–21.
4. *Васильева Ю. С.* Учет результатов интеллектуальной деятельности в качестве нематериальных активов в вузе // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2019. — № 12 — С. 13–22.
5. Годовой отчет Федеральной службы по интеллектуальной собственности за 2019 год. — М.: Роспатент, 2019. — С. 186.
6. *Иванова М. Г., Александрова А. В.* Сфера интеллектуальной собственности как самостоятельный объект стратегического планирования // Контроллинг. — 2019. — № 74. — С. 14–21.
7. Исследование НИУ ВШЭ «Оценка вклада региональных систем высшего образования в социально-экономическое развитие регионов России» // Современная аналитика образования. — 2017. — №3 (11) — С. 17.
8. *Каблов Е. Н.* Аддитивные технологии — доминанта национальной технологической инициативы // Интеллект и технологии. — 2015. — №2 (11). — С. 52–57.
9. *Казанцев К. Ю.* Проблемы инвестиционной активности на рынке интеллектуальной собственности России // Интерэкспо Гео-Сибирь. — 2019. — Т. 3, № 1. — С. 126–133.
10. *Казанцев К. Ю., Черных С. И.* Высшее образование и наука России на рынке интеллектуальной собственности // Высшее образование в России. — 2019. — Т. 28, № 12. — С. 53–65.
11. *Котлер Ф.* Основы маркетинга — М.: Прогресс, 1991. — С. 733.
12. *Мальцева А. А., Веселов И. Н.* Роль интеллектуального капитала университетов в региональном развитии: научно-технический и эмпирический анализ: монография. — Тверь: ТГУ, 2019. — С. 208.
13. *Масловская А. Г.* Проблемы развития инновационной деятельности высших учебных заведений // International Scientific Review. — 2016. — № 9 (19). — С. 61–63.
14. *Наводнов В. Г., Мотова Г. Н., Рыжакова О. Е.* Сравнение международных рейтингов и результатов российского Мониторинга эффективности деятельности вузов по методике анализа лиг // Вопросы образования. — 2019. — № 3. — С. 130–151.
15. Отчет по результатам исследования в рамках проекта РВК и бизнес-инкубатора «Ингрия» «Развитие инновационных экосистем вузов и научных центров». — СПб., 2015. — С. 30.

16. *Попова Е. В.* Российские университеты: между интернационализацией и технонационализмом // Социология власти. — 2015. — №3 (27). — С. 174–196.
17. Рейтинг изобретательской активности вузов — 2017: Специальный доклад АЦ «Эксперт». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.acexpert.ru/analytics/ratings/rejting-izobretatelskoy-aktivnosti-vuzov.html> (дата обращения: 20.05.2020).
18. *Смирнова В. Р.* Проблемные вопросы формирования политики интеллектуальной собственности в вузах и НИИ на современном этапе // Копирайт. Вестник РГАИС. — 2019. — № 4. — С. 37–41.
19. *Степанов А. В.* Интеллектуальная собственность вуза: проблемы управления // Экономика и предпринимательство. — 2019. — № 10 (111). — С. 916–919.
20. *Тарасов А. М.* Повышение инвестиционной привлекательности научно-инновационной деятельности университета средствами маркетинговых коммуникаций // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2012. — № 152. — С. 48–54.
21. *Уланов В. Л.* Использование потенциала российских университетов для привлечения инвесторов // Промышленная политика в Российской Федерации. — 2015. — № 1–3. — С. 40–42.

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Д. М. Цукерблат,
кандидат педагогических наук,
ведущий научный сотрудник
ГПНТБ Сибирского отделения Российской академии наук
(г. Новосибирск, kki@spsl.nsc.ru)

А. А. Николаенко,
заместитель директора по инновационной деятельности
ИХТТМ Сибирского отделения Российской академии наук
(г. Новосибирск, nikolaenkonal@gmail.com)

Потенциал коммерциализации научно-технических разработок научно-исследовательских институтов¹

Статья посвящена стратегически важной и сформулированной на государственном уровне проблеме — несоответствию объема созданных новых знаний в области науки и техники эффективности их использования в экономике. Чтобы ее решить, требуется установить устойчивое партнерское взаимодействие науки, образования и бизнеса, которое может быть усилено за счет применения инструментов интеллектуально-инновационной и промышленной политики. В статье приведены успешные примеры коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности научно-исследовательских институтов.

Ключевые слова: инновации, интеллектуальная собственность, партнерство, высокотехнологичный бизнес, Новосибирский научный центр СО РАН.

Умение работать с информацией и новыми знаниями играет большую роль для лидерства компаний на рынке. Это определяет конку-

---

¹ На примере Новосибирского научного центра СО РАН.

рентное преимущество, которое обеспечивается наличием уникальных товаров (технологий, идей, моделей организации деловых процессов) и временем (от появления идеи до внедрения товара на рынок). При этом в современных условиях важность интеллектуального капитала и интеллектуальной собственности (далее — ИС) выросла многократно.

Кооперация науки и бизнеса позволяет быстрыми темпами решать задачи реального сектора экономики, создает большие возможности для взаимодействия науки и бизнеса через поддержку малых проектов с акцентом на развитие доверительных отношений и сотрудничества. Организация сообществ единомышленников — ученых, настроенных на сотрудничество с бизнесом, осуществляется не в последнюю очередь с помощью организации форумов, семинаров, тематических встреч и других специальных событий.

Партнерство

На государственном уровне широко обсуждается необходимость использования результатов интеллектуальной деятельности. Существует мнение, что нежелание фирм патентовать свои разработки возникает главным образом из-за опасений раскрыть информацию конкурентам. А между тем именно грамотное использование патентов «позволяет повысить капитализацию предприятия и общую его эффективность за счет превращения интеллектуальной собственности в нематериальные активы предприятия» [10].

В научно-исследовательских институтах Новосибирского научного центра СО РАН (далее — ННЦ СО РАН) накопился значительный опыт высокотехнологичной кооперации с другими субъектами в современных условиях экономической нестабильности и сложилось определенное видение проблем развития партнерских взаимосвязей [8].

Несмотря на то что вопросы взаимодействия науки, образования и бизнеса стоят на повестке дня на протяжении длительного времени, тем не менее разработать эффективные меры и инструменты поддержки, способные стимулировать создание и развитие прорывных инновационных проектов, не всегда удается. Одной из причин является то, что у каждой из сторон свои цели, и они разные. В этом видится основная проблема конфликта целеполагания участников взаимодействия. Для бизнеса главное — получение прибыли, тогда как ученые хотят удовлетворить свое научное любопытство, решая поставленную задачу. Лишь когда разные цели науки и бизнеса пересекаются и начи-

нают работать на общий результат, возникают примеры их успешной кооперации.

При результативном взаимодействии науки и бизнеса возникает синергетический эффект для всех его участников: ускоряется внедрение разработок, создаются кросс-функциональные команды, задачи решаются комплексно. Из отдельных элементов создается инновационная экосистема. Примерами могут послужить проекты «Аэротомография» и «Национальный центр испытаний и инжиниринга катализаторов», в каждом из которых выстроена сложная система взаимодействий между университетом, научно-исследовательскими институтами и индустриальными партнерами [4].

Такая система позволяет уже на ранних этапах сотрудничества определить цели и мотивацию различных участников и оценить их вклад, ожидаемые результаты и распределение потенциальных синергетических эффектов. Поддержка государства в данных случаях не исчерпывается финансовыми инструментами (которые, безусловно, очень нужны для устойчивости проектов). Не меньшую важность имеет заинтересованность власти в получении общественно значимых результатов, повышении уровня доверия между участниками партнерства. Например, в рамках госпрограммы «Стимулирование научной, научно-технологической деятельности в Новосибирской области» 15 инновационных проектов в 2019 г. получили до 3 млн рублей каждый, при этом общая сумма превысила 36 млн рублей. За период 2012–2018 гг. 30 инновационных компаний получили 57 субсидий на сумму более 40 млн рублей. Проекты 12 компаний внедрены в производство и достигли запланированных показателей по выручке от реализации и чистой прибыли. Еще по 18 проектам работы продолжаются [1]. Пока таких примеров немного, и каждый из них уникален, поэтому говорить о сформированной системе трансфера технологий рано.

Среди наиболее существенных проблем в инновационной сфере можно выделить следующие.

1. Недостаток или отсутствие финансирования на ранних стадиях инновационных проектов (прикладных разработок, опытного производства, инжиниринговых работ).
2. Сложности поиска партнеров и организации эффективного взаимодействия с различными участниками инновационного цикла, особенно с крупными промышленными предприятиями. При этом компании заключают договоры с НИИ на разработку технологий в основном на деньги, выданные государством в виде субсидий.

3. Трудности в поиске потенциальных заказчиков, связанные во многом с незначительной величиной высокотехнологичного сектора промышленности, способного предъявлять спрос на научные исследования и разработки.
4. Недостаточно четко оговоренные правила по распоряжению правами на РИД (оценка, порядок отчуждения и защиты). Эта проблема возникает как у научных институтов, так и у отдельных исследователей и организаций, в том числе при выходе на внешние рынки.
5. Отсутствие обоснованных экономических оценок проектов и рыночного потенциала продукта или услуги. Большинство институтов испытывают потребность в экономическом обосновании имеющихся проектов, исследовании и оценке потенциального рынка технологий.
6. Отсутствие механизма «одного окна» для взаимодействия с информацией о возможностях государственной поддержки инновационных проектов.

В большинстве случаев научные институты сталкиваются с серьезными проблемами в продвижении даже перспективных разработок. Такие проекты, как «Опытное производство» (Институт ядерной физики СО РАН, Институт катализа СО РАН), «Центры коллективного пользования» (Центр синхротронного и терагерцевого излучения и Центр геохронологии кайнозоя на базе ИЯФ СО РАН), ЦКП «Высоко разрешающая спектроскопия газов и конденсированных сред» на базе Института автоматики и электрометрии СО РАН, «Центр генетических ресурсов лабораторных животных» при Институте цитологии и генетики СО РАН, и др., в большинстве случаев убыточны. Общей проблемой, решить которую силами самих научных институтов крайне сложно, является покрытие затрат на содержание элементов инновационной экосистемы.

На базе многих научных институтов созданы малые инновационные предприятия (МИП), однако большинство из них фактически не работает. Что касается действующих предприятий, то у них, как правило, остро стоит проблема распределения прав и полномочий между индивидуальными разработчиками и непосредственно научно-исследовательскими институтами. Кроме того, следует отметить наличие конфликта целей для научных сотрудников, ориентированных на подготовку научных публикаций (основного критерия оценки эффективности научной деятельности), и сотрудников, занимающихся внедрением и коммерциализацией прикладных разработок. В целом

среди участников проектов мало тех, кто готов заниматься разработкой технологий, так как написать проект и получить грант, итогом работы по которому будет статья, легче, чем пытаться результаты коммерциализировать.

Готовых рецептов не существует, любая история успеха уникальна и основывается на множестве благоприятных условий, в том числе случайных и непредсказуемых. Общим здесь является мнение научных сотрудников о том, что продвижение и коммерциализация разработок требуют координации усилий различных организаций и поиска индустриальных партнеров. Однако необходимое условие успешной реализации научных разработок — эффективные схемы и механизмы партнерских взаимодействий. Во многих случаях они формируются спонтанно. Видимо, поэтому опыт сотрудничества с предприятиями характеризуется в академической среде неоднозначно. Отдельные попытки сотрудничества институтов с крупными предприятиями в рамках национальных проектов оказались неэффективными, поскольку нацпроекты не обеспечены достаточным финансированием. Перспективной, по оценкам руководства институтов, формой консолидации усилий различных акторов (действующих субъектов, индивидуальных или коллективных) могут стать комплексные планы научных исследований, направленные на формирование междисциплинарных связей [5]. Именно такие планы, реализацией которых должны управлять межведомственные комитеты с представительством заказчиков, потенциально могут играть роль платформ, которые интересны бизнесу. Наиболее привлекательной формой взаимодействия разработчика и заказчика для многих институтов в настоящее время является гособоронзаказ.

Высокотехнологичный бизнес

Большинство высокотехнологичных компаний, работающих в области биомедицинских, информационных, нанотехнологий и электроники, являются малыми или средними предприятиями, но глобальными по масштабу деятельности. Они работают на мировом рынке и как потребители, и как поставщики. Высокотехнологичный бизнес рекомендует: даже если внутренний рынок не является приоритетным, присутствие на нем важно, поскольку выходить на мировой рынок проще, если уже есть опыт работы с аналогичными заказчиками в России (как пример, ООО «ОКСИАл.ру», ООО «ДатаИст», АО «ВЕКТОР-БЕСТ», группа компаний «ТИОН», и др.).

В дни проведения Международного форума технологического развития «ТЕХНОПРОМ-2019», который состоялся в Новосибирске [6], представители высокотехнологичного бизнеса в ходе обсуждения аспектов партнерства с представителями науки и высшего образования выделили главные факторы успеха:

- наличие сильного лидера — с четким видением стратегических перспектив, способного создать сильную команду профессионалов (баланс управленцев и специалистов);
- высокое качество разработок и наличие технологических решений, обладающих конкурентными преимуществами на глобальном рынке;
- высокая квалификация и мотивация сотрудников;
- правильный выбор ниши на рынке, внутренний спрос и снижение барьеров выхода на международные рынки;
- доступность ресурсов (достаточные средства);
- невмешательство со стороны государства.

Умение выстроить коммуникации и создать сеть партнерских отношений с другими акторами особенно важно на этапе становления бизнеса. Тесная связь науки и бизнеса (в плане партнерства) выступает в качестве первичного фактора для появления новых компаний. В своей оценке важности партнерства компании обращают особое внимание на высокий темп создания инноваций. Скорость часто является решающим фактором, а сотрудничество способно ускорять разработку и внедрение инновационных продуктов. Другим важным плюсом становится распределение затрат на исследования и разработки (R&D).

При этом основная проблема — недостаток кадров нужной квалификации. Например, IT-компании отмечают сложности с привлечением и удержанием высококвалифицированных программистов. В качестве значимых барьеров для развития высокотехнологичного бизнеса можно выделить крайне низкий уровень взаимного доверия и отсутствие коммуникаций между представителями науки и бизнеса, которые также препятствуют росту последнего. Так, известны примеры, когда у компаний нет желания расти, и они выбирают тактику «дробления» на более мелкие фирмы, создания конгломератов, чтобы не привлекать к себе внимания. У предпринимателей отсутствует уверенность в завтрашнем дне. Поэтому компании выносят свое производство за пределы России — ближе к потребителям и для минимизации экономических рисков. Так, например, в 2017 г. возник скандал по поводу подозрений в мошенничестве вокруг группы компаний «ТИОН», которая специ-

ализируется на высоких технологиях по очистке воздуха. В настоящее время компания является лидером рынка в своем сегменте [3].

Отмеченные проблемы формирования эффективного взаимодействия академических институтов и высокотехнологичного бизнеса обобщены в таблице.

Таблица

**Проблемы кооперации академической науки
и высокотехнологичного бизнеса**

Наука	Бизнес
– отсутствие у НИИ компетенций по «упаковке» проекта, разработке бизнес-плана для представления инвесторам и бизнесу	– сложности в получении актуальной информации по новым разработкам и проектам
– отсутствие компетенций в юридическом сопровождении сделки по передаче технологии	– отсутствие высококомпетентных кадров, способных работать в инновационной среде
– отсутствие институциональных условий, способствующих развитию кооперации науки и бизнеса	– отсутствие согласованности мотивации и действий
– общий уровень развития и структура экономики, ограничивающие спрос на инновационные разработки	– сложности в привлечении инвестиций, в том числе от венчурного фонда
– негативный опыт сотрудничества с бизнесом, «вывод» технологий	– низкий уровень доверия к потенциальным партнерам в целом
– отсутствие средств на проведение инжиниринговых работ	– отсутствие механизма управления интеллектуальной собственностью

И тем не менее результаты пилотного обследования ведущих институтов естественно-научного профиля СО РАН и инновационных компаний позволили сделать оптимистичный вывод: преодоление этих барьеров между наукой и бизнесом как участников региональной инновационной экосистемы в Новосибирской области, регионе с высоким уровнем научного и технологического развития, возможно.

В числе перспективных проектов можно назвать:

- Сибирский кольцевой источник фотонов (СКИФ) и «Супер С-тау фабрику», которые планируется построить в Новосибирске;
- Сибирский национальный центр обработки и хранения данных;
- Центр нефтегазовой геологии и геофизики;
- Центр исследований минералообразующих систем;
- Центр нанотехнологий;

- Междисциплинарный исследовательский комплекс аэрогидродинамики, машиностроения и энергетики;
- приборостроительный ЦКП;
- проект центра «Генетические технологии», который инициирован ФИЦ «Институт цитологии и генетики СО РАН». Его разработки необходимы для развития медицины, сельского хозяйства и биотехнологий в РФ, что соответствует приоритетам Стратегии научно-технологического развития РФ в части создания центров геномных исследований мирового уровня [11].

Институты СО РАН выполняют фундаментальные исследования высокого уровня, имеют прорывные прикладные разработки с потенциалом коммерциализации, которые представляют интерес как для отечественных, так и для зарубежных предприятий. В современном мире в условиях перенасыщения многоконкурентных товаров предприниматели Новосибирской области делают все возможное для развития внешнеторговых связей в сфере экспорта продукции металлообработки, машиностроения, продукции переработки угля, нефти и торфа, а также крайне востребованной продукции Центра вирусологии и биотехнологий «Вектор» [7]. Большую долю крупнейших компаний-экспортеров составляют предприятия, которые, так или иначе, являются инновационными. Прежде всего это «НЗХК», «Элсиб», «Катод», «Искра», экспортирующие свою продукцию в 134 страны ближнего и дальнего зарубежья на десятки миллионов долларов [9].

Примеры успешного регионального инновационного развития свидетельствуют о том, что оно происходит на территориях, где наука и бизнес работают в одной среде, используют одну и ту же инфраструктуру. Так, Институт химии твердого тела и механохимии СО РАН (далее — ИХТТМ СО РАН) разработал фильтрующий материал с нанопокрывом из серебра в качестве вкладыша в медицинские маски. Запатентованная разработка прошла успешно испытания в Центре вирусологии и биотехнологии «Вектор». Кроме того, на основе заключенного с ИХТТМ СО РАН лицензионного соглашения компанией «ВелФарм» успешно осуществляется производство и выпуск целой линейки лекарственных, противовозвездных и фармакопейных препаратов. Ключевыми элементами успеха при этом являются межличностные отношения, доверие участников друг к другу. Партнерские отношения между различными элементами среды представляют собой в первую очередь связи между отдельными людьми. Получается, что сотрудничают не организации, а отдельные люди. Накопленный опыт показы-

вает, что представители и науки, и образования, и бизнеса открыты к диалогу и готовы к сотрудничеству.

В свою очередь, опыт других стран демонстрирует, что кооперация между участниками системы создания знаний и инноваций, представителями науки и образования, бизнеса и государственной власти может не только усилить конкурентные преимущества каждого из них (в своей области интересов), но и создать синергетические эффекты, способствуя росту занятости, развитию новых высокотехнологичных производств и региональной экономики в целом.

Безусловно, мотивация и позиции каждой из сторон взаимодействия объективно различны, однако представляется, что непреодолимых противоречий между ними нет. Мировой опыт убеждает, что для коммерциализации научных разработок требуется координация действий многих участников, среди которых наиболее важными считаются крупные индустриальные партнеры, другие исследовательские организации и государственные структуры [2].

На ежегодном форуме «Кооперация науки и производства», который организует Центр поддержки предпринимательства Новосибирской области совместно с академпарком, представляются предложения научных институтов для промышленных предприятий — презентации проектов по различным направлениям. Безусловно, современным ученым нужна институциональная среда, развитие связей с внешним миром и развитие кадрового потенциала. От этого зависит в конечном счете успех интеллектуальной деятельности в долгосрочной перспективе.

В заключение отметим, что академические институты обладают значительным потенциалом коммерциализации научных и технологических разработок. Однако их реализация ограничена различными факторами:

- финансовыми (хроническое недофинансирование прикладных и экспериментальных разработок, устаревание приборной базы и оборудования),
- структурными (малая доля высокотехнологичной промышленности — основного потребителя результатов исследований и разработок),
- институциональными (жесткое регламентирование деятельности институтов, неопределенность прав и защиты интеллектуальной собственности) и др.

Наиболее значимыми партнерами для научных институтов ННЦ СО РАН являются отраслевые исследовательские институты, что позволяет объединять ресурсы и компетенции для осуществления интеле-

грационных исследований, которые могут завершиться созданием коммерциализуемых разработок, а также государственные структуры и госкорпорации, способные обеспечить государственные закупки и оборонный заказ. Малый бизнес пока не воспринимается в качестве привлекательного партнера для коммерциализации инновационных разработок, а университеты рассматриваются научными учреждениями и бизнесом прежде всего как учреждения образования, которые могут обеспечить приток кадров. Международные высокотехнологичные компании (Schlumberger, Huawei и др.) также придают большую значимость интеграции, партнерству и совместной деятельности, но не проявляют конкретных инициатив к плодотворному взаимодействию с академическими институтами.

Представляется, что, основываясь на тех реалиях и возможностях, которые имеются в науке и бизнесе для формирования современной многовекторной модели экономической интеграции, Новосибирская область может и должна стать примером социально-экономического развития для многих регионов нашей страны.

Библиография

1. *Васильев А.* Инновации — ключ к будущему [Электронный ресурс] // Новости сибирской науки. URL: <http://www.sib-science.info/ru/news/aleksey-vasilev-innovatsii-10062020> (дата обращения: 11.06.2020).
2. *Климова Н. В., Ларина Н. В.* Зарубежный опыт стимулирования инновационной деятельности в промышленном секторе [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. — 2014. — № 6/7. — С. 1442–1446. URL: <http://www.fundamental-vesearch.ru/ru/article/view?id=34358> (дата обращения: 12.06.2020).
3. *Кравченко Н. А.* Вызовы цифровой трансформации и бизнес высоких технологий / Н. А. Кравченко, В. Д. Маркова, Н. А. Балдина и др.; под ред. д.э.н. Марковой. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2019. — С. 134–184.
4. Компания «ТИОН». Официальная группа «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/tion_ru (дата обращения: 11.06.2020).
5. *Мокий В. С., Лукьянова Т. А.* Междисциплинарные взаимодействия в науке: подходы и перспективы [Электронный ресурс] // Экономическая наука современной России, 2017. URL: <https://www.ecr-journal.ru> (дата обращения: 21.05.2020).
6. Новосибирская область будет развивать сотрудничество с Роспатентом, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://ruptor.ru/news/19-09.2019> (дата обращения: 11.06.2020).

7. Новосибирская область в цифрах: статистический ежегодник / Территориальный орган ФСГС по Новосибирской области. — Новосибирск, 2020. — 135 с.
8. *Пармон В. Н.* Задачи СО РАН: взгляд в будущее // Наука в Сибири. — 2019. — 18 апреля. — № 15.
9. *Решетникова Н.* На пике активности // Российская газета. — 2018. — 9 августа.
10. *Смирнова В. Р.* Управление интеллектуальной собственностью в инновационной деятельности: автореферат диссертации на соискание ученой степени д-ра экон. наук; 0800.05. — М.: ГОУ ВПО Российский государственный университет инновационных технологий и предпринимательства, 2011. — С. 53.
11. *Чернышов С.* Лесная сказка // Совет директоров Сибири. — 2018. — № 7 (154). — С. 18.

ПРОМЫШЛЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

---

*К. М. Беликова,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права и процесса
и международного частного права
Юридического института
Российского университета дружбы народов
(г. Москва, belikovaksenia@yandex.ru)*

Терапевтическое клонирование с позиции положений законодательства об интеллектуальной собственности стран БРИКС¹

С позиции законодательства об интеллектуальной собственности стран БРИКС в контексте сценариев правового регулирования манипуляций со стволовыми клетками и исходя из понимания клонирования как медицинской, так и немедицинской технологии автором исследуются некоторые вопросы применения терапевтического клонирования. В статье проводится грань между терапевтическим и репродуктивным клонированием, изучается вопрос оснований допустимости/недопустимости терапевтического клонирования. Рассмотрение терапевтического клонирования как медицинской технологии позволило исследовать вопрос о его патентоспособности. Признание его в качестве немедицинской технологии дало возможность автору охватить круг вопросов, связанных с патентованием эмбриональных стволовых клеток и способа их изоляции, концентрации и т.д. в качестве изобретения по законодательству стран БРИКС. Приведены примеры оценки морально-нравственной стороны вопроса терапевтического клонирования, раскрыты национальные правовые особенности

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15030 мк.

подходов к соответствующей правовой регламентации, включая получение патента.

Ключевые слова: БРИКС, новые медицинские и немедицинские технологии, терапевтическое клонирование, репродуктивное клонирование, эмбрион, эмбриональные стволовые клетки, право интеллектуальной собственности, патенты, патентование способа, патентование продукта.

(Окончание статьи)

Исследователями (медиками, биологами) в отношении патентования результатов исследований эмбриональных стволовых клеток в *Бразилии* отмечается [9], что патентование стволовых клеток является предметом многих разногласий, которые создают неопределенность для компаний, имеющих желание инвестировать в перспективную терапию на основе этой технологии. Вместе с тем исследования эмбриональных стволовых клеток во всем мире дают новые надежды не только для пациентов с дегенеративными заболеваниями (болезни Альцгеймера, Паркинсона и др.), но и задают вектор и горизонты для научно-технического развития.

В настоящее время Бразилия довольно значительно отстает в плане наличия патентов в этой сфере, например, с 1999 по 2005 г. в стране было получено лишь 78 таких патентов. Тем не менее президент Бразильского общества биофизики (Brazilian Society of Biophysics) Марсело Моралес (Marcelo Moraes) [9] выразил надежду на то, что бразильские ученые смогут продолжать служить стране через развитие *национальных технологий*, чтобы открыть доступ к ним всему обществу, а не только тем, кто может платить за современное лечение за рубежом. Что касается простых граждан, то, согласно данным крупнейшего исследовательского института по изучению общественного мнения Бразилии — *Instituto Brasileiro de Opinião Pública e Estatística* (IBOPE), на вопрос о допустимости использования эмбриональных стволовых клеток при лечении серьезных заболеваний у людей был получен положительный ответ от 75% бразильцев в возрасте от 16 до 70 лет, большая часть из которых католики, хотя на момент опроса — 2008 г. — данных о результатах такой терапии в стране не было [9].

В этом формате в доступных научных исследованиях на эту тему в значительной степени подчеркивается сам факт проведения такого рода исследований, связанных со стволовыми клетками (рис. 1 и 2).

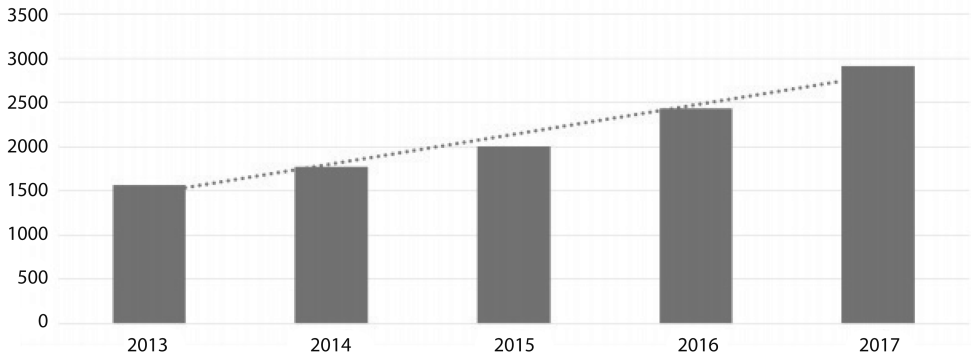

Рис. 1. Публикации бразильцев в журналах из БД Scopus, касающиеся стволовых клеток, за 2013–2017 гг. (по данным из БД Scopus на 2018 г.)¹

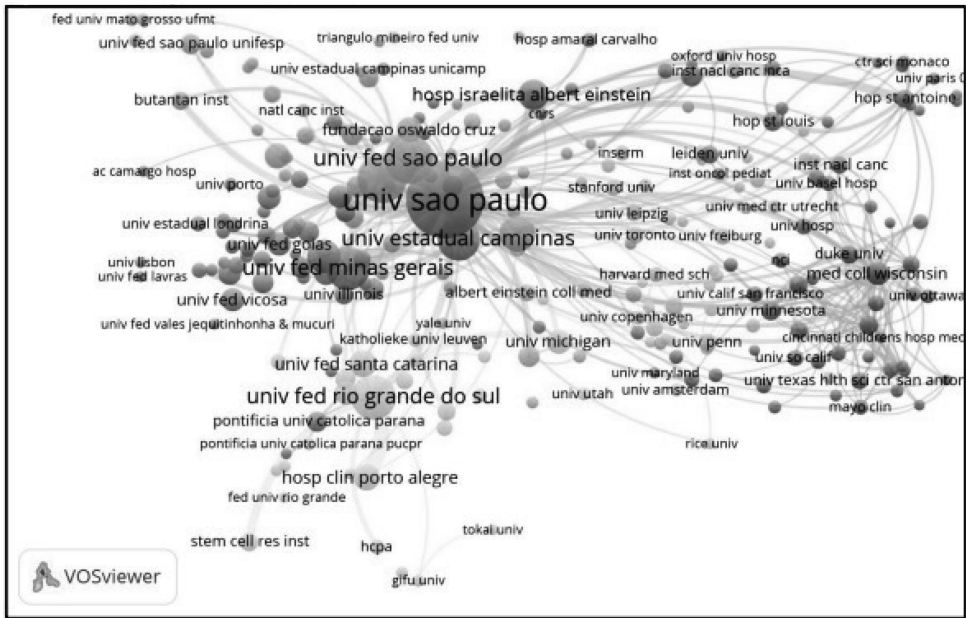

Рис. 2. Кластеры учреждений, публикующих большую часть работ в области исследования стволовых клеток в Бразилии и их коллаборации в 2013–2018 гг. (по результатам поиска в 2018 г.)²

¹ Источник: *Fernanda Bochi, Rene Faustino Gabriel Jr., Thiago Monteiro Alves, Ana Maria Mielniczuk de Moura*. Produção científica brasileira e patentes depositadas no brasil em células-tronco. P2P & INOVAÇÃO, Rio de Janeiro, v. 5 n. 1, p. 26–42, Set./Fev. 2018. P. 31. DOI: <https://doi.org/10.21721/p2p.2018v5n1>. P. 26–42. URL: <http://revista.ibict.br/p2p/article/view/4373/3751> (дата обращения: 13.04.2020).

² Источник: *Ibid*. P. 32.

В этом формате в законодательстве, стимулирующем практические исследования (сегодня это ст. 5 упоминавшихся ранее Закона 2005 г., пп. XIII, XIV ст. 3 и ст. 63 Декрета 2005 г.), для целей научных исследований и терапии использование эмбриональных стволовых клеток, полученных из человеческих эмбрионов, созданных в ходе процедуры экстракорпорального оплодотворения (далее — ЭКО) и не использованных в ней, допускается при следующих условиях: а) эмбрионы нежизнеспособны или б) криоконсервированные три и более года назад, отсчитываемых от даты опубликования Закона 2005 г., или эмбрионы, уже замороженные на момент публикации Закона 2005 г. и находящиеся в конце третьего года, отсчитываемого с даты криоконсервации.

В любом из этих случаев необходимо согласие родителей (§1 ст. 5 Закона 2005 г.) или научно-исследовательского учреждения и службы здравоохранения, которые проводят исследования или осуществляют терапию эмбриональными стволовыми клетками человека, представляют свои проекты для оценки и утверждения в соответствующую Внутреннюю комиссию по биобезопасности (§2 ст. 5 Закона 2005 г.).

Ограничения, с которыми столкнутся исследователи, — это «моральный» запрет; запрет патентования живых организмов или их частей; запрет патентования части или целого природного живого существа и биологических материалов, найденных в природе или даже изолированных от нее, включая природные биологические процессы (ст. 10 и 18 Закона 1996 г.); запрет на патентование методов лечения.

Таким образом, в Бразилии нельзя получить патент на изолированную стволовую клетку (эмбриональную и др.) человека или другого существа или линию таких клеток, часть выращенного из таких клеток органа или сам орган, но можно запатентовать *способ* изолирования стволовых клеток, их пролиферации, дифференцировки, культивации и т.п. Главное, чтобы они отвечали критериям патентоспособности — имели новизну, изобретательский шаг, промышленную применимость.

Однако узнать, на все ли приведенные в табл. 1 заявки были выданы патенты, автору не удалось.

Таблица 1

Заявки, связанные с патентованием стволовых клеток, способами манипуляций с ними, которые поданы в Патентное ведомство Бразилии в 1999–2004 гг.¹

№ патентной заявки	Предмет (описание) патентной заявки
PI9914465-4 17/08/1999	Способ контроля пролиферации и дифференцировки стволовых и прогениторных клеток и фармацевтическая композиция, вызывающая дифференцировку в их популяции
PI0009403-0 04/02/2000	Способ экспансии/консервации гемопоэтических недифференцированных стволовых клеток и прогениторных клеток; способ приготовления культурной среды из клеток желудка, пригодной для экспансии/консервации гемопоэтических недифференцированных стволовых клеток и прогениторных клеток; способ трансплантации гемопоэтических недифференцированных стволовых клеток и прогениторных клеток реципиенту и в биореактор
PI0008714-9 02/03/2000	Клеточные линии эмбриональных стволовых клеток, полученные путем переноса ядер соматических клеток
PI0008552-9 10/03/2000	Стволовые клетки и линии стволовых клеток, полученные из жировой ткани
PI0014864-4 13/10/2000	Способ получения линий дифференцированных прогениторных клеток и эмбриональных стволовых клеток
PI0016561-1 10/05/2000	Эмбриональные клетки или клетки, сходные со стволовыми, полученные переносом ядра соматической клетки в образец
PI0114639-4 12/10/2001	Генная терапия гемопоэтическими стволовыми клетками
PI0211570-0 30/07/2002	Способ мобилизации стволовых и прогениторных клеток
PI0312764-8 25/07/2003	Функциональные кардиомиоциты, выращенные из эмбриональных стволовых клеток человека

В России Законом о запрете клонирования терапевтическое клонирование (по терминологии российских специализированных научных кругов — клеточное размножение) не запрещается.

Какие же препятствия в сфере законодательства об интеллектуальной собственности имеются в отношении основывающихся на нем технологий в РФ? Из-за «морального» запрета, как рассмотренный выше, а также запрета использования человеческих эмбрионов в про-

¹ *Источник:* ANEXO I. Relação dos Pedidos de Patente sobre Células-tronco (ESTRATÉGIA 1) // Patenteamento de Células-tronco no Brasil Cenário Atual / Instituto Nacional Da Propriedade Industrial (INPI), Diretoria de Articulação e Informação Tecnológica (DART), Centro de Divulgação, Documentação e Informação Tecnológica (CEDIN), Divisão de Estudos e Programas (DIESPRO). Julho 2007. P. 41–45. URL: http://www.inpi.gov.br/menu-servicos/informacao/arquivos/patenteamento_de_celulas_tronco_no_brasil_cenario_atual.pdf (дата обращения: 13.04.2020).

мышленных и коммерческих целях согласно ст. 1349 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее — ГК РФ) невозможно удовлетворить одному из критериев патентоспособности изобретения — его промышленной применимости.

Поэтому в качестве объектов патентования выступают сами стволовые клетки, способы ингибирования их пролиферации и др., лекарственные препараты на основе клеточной суспензии, способы лечения сахарного диабета и др., способы приготовления клеточных трансплантатов и т.д. (см. табл. 2).

Таблица 2

**Запатентованные в РФ изобретения,
касающиеся стволовых клеток²**

№ документа	Дата публикации	Название изобретения
SU1739777A1 (см.: https://yandex.ru/patents/doc/SU1739777A1_19950127)	27.01.1995	Способ ингибирования пролиферации стволовых кроветворных клеток костного мозга
RU2126260C1 (см.: https://yandex.ru/patents/doc/RU2126260C1_19990220)	20.02.1999	Лекпрепарат иммунокорректирующего действия на основе клеточной суспензии и способ лечения сахарного диабета
RU2160112C1 (см.: https://yandex.ru/patents/doc/RU2160112C1_20001210)	10.12.2000	Способ приготовления клеточного трансплантата из фетальных тканей
RU2185833C2 (см.: https://yandex.ru/patents/doc/RU2185833C2_20020727)	27.07.2002	Нейротрансплантация с использованием плюрипотентных нейроэпителиальных клеток
RU2155066C2 (см.: https://yandex.ru/patents/doc/RU2155066C2_20000827)	10.08.2002	Ингибитор пролиферации стволовых клеток и его использование
RU2191388C1 (см.: https://yandex.ru/patents/doc/RU2191388C1_20021020)	20.10.2002	Культура нервных стволовых клеток, Биотрансплантат для аллопересадки и способ его приготовления
RU2226104C2 (см.: https://yandex.ru/patents/doc/RU2226104C2_20040327)	27.03.2004	Способ лечения людей эмбриональными клеточными суспензиями

В Индии применительно к патентованию технологий, основанных на применении эмбриональных стволовых клеток человека с целью

¹ СЗ РФ. — 2006. — № 52 (1 ч.). — Ст. 5496.

² Источник: Боровская Т. А. Стволовые клетки — СК: изобретения, патенты, фирмы // Успехи современного естествознания. — 2005. — № 12. — С. 37–38 [Электронный ресурс]. URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=9636> (дата обращения: 14.04.2020). (Прим.: номера документов добавлены Беликовой К. М.).

терапии, прямого запрета на такого рода изобретения нет, но есть опять-таки два ограничения — по моральным соображениям и запрет патентования способов лечения. Индийские исследователи отмечают [12; 17] если оставить в стороне дискуссию о неэтичности технологии, то, по существу, результаты научных исследований стволовых клеток отвечают установленным индийским Законом 1970 г. условиям патентоспособности (новизна, промышленная применимость и пр.). Поэтому Индия голосует за эту технологию в том случае, когда для получения эмбриональных стволовых клеток используются человеческие эмбрионы, полученные путем экстракорпорального оплодотворения, от абортированных плодов и бесполой человеческих эмбрионов (*asexually produced human embryos*), что никоим образом не противоречит общественному порядку или морали [12].

Основаны такие представления [12; 14] на положениях Национальных руководящих принципов научных исследований стволовых клеток 2017 г. (далее — Принципы), согласно которым при соответствии ряду иных требований *в ограниченном режиме проводятся следующие исследования:*

- создание человеческих эмбрионов путем экстракорпорального оплодотворения, внутриклеточной инъекции сперматозоидов, переноса ядер соматических клеток или любым другим способом с конкретной задачей получения линий эмбриональных стволовых клеток человека (*human embryonic stem cell lines*) для любых целей (8.2.1);
- введение эмбриональных стволовых клеток (ESC), индуцированных плюрипотентных стволовых клеток (iPSC), стромальных стволовых клеток (SSC) человека животным (включая приматов) на эмбриональной стадии развития для исследований, направленных на понимание закономерностей дифференцирования и интеграции клеток человека в ткани животных (п. 8.2.6).

При этом следует использовать только оставшиеся лишними эмбрионы, клетки зародышевой линии или гаметы (п. 8.2.8.1); также должны быть четко определены источник соматических клеток и/или минимальное количество эмбрионов, клеток зародышевой линии или гамет, необходимых для исследований (п. 8.2.8.2).

Также из Приложения III «Одобрены показания для трансплантации гемопоэтических стволовых клеток» к настоящим Принципам следует, что в настоящее время отсутствуют одобрены показания (*approved indications*) к терапии стволовыми клетками любыми другими способами, кроме *трансплантации гемопоэтических стволовых*

клеток (hematopoietic stem cell transplantation, HSCT), для лечения таких заболеваний, как лейкемия, лимфома, опухоли разных видов и пр., как у взрослых, так и у детей.

Согласно п. 12.2 Принципов, терапевтическое использование стволовых клеток, иных, чем названные выше, должно рассматриваться как исследовательское и проводиться только в форме клинического испытания после получения необходимых разрешений регулирующих органов. Таким образом, *считается неэтичным и запрещенным* их применение в ситуациях, выходящих за рамки области клинических испытаний, указанных ниже, в том числе:

- 1) использование аутологичных (взятых, выделенных в пределах организма пациента. — *Прим. авт.*) стволовых клеток (человеческих — HSCs, моноклеарных — MNCs, мезенхиальных — MSCs, индуцированных плюрипотентных — iPSCs и др.) для лечения показаний/заболевания, иных, чем содержащиеся в Приложении III;
- 2) использование аллогенных (чужеродных, имеющих отличия или непохожих и обычно образовавшихся в другом месте (организме. — *Прим. авт.*) эмбриональных (hESC) и сперматогониальных (SSC) стволовых клеток человека и их производных.

Исследователь, который утверждает, что результаты его исследования должны рассматриваться в качестве возможной терапии по конкретному показанию, должен обратиться к генеральному директору Индийского совета медицинских исследований (Indian Council of Medical Research, ICMR [11]) с данными клинических испытаний (trial data), на которых основано такое утверждение, представив полное обоснование своей позиции. Затем ICMR совместно с экспертами в этой области определяет, является ли такое утверждение обоснованным (п. 12.3 Принципов).

В Приложении II «Протокол клинических испытаний, полученных в ходе исследований образцов» Принципов говорится о возможности патентования результатов научных исследований, получивших одобрение в ходе клинических исследований.

Патентов на стволовые клетки, способы их выделения, культивации и пр., полученных в Индии, автору найти не удалось. Вместе с тем выяснено, что по итогам работы по зарубежному гранту индийской исследовательницей доктором Гитой Шрофф из *Nutech Mediworld*, занимающейся продвижением кампании Make in India для биотехнологического сектора, за рубежом (в стране, выдавшей грант) получен ряд патентов на способ изоляции эмбриональных стволовых клеток

человека, их культивирования, подготовки к клиническому применению и хранения их в готовой к использованию форме в течение шести месяцев. Сама доктор Шрофф отмечает три преимущества своей технологии: 1) универсальное применение, поскольку клетки подойдут любому без дополнительных условий; 2) доступность и транспортируемость клеток в готовом к использованию виде со сроком годности шесть месяцев, отсутствие необходимости обращаться в клинику; 3) клетки могут быть введены в организм пациента путем инъекции. Такие качества делают эти клетки легкодоступными в аптеках и по всему миру, как инсулин [11]. Между тем в России и США указывается на значительные побочные эффекты такой инъекционной терапии [5].

Что касается запрета на патентование способов лечения, то фармацевтические составы, изготовленные из стволовых клеток, и способы их производства являются патентоспособными, а терапевтические методы с использованием стволовых клеток — нет. В итоге решающим для успеха патентования является способ подачи материала в патентной заявке. Так, «способ лечения состояния X путем предписывания композиции (состава), содержащей (-его) компонент Y, или ее фармацевтически приемлемой соли» считается методом лечения, а «композиция (состав), содержащая (-ий) компонент Y, или ее фармацевтически приемлемую соль для лечения состояния X...» — не будет считаться методом лечения [16].

Если говорить о *Китае*, то до новшества ноября 2019 г. без всяких ограничений возможно было получить патент на стволовые клетки и способы производства стволовых клеток не из эмбрионов человека, т.е. те, в которых не используются человеческие эмбрионы или оплодотворенные яйцеклетки, как, скажем, в случае изобретений, касающихся переноса ядер соматических клеток (например, патенты CN1280412C и CN1209457C [16]) или создания индуцированных плюрипотентных стволовых клеток (iPSC) [2] (например, патент CN103429732B) (запатентованы способы). Поэтому ранее было рекомендовано явно исключать в заявках использование человеческих эмбрионов и делать иные необходимые разъяснения, чтобы избежать отказов по мотивам несоответствия морали.

Вместе с тем масштабы «морального» отчуждения в значительной степени неясны, поскольку терминология, в том числе понятия «социальная этика», «человеческий эмбрион» и «промышленное или коммерческое использование», не определены в должной мере.

По этой причине ситуация была такова, что отказ в выдаче патента, как в случае с заявкой КНР № 03816184.2 [6] в 2011 г., по мотивам

нарушения изобретением социальной этики и отсутствия промышленной применимости (for violating social ethics and lacking industrial applicability) следовал, как правило, даже в том случае, когда заявка касалась стволовых и иных, которые могут охватывать также стволовые, *клеток* (например, *undifferentiated pPS*) из эмбрионов иных, чем человек, живых существ (например, приматов), поскольку потенциально они могли быть использованы применительно к клеткам человека, клонирование которого в промышленных масштабах или в коммерческих целях (как и в РФ) запрещено.

Заявитель обосновывал свою позицию тем, что заявка опирается на уже известные клеточные линии эмбриональных стволовых клеток человека, которые были легко доступны до даты подачи заявки; поэтому предмет заявки не нарушает социальную этику, а использование изобретения не является промышленным или коммерческим использованием человеческих эмбрионов. Получив отказ, заявитель внес изменения в описание, обжаловал отказ в выдаче патента и снова получил отказ; внес изменения снова, и в мае 2012 г. патент ему выдали, поскольку было решено, что прямое использование человеческих эмбрионов и бластоцист теперь исключено, так как линии эмбриональных стволовых клеток человека H1 и H7 были коммерчески доступны до даты приоритета настоящей заявки, поэтому настоящее изобретение не связано с уничтожением новых человеческих эмбрионов; кроме того, неуместно постоянно отслеживать приобретение существующих и правомерно полученных клеточных линий первоначального происхождения (т.е. человеческих эмбрионов), учитывая, что клеточные линии H1 и H7 были и являются общедоступными.

Что касается промышленной применимости, было установлено, что заявка не направлена на изоляцию плюрипотентных стволовых клеток из неэмбриональных тканей и что она ограничивается линиями клеток *pPS* или *hESC*, следовательно, нетерапевтические хирургические методы изоляции плюрипотентных стволовых клеток необязательны для применения. Дело в том, что методы лечения охватывают методы профилактики заболеваний и иммунизации. Примечательно здесь то, что, хотя хирургические методы, практикуемые на живых людях или животных, которые не предназначены для терапевтических целей, не запрещены ст. 25 Закона 1984 г., они не могут быть использованы в промышленности и потому не являются патентоспособными из-за отсутствия промышленной применимости.

Возможно подать заявку в формате «использования состава при подготовке лекарства (или комплекта) для лечения болезни», чтобы обогатить медицинское применение продуктов стволовых клеток [8].

Кроме того, согласно положениям ст. 5 главы 4 раздела II Руководства 2010 г., для определения новизны (изобретательского шага) во всех случаях во внимание принимаются давно требующие удовлетворения потребности общества и государства; неожиданные результаты и коммерческий успех.

Говоря о патентной системе ЮАР, можно отметить, что южноафриканские исследователи [13] рассматривают ее применительно к биотехнологическим изобретениям, сосредоточивая внимание на применении технологий, основывающихся на использовании эмбриональных стволовых клеток человека (human embryonic stem cell, hESC), для акцентирования необходимости выработки в рамках патентной системы этического стандарта. Он будет поддерживать этическую ответственность при коммерческом использовании таких патентов и предоставлении патентов, не противоречащих общественной морали или ограничивающих доступ к недорогому медицинскому обслуживанию и лечению стволовыми клетками, которые смогут способствовать развитию научных исследований в этой области биотехнологии.

Как показало исследование, на 2017 г. [13] в ЮАР не было ни одной технологии, основанной на использовании стволовых клеток (в том числе стволовых клеток человека), или изобретения, на которые были бы выданы патенты, а равно никаких судебных дел по ним, в отличие от США и стран Европейского союза.

Это может быть связано с тем, что:

- такая технология находится на ранней стадии развития, и поэтому не проводилось пока большого числа частных и/или академических исследований, и число исследователей, которые работали бы над этой технологией, невелико;
- в правовой базе, которая могла бы быть распространена на технологии, основанные на применении стволовых клеток (особенно человека), имеются пробелы, требующие устранения.

Однако прогресс в правовой сфере заметен: в 2012 г. Министерством здравоохранения были изданы Правила (Regulations), регламентирующие Национальный закон «О здравоохранении» № 61 от 2003 г.¹ Вместе с самим законом [1; 15] они демонстрируют намерение государства в той или иной степени способствовать росту и разработкам в этой области биотехнологий в будущем.

¹ Тексты Правил (Regulations) см. в Официальной газете ЮАР No. 35099 от 02.03.2012 (Government Gazette, 2 March 2012) [Электронный ресурс] URL: <http://sashg.org/wp-content/uploads/2016/07/GovGazette2Mar2012.pdf> (дата обращения: 01.06.2019).

При этом все еще существует потребность в четкой и последовательной политике в целом в рамках правового режима самих hESC в ЮАР, а также политике, касающейся технологий, основанных на применении эмбриональных стволовых клеток человека, и этических принципов для таких патентов. Отсутствие такой государственной политики затрудняет прогресс на уровне научных исследований и доступ к «возможным» методам лечения стволовыми клетками. Этому способствует и тот факт, что в Этических правилах проведения биотехнологических исследований в ЮАР 2016 г. (2016 Ethical Guidelines for Biotechnology Research in South Africa) [10], разработанных Советом профессий в сфере здравоохранения ЮАР (Health Professions Council of South Africa, HPCSA¹), и Руководстве по этике в репродуктивной биологии и генетических исследованиях 2002–2004 гг. (2002–2004 Guidelines on Ethics in Reproductive Biology and Genetic Research; далее — Руководство 2002–2004 г.) [7], изданном Медицинским советом по научным исследованиям ЮАР (South African Medical Research Council, SAMRC²), категорически отрицается возможность патентования стволовых клеток человека. Например, такой запрет отражен в п. 3.4.4.1 «Репродуктивное клонирование и клонирование как биогенетический инструмент для терапевтических целей» Руководства 2002–2004 г., в котором отмечается, что «это противоречиво до крайности», поскольку человеческая жизнь создается как средство достижения цели по использованию клеток ранних эмбрионов для клонирования путем переноса ядер — и так же легко прекращается. Основан ли этот запрет на представлениях этих профессиональных сообществ о морали, в том числе отраженных в патентном законе? Скорее, на не определенном в морально-этическом плане статусе самих таких клеток. Однако такое отношение уже очевидно замедлило и затруднило прогресс исследований в области стволовых клеток человека в ЮАР и разработку основанных на их применении методов лечения.

В этой связи нужно подчеркнуть тот факт, что традиционно патенты выдавались, с одной стороны, как экономический стимул для дальнейшего развития и как стимул научного прогресса и роста — с другой. Поэтому для того, чтобы такой прогресс был достигнут, необходимо обсуждать вопросы, связанные с научными исследованиями и практикой в отношении эмбриональных стволовых клеток человека, а не

¹ См. по адресу: <http://www.hpcsa.co.za> (дата обращения: 11.04.2020).

² См. по адресу: <https://www.samrc.ac.za> (дата обращения: 11.04.2020).

замалчивать или игнорировать их. Также нужно принять и внедрить в патентную систему решения, направленные на создание стимулирующей среды для патентования биотехнологий в целом. По мнению автора, данные проблемы характерны не только для ЮАР.

Учитывая изложенное, не будет ошибочным утверждать, что исследования стволовых клеток являются очень перспективной сферой и могут оказаться благом для биотехнологического сектора любой страны. Исследования в этой области следует поощрять путем предоставления соответствующих прав интеллектуальной собственности на такие изобретения.

Однако на сегодняшний день заявка на *продукт* и заявка на *способ* его получения имеют свои минусы.

Так, если патентовать продукт, то полезность патента сильно снижается из-за запрета на коммерциализацию изобретения. Кроме того, заявитель должен разрешить дилемму: чем больше природных черт стволовых клеток содержит изобретение, тем труднее доказать новизну, и наоборот. Однако для целей медицинского использования характерна ситуация: чем дальше патентуемая клетка от ее природного оригинала, тем хуже в практическом смысле (как в известном деле *Myriad*¹). Иными словами, нужно определить, содержится ли в изобретении какое-либо техническое решение, не связанное с природными явлениями.

Кроме того, очевидность является большой проблемой для патентования стволовых клеток, поскольку изобретение не должно быть очевидным для специалиста в соответствующей области. При этом имеется много примеров, когда у технического решения отсутствует изобретательский уровень и оно является лишь незначительной доработкой существующей технологии, очевидной для профильного специалиста. На этом основании, например, патенты (7029913; 5843780; 6200806 [18]), защищающие методы получения эмбриональных стволовых клеток приматов, а также размножения их в лабораторных условиях, держателями которых являлся Исследовательский фонд выпускников Висконсина (Wisconsin Alumni Research Foundation, WARF), были признаны недействительными после повторного рассмотрения. «Выяснилось, что запатентованная методика выделения стволовых клеток приматов очевидна и основана на ранее опубликованной работе, поэтому не подлежит патентованию» [3; 4].

¹ См., например: *Myriad Genetics: очередное дело о пациентах и правах на гены*. 24.05.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/patsienty-ssha-protiv-myriad-genetics-novoe-delo> (дата обращения: 15.04.2020).

Следовательно, патентование способа — получения (изолирования) стволовой клетки, ее дифференцирования (как в решении по упомянутому делу *Myriad* и др.), производства путем переноса ядер соматических клеток индуцированных плюрипотентных стволовых клеток (iPSC) — более перспективно, относительно просто и прогнозируемо с точки зрения возникновения правовых последствий.

Библиография

1. *Беликова К. М., Бадаева Н. В.* Правовая квалификация тканей человека как объектов права собственности: подходы ЮАР // Проблемы экономики и юридической практики. — 2019. — № 3. — С. 154–159.
2. Индуцированные плюрипотентные стволовые клетки. [Электронный ресурс]. URL: <http://moikompass.ru/compass/ips> (дата обращения: 11.04.2020).
3. Ключевые патенты на получение и размножение стволовых клеток признаны недействительными. 04.04.2007 [Электронный ресурс] // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/news/science/2007/04/04/n_1053520.shtml (дата обращения: 15.04.2020).
4. *Куприянов А.* Патентование изобретений. Пять распространенных ошибок ИТ-бизнеса. 04.02.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://snews.ru/articles/2020-02-04_patentovanie_izobretenij5_rasprostranennyh (дата обращения: 15.04.2020).
5. *Смолова В.* Чем опасно омоложение стволовыми клетками [Электронный ресурс] // Газета.ru. 16.09.2019. URL: https://www.google.com/amp/s/www.gazeta.ru/amp/lifestyle/style/2019/09/a_12655069.shtml (дата обращения: 12.04.2020).
6. *Alice Yuen-Ting Wong, Aurélie Mahalatchimy.* Human stem cells patents—Emerging issues and challenges in Europe, United States, China, and Japan. *J World Intellect Prop.* 2018. P. 1–30 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1111/jwip.12098>.
7. Book 2 — Guidelines on Ethics in Reproductive Biology and Genetic Research. 2002–2004 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.samrc.ac.za/sites/default/files/attachments/2016-06-29/ethicsbook2.pdf> (дата обращения: 11.04.2020).
8. *Chen W. P. and Feng X.* (2002) ‘How to Distinguish Patentable Subject Matter?’ *Managing Intellectual Property*, p. 39–46.
9. *Claudia Jurberg.* Brazil Approval of Embryonic Stem Cell Research Could Boost Patenting. 03/06/2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ip-watch.org/2008/06/03/brazil-approval-of-embryonic-stem-cell-research-could-boost-patenting/> (дата обращения: 12.04.2020).

10. Ethical Guidelines for Biotechnology Research in South Africa (Booklet 14) // Ethical guidelines for good practice in the health care professions / by Health Professions Council of South Africa. Pretoria. — P. 278–294. — 335 p.
11. Indian Human Embryonic Stem Cell Technology Granted Patent. July 24, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://ehealth.eletsonline.com/2015/07/indian-human-embryonic-stem-cell-technology-granted-patent/> (дата обращения: 12.04.2020).
12. *Kalyan Kankanala C.* Patent: Stem Cell Patent Debate Never Dies. 05 August 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bananaip.com/ip-news-center/stem-cell-patent-debate-never-dies/> (дата обращения: 12.04.2020).
13. *Mnisi, Fikile M.* A Normative Case for the Patentability of Human Embryonic Stem Cell Technologies // Safety, Ethics and Regulations / Pham, Phuc Van, Rosemann, Achim (Eds.). — Springer. 2017. — P. 123–124. — 327 p.
14. National Guidelines for Stem Cell Research / Indian Council of Medical Research & Department of Biotechnology 2017 / Compiled & Edited by: Dr. Geeta Jotwani; Professional Editing: Dr. Savitri Das Sinha; Published by Director General Indian Council of Medical Research New Delhi, October 2017. — 84 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.icmr.nic.in/sites/default/files/guidelines/Guidelines_for_stem_cell_research_2017.pdf (дата обращения: 14.02.2020).
15. National Health Act No. 61 of 2003 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.za/documents/national-health-act> (дата обращения: 07.03.2020).
16. Patenting in biotechnology — the Indian scenario / Ed. by Obhan & Associates. May 24 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=3d42c834-bec8-4df0-adcc-c8f06c657566> (дата обращения: 16.02.2020).
17. Singh & Associates. India: Patentability of Stem Cell Technology. 22 May 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mondaq.com/india/Intellectual-Property/808130/Patentability-Of-Stem-Cell-Technology> (дата обращения: 12.04.2020).
18. *Xuejun H. Parsons, Yang D. Teng, Dennis A. Moore, Evan Y. Snyder.* Patents on Technologies of Human Tissue and Organ Regeneration from Pluripotent Human Embryonic Stem Cells // Recent Patents on Regenerative Medicine 2011, 1, 142–163 [Электронный ресурс]. URL: <https://dash.harvard.edu/handle/1/22857021> (дата обращения: 12.04.2020).

О. В. Плясунова,
руководитель отдела товарных знаков
ООО «Зуйков и партнеры»
(г. Москва, plyasunova@zuykov.com)

О действиях заявителя в случае получения решения об отказе в регистрации товарного знака

В статье проанализирована статистика подачи заявлений на регистрацию товарных знаков и решений об отказе в предоставлении правовой охраны. Описан порядок обжалования решений Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) об отказе в регистрации товарного знака, а также варианты действий заявителя в случае получения отказа в регистрации обозначения.

Ключевые слова: товарный знак, средство индивидуализации, решение об отказе в регистрации товарного знака, Роспатент, Суд по интеллектуальным правам.

Выделение товара с помощью обозначения является обязательным условием конкурентоспособности в аспекте современных рыночных отношений. Рассматривая существующие разновидности средств индивидуализации, стоит отметить, что товарный знак — наиболее удобный для использования предпринимателем объект интеллектуальной собственности. Для регистрации товарного знака не предъявляются требования о наличии связи территории происхождения с товаром, владелец охранного свидетельства обладает исключительными правами абсолютного характера и может передать их по договору отчуждения или во временное пользование путем заключения лицензионного договора.

Обозначенные выше преимущества приводят к тому, что уровень заявительской активности в этой сфере устойчиво высокий. Так, согласно

сведениям, представленным в ежегодном отчете Федеральной службы по интеллектуальной собственности (далее — Роспатент) за 2019 г., объем заявок по товарным знакам составил 87 509, а количество выданных свидетельств достигло 66 707. При этом увеличилось и количество отказов в предоставлении регистрации до 10 512 решений [3, с. 11–12]. Стоит предположить, что большое количество зарегистрированных и заявляемых знаков приводит к затруднениям в области создания новых, уникальных и охраноспособных обозначений. По этой причине растет и объем отрицательных решений по выдаче свидетельств на товарные знаки.

Для большинства заявителей решение об отказе в регистрации представляется «точкой невозврата», после которой регистрация обозначения невозможна. Но это не так. В случае отказа в регистрации обозначения владелец незарегистрированного товарного знака вправе выбрать одну из следующих стратегий поведения:

- создать новое обозначение с учетом предыдущих проблем и подать его на регистрацию;
- изменить и доработать заявленное ранее средство индивидуализации, возможно, отказавшись от ряда товаров, в отношении которых ранее планировалось получение охраны, и подать доработанный знак и откорректированную заявку снова;
- оставить объект без изменений и обжаловать решение Роспатента.

Учитывая, что первые два варианта связаны с разработкой обозначения (создание нового или усовершенствование имеющегося), а также повторной подачей заявки и, как следствие, уплатой госпошлины, следует отметить высокий уровень экономических затрат в этих случаях. Третий вариант видится вполне приемлемым, но не всегда применимым, потому как отказ Роспатента является обоснованным и мотивированным. В связи с этим стоит предположить, что в большинстве случаев обжалование не принесет желаемого результата и товарный знак так и не будет зарегистрирован.

По статистическим данным за 2019 г., в Роспатент поступило 1062 возражения на решение экспертизы [3]. Учитывая количество отказов в регистрации в объеме 10 512 решений, можно сделать вывод о том, что процент обращений с обжалованием весьма скромный и составляет около 10% от общего количества решений об отказе в предоставлении государственной охраны товарным знакам.

Принимая во внимание человеческий фактор, а зачастую и фантазийный характер некоторых заявляемых обозначений, можно отме-

тить определенный уровень субъективности проводимой экспертизы знаков. Именно в этой части заявителю и предоставляется право оспорить результаты проверки, чтобы отстоять позицию и получить свидетельство.

Перечень оснований для отказа в государственной регистрации товарного знака содержится в ст. 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации [2]. Несмотря на то что решение Роспатента завершает процедуру рассмотрения средства индивидуализации в рамках проведения экспертизы, у заявителя есть возможность отстоять свою точку зрения, отличную от мнения специалистов Роспатента.

Так, при получении отказа в регистрации товарного знака владелец обозначения вправе подать возражение в Роспатент. Этот этап разрешения спора предшествует рассмотрению конфликта в случае необходимости в судебной инстанции.

Обычно его называют «досудебным порядком разрешения спора». Однако, как отмечает К. В. Рыбкина, помимо претензионного (досудебного) порядка следует также выделять внесудебный порядок [4, с. 146–153]. Сходство указанных разновидностей заключается в моменте происхождения: до подачи искового заявления, — а также в обязательности их соблюдения. Разница состоит в том, что «в отличие от претензионного (досудебного) порядка административный (внесудебный) порядок разрешения спора предусматривает обязанность заявителя именно в силу закона обратиться в административный орган с соответствующим заявлением, а не в суд» [4, с. 148]. То есть благодаря подаче обращений в иные государственные органы, уполномоченные разрешить конфликт, происходит облегчение и ускорение работы судебного аппарата. При этом в отличие, например, от претензионного порядка в этом случае заявитель получает официальное решение государственного органа власти.

В зависимости от стадии, на которой знаку было отказано в предоставлении охраны, допустимо направление в Роспатент:

- возражения на решение, принятое по результатам формальной экспертизы заявки на регистрацию товарного знака;
- возражения на решение экспертизы заявленного обозначения по заявке на регистрацию товарного знака.

Обращение подается лицом, подававшим заявку лично, или через патентного поверенного с указанием объема его полномочий в доверенности, либо через иного представителя. При этом следует отметить, что иностранные компании могут представлять свои интересы только через патентных поверенных. Обязательно следует указать иденти-

фикационные сведения субъекта, направившего документы, а также адрес для переписки.

Возражение и прилагаемые материалы подаются в двух экземплярах: при этом они должны быть представлены в машинописном виде; свободной форме; на русском или другом языке. При подаче документов на другом языке необходимо приложить перевод на русский язык, подписанный лицом или уполномоченным представителем.

Возражение должно относиться к одной заявке на регистрацию товарного знака, а также содержать обоснование предполагаемой неправомерности обжалуемого решения. В заключение документ подписывается подавшим его лицом или представителем с расшифровкой подписи и указанием фамилии и инициалов.

Поступившее в Роспатент возражение регистрируется, и ему присваивается входящий номер. В дальнейшем:

- если обращение отвечает условиям подачи, то в месячный срок с даты его поступления в Роспатент лицу направляется уведомление о принятии возражения к рассмотрению, где указывается дата проведения заседания коллегии по рассмотрению обращения;
- когда документы не соответствуют условиям подачи, то в месячный срок с даты поступления направляется уведомление о том, что возражение не принимается к рассмотрению;
- в отдельных случаях Роспатент может в месячный срок с даты поступления обращения направить запрос с предложением в течение трех месяцев с даты его получения предоставить дополнительную информацию, необходимую для полноценного рассмотрения возражения. В случае своевременного предоставления запрошенных сведений обращение считается поступившим на дату фактического поступления. При этом в месячный срок с даты поступления в Роспатент указанной информации обратившемуся лицу направляется уведомление о принятии документов к рассмотрению или об отказе в таковом. Если в указанный трехмесячный срок запрошенные сведения не представлены, обращение не рассматривается, о чем по истечении пяти месяцев с даты направления запроса уведомляется лицо, его подавшее.

За рассмотрение возражения Роспатентом с инициатора разбирательства взимается государственная пошлина. Уплаченная пошлина по просьбе лица, подавшего обращение, может быть возвращена по ре-

зультатам направления ходатайства о ее возврате. Сумма направляется на счет субъекта до даты направления уведомления о принятии к рассмотрению возражения или заявления.

После подачи возражения в течение месяца назначается дата заседания коллегии Роспатента, как правило, это 2–3 месяца с даты подачи возражения. Стоит отметить, что дата заседания может быть перенесена на более поздний срок как по ходатайству сторон, участвующих в споре, так и по инициативе коллегии. В одном делопроизводстве может быть два и даже три переноса, больше — редкость.

Дела по возражениям рассматриваются на заседании коллегии Роспатента в составе не менее трех ее членов, включая председательствующего и ответственного за рассмотрение.

В соответствующем решении по итогам разбирательства должны содержаться: мотивированная позиция коллегии и вывод о регистрации или об отказе в регистрации товарного знака. По результатам рассмотрения возражения Роспатент может принять решение:

- об удовлетворении обращения;
- об отказе в удовлетворении возражения;
- о прекращении делопроизводства.

При этом решение Роспатента может предусматривать отмену, изменение или оставление в силе оспариваемого решения.

Решение, которое вынесла коллегия, затем утверждается руководителем Роспатента. Срок утверждения составляет два месяца. Если документ не утверждается — возражение могут направить на новое рассмотрение с иным составом коллегии.

Документ оформляется и подписывается всеми членами коллегии, а его экземпляр приобщается к делу заявки. Один экземпляр направляется лицу, подавшему возражение, в течение двух месяцев с даты проведения заседания, на котором оно принято.

Таким образом, средний срок рассмотрения возражения в Роспатенте с даты заседания до вынесения решения на сегодняшний день на практике составляет 4–6 месяцев.

Если утвержденное решение Роспатента не удовлетворяет какую-либо из сторон, оно может быть обжаловано в судебном порядке.

Такая категория споров относится к сфере ведения арбитражной системы правосудия. В ч. 1 ст. 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) указано: «Граждане, организации и иные лица вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия)

органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц, если полагают, что оспариваемый ненормативный правовой акт, решение и действие (бездействие) не соответствуют закону или иному нормативному правовому акту и нарушают их права и законные интересы...» [1].

Согласно ч. 4 ст. 34 АПК РФ, Суд по интеллектуальным правам в качестве суда первой инстанции рассматривает споры об оспаривании решений органов федеральной исполнительной власти о предоставлении или об отказе в предоставлении правовой охраны товарным знакам.

Исковое заявление подают в арбитражный суд в течение трех месяцев со дня, когда лицу стало известно о нарушении его прав и законных интересов, если иное не установлено федеральным законом. Допускается восстановление пропущенных сроков по уважительной причине на основании ходатайства лица. К иску предъявляются стандартные для таких документов требования. Особое значение имеет мотивированная и четко изложенная позиция истца. А также в п. 8 ч. 2 ст. 125 и п. 7 ч. 1 ст. 126 АПК РФ установлено, что истец должен подтвердить соблюдение претензионного или иного досудебного порядка разрешения спора и представить соответствующие доказательства. Таким образом, в случае отсутствия документов, подтверждающих рассмотрение обращения Роспатентом, дело не будет разрешаться в суде. По результатам рассмотрения судом первой инстанции выносится мотивированное решение, которое можно обжаловать в вышестоящий судебный орган.

В заключение стоит отметить следующее:

1. Несмотря на то что решение об отказе в регистрации товарного знака является завершающим этапом проверки обозначения, у заявителя есть возможность обжаловать акт Роспатента.
2. Возражение на принятое решение следует подавать в Роспатент.
3. В последующем возможно обжалование принятого решения в Суде по интеллектуальным правам. При этом в обязательном порядке должен быть соблюден досудебный порядок разрешения споров.

Библиография

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12127526/> (дата обращения: 20.07.2020).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 20.07.2020).
3. Роспатент: годовой отчет. 2019. URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2019-ru.pdf> (дата обращения: 20.07.2020).
4. *Рыбкина К. В.* Значение внесудебного порядка защиты интеллектуальных прав // Научные исследования и разработки молодых ученых. — 2016.

*Р. Ш. Рахматулина,
кандидат юридических наук,
доцент Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет),
докторант Российской государственной академии
интеллектуальной собственности
(г. Москва, rimi@mail.ru)*

Квазипроизведения — новые цифровые объекты авторского права

В статье предлагается выделить новые объекты авторского права — квазипроизведения. Сделан вывод о том, что в последнее время большой интерес в мире технологий вызывают объекты, созданные с использованием специальных программ, технические возможности которых способствуют творческому наполнению объектов и представляют непривычные формы их воплощения. Поэтому для таких объектов необходим специальный правовой режим.

Ключевые слова: квазипроизведения, объекты авторского права, фотографические, музыкальные и картографические объекты, цифровые объекты, невысокий уровень творчества.

За последние пять лет в мире технологий, науке, культуре и образовании произошли глобальные изменения.

Жизнь современного общества во многом зависит от научных и технических результатов — достижений в области новых технологий, роботизации. Процесс глобализации связан прежде всего с развитием цифровых объектов, информации, больших данных, где важную роль играет интеллектуальная собственность. Сегодня творческий характер результата интеллектуальной деятельности претерпевает определенные изменения в связи с появлением новых технологий, когда на помощь творцу приходят компьютерные программы.

Субъекты интеллектуальной собственности используют одновременно новые творческие и технические способы создания объектов. В этой связи применяются программы для ЭВМ, которые помогают,

например, фотографам, музыкантам и композиторам создавать их с наименьшими творческими усилиями. При этом необходимо отличать произведения, которые автор создает с помощью программ для ЭВМ, и те объекты, которые непосредственно разработаны самой компьютерной программой практически без участия человека.

Предлагается объекты, разработанные самой программой ЭВМ с применением небольших творческих усилий человека, именовать квазипроизведениями. Квазипроизведения — это объекты с нечетким онтологическим статусом, отражающие некоторые элементы произведения. К квазипроизведениям необходимо относить объекты, созданные с помощью специальных программ. Это картографические, музыкальные, фотографические и другие объекты с невысоким уровнем творчества.

Критерием охраны квазипроизведений, в отличие от произведений, является невысокий уровень творчества и создание объекта с помощью специальных алгоритмов для работы ЭВМ (например, с помощью таких алгоритмов человек задает параметры, на основе которых компьютерная программа создает конечный продукт, являющийся результатом, обладающим невысоким уровнем творчества, а деятельность автора сводится к определению условий и выставлению настроек).

В произведениях, созданных с помощью программ для ЭВМ, автор вкладывает значительный творческий потенциал. К таким произведениям можно отнести, например, объекты цифрового искусства, для которых необходимо ввести на законодательном уровне наряду с теми критериями, которые установлены в части четвертой ГК РФ (объективная форма и творческий труд), новый критерий — оригинальность.

Объекты с незначительным уровнем творчества (квазипроизведения), разработанные с помощью программ для ЭВМ, отличаются тем, что музыкант, фотограф и другие субъекты, использующие заранее заданные алгоритмы (программ ЭВМ), вкладывают некоторые усилия для получения результата. Такие результаты, например в музыкальной деятельности, изначально созданы с помощью технологий музыкального программирования.

Как отмечают специалисты, «современные специализированные музыкальные среды уровня конечного пользователя и звуковые программно-аппаратные комплексы позволяют программировать виртуальные музыкальные инструменты на основании всех известных технологий синтеза и обработки звука в реальном времени (когда процессы синтеза и воспроизведения протекают одновременно)»

[3]. В этом смысле возникает необходимость также разграничивать саму программу для ЭВМ и те объекты, которые могут быть созданы этой программой с минимальными усилиями пользователя, а также объекты, в которых используется широкий спектр творческого музыкального программирования, основанный в том числе на цифровых технологиях.

По существу, главной частью всего процесса создания музыкального объекта, «сгенерированного программой ЭВМ», является установка параметров будущего результата. Остальной процесс протекает в автоматическом режиме, в заранее определенной последовательности, заданной алгоритмом программы. Так обучаются учащиеся музыкальных школ, реализуют свой потенциал, вкладывают определенные усилия с помощью различных программ и технологий обработки звука. Их деятельность по обучению и настройке таких параметров вряд ли можно назвать творческой. Ими используются распространенные специальные музыкальные программы: нотные редакторы, программы-автоаранжировщики, программы-аудиоредакторы и др.

Компьютерные программы, создающие огромный пласт электронной музыки, содержат так называемые лупы (в переводе с англ. loop — «петля, расклад»), в которых содержатся повторяющиеся звуки, сэмплы (с англ. sample — «образец», также «фрагмент музыки»), из которых затем создаются разнообразные миксы, треки. Сэмплы и лупы — это синтезированная музыка, изначально созданная компьютером, либо это некий набор звуков или исполнений, который оцифровывается и обрабатывается компьютером. Сэмпл — это также набор звуков, имитирующих различные природные явления, технические шумы, пение птиц и т.д., поэтому такие звуковые фрагменты не охраняются авторским правом. В связи с широким использованием сэмплов и лупов появилась электронная музыка. В основном данные программы создают легкую «диджейскую» музыку.

Поэтому встает вопрос охраны таких музыкальных объектов и наличия в них творческого содержания, поскольку создание музыки нажатием клавиш на музыкальном онлайн-генераторе не позволяет с уверенностью сказать о защите авторских прав на музыкальные инсталляции. Вместе с тем цифровые технологии упрощают создание и многих других объектов: фотографических, картографических и т.д.

Следует заметить, что в настоящее время в авторском праве отсутствует возможность отличать объекты авторского права, созданные с помощью специальных технологий или технических средств, от аналогичных объектов, созданных человеком, который вложил свой

интеллектуальный труд. Эту позицию не раз в своих публикациях высказывали многие авторы [4].

Другим видом современного цифрового искусства являются фотографические объекты. До принятия части четвертой ГК РФ судебная практика по защите прав на фотографические произведения не отличалась единообразием. Однако в последнее время авторы фотографий практически всегда выходят победителями в судебных баталиях.

Суды часто не оценивают ни бытовой, ни информационный, ни творческий характер таких объектов. Так, например, показательное дело, рассмотренное Судом по интеллектуальным правам, в котором комментируется факт «отсутствия законодательно закрепленных специальных условий, необходимых для признания фотографического произведения объектом авторского права для предоставления ему соответствующей охраны»¹.

Однако необходимо разделять высокохудожественные фотографические произведения, фото с невысоким уровнем творчества и нетворческие фотоработы. Творческая фотография должна содержать дополнительный элемент, который отличал бы ее от повседневных фото. Таким может стать сюжет, техника, композиция фотографии. Кроме того, если фото оказалось популярным и быстро распространилось в сети, это повлияет на его коммерческое использование. Поэтому дополнительным эффектом здесь будет коммерческий успех, который зависит от аудитории социальных сетей.

В зарубежной практике признак оригинальности более четко и обоснованно помогает определить, охраняется объект или нет.

Так, в п. 16 Директивы ЕС 2006/116 сказано, что фотографическое произведение должно считаться оригинальным, если является самостоятельным результатом творческой деятельности автора, отражающим его личность [1, с. 132].

Или, например, в соответствии с Законом Германии «Об авторском праве и смежных правах» [2] (далее — Закон Германии об авторском праве) фотографические объекты, охраняемые как объекты авторского права, называются фотографическими произведениями (подп. 5 п. 1 § 2 ч. 1), а как объекты смежных прав — фотографиями (подп. 1 § 72 ч. 2). Получается, что в Германии разделяют объекты, создаваемые с помощью записи фотоизображений: одни являются «произведениями»

---

¹ См. постановление СИП от 03.12.2014 № С01-131/2014 по делу № А33-14443/2013. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

и охраняются как результаты личной интеллектуальной деятельности (п. 2 § 2 ч. 1 Закона Германии об авторском праве), а другие — «фотографии» имеют минимальный творческий уровень.

Таким образом, в зарубежном праве наблюдается тенденция к охране фотографий институтом авторского права и смежных прав. Следовательно, и в России целесообразно охранять фотографические объекты, имеющие творческий характер, как произведения, в то время как фотографии, сделанные путем совершения механических действий, как квазипроизведения.

Здесь стоит отметить интересное дело, рассмотренное Московским городским судом. Суд установил, что сам по себе факт фотографирования того или иного места не свидетельствует о том, что такая фотография является объектом авторского права. Из материалов дела следует, что фотографии были сняты на природе и фиксируют естественный ландшафт. Они сделаны с высоты человеческого роста, из обычного ракурса, без реализации какого-либо художественного замысла, направленного на формирование иного эстетического представления о месте, чем то, которое может получить любой наблюдатель соответствующего природного фона¹.

В отличие от музыкальных и фотографических объектов картографические объекты в современном мире — не развлекательный, а необходимый информационный контент, который чаще всего используется в мобильных приложениях для транспорта, пешеходов, туристов. Самыми распространенными являются цифровые картографические объекты, которые требуют как технической, так и творческой работы. Отмечая презумпцию творческого характера картографических объектов, необходимо отделять чисто технические действия от действительно творческих.

Так, например, специальные карты используются в исследовательских целях, в строительстве, аэронавигации и т.д. Эти карты имеют специальное назначение и создаются для решения конкретных задач. Такие карты изготавливаются с использованием компьютерных программ, с помощью которых можно детально рассчитать данные местности. Вследствие этого картографические произведения также необходимо отличать от картографических объектов (квазипроизведений), созданных с наименьшим творческим участием создателя.

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 30.10.2012 по делу № 11-10273 // СПС «КонсультантПлюс».

В отношении таких объектов показательное дело № А12-18806/2013¹. Сначала нижестоящие суды признали исходные данные, взятые из государственной геодезической сети Волгоградского управления Росреестра, объектом авторского права, но Суд по интеллектуальным правам установил, что данные координаты таковым не являются, а содержащаяся в них информация скорее всего может быть признана базой данных.

В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.04.2015 по данному делу указано, что «процесс создания геодезической и картографической продукции, материалов и данных может носить как технический, производственный характер, так и быть процессом научной деятельности, т.е. носить творческий характер»². При этом Верховным Судом не выявлено, результатом какого труда является система координат государственной геодезической сети — творческого или технического.

При составлении карт используются различные компьютерные технологии, которые облегчили и автоматизировали многие ранее осуществляемые процессы. Составитель карт, использующий различные методы цифровой информации, картографических изображений, часто выполняет техническую задачу, хотя не всегда возможно отделить при составлении карт техническую работу от творческой.

В этой связи в 2014 г. Минэкономразвития России предлагало признать охраняемым объектом авторского права данные дистанционного зондирования земли. Но те карты, которые созданы только с помощью техники (аэрокосмическая съемка), а потом обработаны машиной, вряд ли можно признать охраняемыми.

Считать творческим спутниковый снимок из космоса также нельзя, хотя можно поспорить о выборе режимов, моментов и территории съемки, т.е. дополнительных эффектов.

Таким образом, автор предлагает охранять объекты, созданные посредством алгоритмов с использованием небольших творческих усилий пользователя-субъекта, как квазипроизведения. Данные объекты авторского права отвечают следующим критериям: объективная форма выражения; невысокий уровень творчества; неповторимость.

¹ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.05.2016 и Постановление СИП от 03.10.2016 по делу № А12-18806/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.04.2015 № 306-ЭС14-5432 по делу № А12-18806/2013. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

С учетом изложенного представляется целесообразным в российском законодательстве для объектов, создаваемых с помощью разных вспомогательных технических средств и при минимуме творческих усилий человека, предусмотреть иной режим правовой охраны, отличающий эти объекты от произведений. К квазипроизведениям как к объектам с невысоким уровнем творчества неприменим признак оригинальности (этот признак применяется к другим объектам авторского права — произведениям). Признак оригинальности в произведениях раскрывается через следующие характеристики:

- 1) в создание произведения был внесен собственный вклад автора (произведение создано самостоятельным творческим трудом автора);
- 2) наличие неповторимости (непохожести);
- 3) наличие уникальности (коррелирует с исключительностью и новым форматом).

Следующая характеристика — это создание квазипроизведений всегда с помощью специальных компьютерных программ, где участие создателя определяется установкой необходимых настроек. Соответственно, квазипроизведения — это всегда цифровые объекты с невысоким уровнем творчества. Срок охраны для квазипроизведений как объектов авторского права должен составлять 25 лет с момента их создания.

Библиография

1. Европейское право интеллектуальной собственности: основные акты Европейского союза / под ред. Е. А. Павловой. — М. : Статут, 2016. — 864 с.
2. Германские законы в области права интеллектуальной собственности / ред. Т. Ф. Яковлева. — М.: Инфотропик, 2017. — 548 с.
3. Горбунова И. Б. Музыкальное программирование, или Программирование музыки и музыкально-компьютерные технологии // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 7. — С. 213–218.
4. Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. — 2007. — № 2. — С. 75–119.

М. В. Шугуров,
доктор философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Саратовской государственной юридической академии,
профессор кафедры международного права
(г. Саратов, shugurovs@mail.ru)

**Регулирование использования
произведений,
вышедших из коммерческого оборота,
в Директиве 2019/790/EU
об авторском праве
на Едином цифровом рынке:
проблемы и решения¹**

Автор продолжает анализировать новеллы авторского права в Евросоюзе². В настоящей статье им рассматривается введение в авторское право двух обязательных взаимосвязанных механизмов — коллективного управления правами с расширенным действием и исключений либо ограничений, которые призваны создать правовые условия для широкой оцифровки учреждениями культурного наследия произведений или иных охраняемых объектов, вышедших из коммерческого оборота. Автор последовательно анализирует логику включения соответствующих положений в Директиву 2019/790/EU об авторском праве и смежных правах

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-011-00805 («Развитие права интеллектуальной собственности ЕАЭС и ЕС в рамках региональных моделей цифровой трансформации экономики: сравнительно-правовой анализ»).

² См. статью М. В. Шугурова в журнале «Копирайт», № 2-2020.

на Едином цифровом рынке, а также их соотносительность с мерами, предусмотренными в стратегических документах Евросоюза в сфере цифровой трансформации экономики. Помимо преимуществ новых правовых механизмов затрагиваются дискуссионные аспекты их предстоящей имплементации.

Ключевые слова: авторское право ЕС, произведения, вышедшие из коммерческого оборота, коллекции учреждений культурного наследия, лицензии с расширенным действием, цифровые копии.

Составной частью модернизации авторского права Европейского союза (далее — ЕС) в условиях формирования Единого цифрового рынка стало совершенствование практики лицензионного использования учреждениями культурного наследия (библиотеки, музеи, архивы) произведений, а также иных охраняемых объектов, которые вышли из коммерческого оборота. Во многом это связано с проводимой ЕС политикой по решению задачи содействия максимальной доступности культурного наследия, что, как верно аргументируется в зарубежной литературе, во многом зависит от модернизации институтов авторского права [11]. Одним из результатов адаптации авторского права к цифровой среде, предполагающего расширение доступности в режиме онлайн содержания коллекций учреждений культурного наследия, стало совершенствование лицензионных механизмов. Поэтому целью статьи является анализ последних изменений в авторском праве ЕС, а также оценка их последовательности и эффективности.

Как таковые вопросы обеспечения доступности данного рода результатов интеллектуальной деятельности, находящихся в коллекциях учреждений культурного наследия, затрагивались в ряде документов Европейской комиссии (далее — Еврокомиссия), имеющих стратегический характер. В п. 3.3.5 Сообщения о правах интеллектуальной собственности на Едином рынке подчеркивалась важность инновационных лицензионных решений в деле облегчения сохранения и распространения богатого культурного и интеллектуального наследия Европы, в том числе посредством оцифровки материалов, осуществляемой учреждениями культурного наследия [4]. Современные схемы лицензирования должны расширить доступность охраняемых материалов, находящихся в коллекциях учреждений культурного наследия, для широкого круга пользователей — академических институтов, исследователей, а также содействовать их законному использованию при одновременной компенсации авторам, издателям и иным категориям креаторов. С целью разработки оптимальных лицензионных схем в 2011 г. был проведен

стейкхолдерский диалог. Одним из его результатов стало принятие широко известного Меморандума о понимании ключевых принципов в сфере оцифровки и доведения до всеобщего сведения произведений, вышедших из оборота [14], в котором содержится определение произведений, вышедших из оборота; указываются виды их коммерческого и некоммерческого использования; содержатся критерии организаций коллективного управления правами и т.д.

Впоследствии в п. 2.4. Стратегии Единого цифрового рынка (далее — Стратегия) был объявлен общий курс на кардинальные меры по улучшению доступа к цифровому творческому контенту, являющийся одним из драйверов цифровой экономики [3, р. 6–8]. В развитие положений Стратегии в Сообщении «К современному, более европейскому авторскому праву», а именно в разделе 2 «Предоставление более широкого доступа к контенту на всей территории ЕС», Еврокомиссия отметила, что существуют разнообразные правовые вопросы в отношении трансграничной доступности данного рода контента, в том числе использования их для оцифровки и доведения до всеобщего сведения в конкретной стране ЕС [6, р. 5]. Констатировалось, что нерешенность этих вопросов ограничивает доступность культурного наследия онлайн, была выражена решимость предпринять разработку законодательных мер по облегчению возможности оцифровки данных произведений и их большей доступности.

Действительно, ежегодно из коммерческого оборота выходит огромное количество произведений, например миллионы книг [19]. Способом решения сохранения их доступности является оцифровка. Но сценарий массовой оцифровки культурного наследия «не должен входить в конфликт с использованием произведений, охраняемых авторским правом, что в противном случае подрывало бы потенциальное вознаграждение авторов. Напротив, когда произведения являются недоступными на рынке, например в случае вышедших из оборота произведений, отсутствуют выгоды для правообладателей, креаторов и общественности в целом» [9, р. 241].

В поисках решения данной проблемы в проект Директивы об авторском и смежных правах на Едином цифровом рынке [16] (далее — проект Директивы) была включена специальная глава о произведениях и иных охраняемых объектах, вышедших из оборота, в которой предлагалось облегчить лицензирование прав на использование данного рода работ, не утративших своей культурной ценности, учреждениями культурного наследия. Этот правовой алгоритм является весьма перспективным для оцифровки и последующего распространения цифро-

вых копий. Как отмечалось в Сообщении Еврокомиссии «Содействие справедливой, эффективной и конкурентоспособной европейской экономике, основанной на авторском праве» [5, р. 5], которое было представлено одновременно с указанным проектом, доступ к этим работам в некоммерческой среде, т.е. обеспечиваемый образовательными организациями, публичными библиотеками и др. учреждениями культурного наследия, очень важен для поощрения культурного разнообразия, достижения образовательных целей и решения задачи по включению индивидов и групп в общественную жизнь.

Положения ст. 7–9 проекта Директивы стали предметом широкого обсуждения. В научных кругах при всем одобрении данной части проекта, направленной на сохранение европейского культурного наследия при одновременном стремлении к преодолению фрагментации европейского авторского права в сфере регулирования использования произведений, вышедших из оборота, высказывался ряд критических замечаний технико-юридического характера. Они касались отсутствия развернутого определения понятий «недоступность для публики по обычным каналам торговли», а также четких критериев, определяющих содержание понятия «произведения и иные объекты, вышедшие из оборота» и т.д. [15, р. 61–70].

Содержанием проекта Директивы оказались не полностью удовлетворены и сами учреждения культурного наследия. В объединенном отклике на проект, подписанном различными организациями, представляющими учреждения культурного наследия [8], была высказана критика в отношении приоритета лицензирования над механизмом исключений и ограничений, что превращало последний при всей его обязательности в нечто вторичное. Но это лишь один из примеров целой массы вполне аргументированных замечаний, высказанных бенефициарами вводимых механизмов, которые, так или иначе, направлены на содействие использованию подобной категории работ.

Директива 2019/790/EU об авторском праве и смежных правах на Едином цифровом рынке, принятая 17.04.2019 (далее — Директива 2019/790/EU) [7], в рамках раздела 3 «Меры по совершенствованию практики лицензирования и обеспечению более широкого доступа к контенту» содержит специальную главу 1 «Произведения и иные охраняемые объекты, вышедшие из оборота» (ст. 8–11). Содержательная направленность этой главы в соответствии с п. 31 преамбулы заключается в том, что все государства-члены должны располагать правовыми механизмами, позволяющими организациям по коллективному управлению правами, которые отвечают определенным

критериям, выдавать учреждениям культурного наследия лицензии для определенных видов использования произведений или иных охраняемых объектов, вышедших из оборота. Но, что является самым главным, такие лицензии должны выдаваться в отношении прав тех правообладателей, которые не уполномочили репрезентативную организацию на выдачу лицензий. Подобного рода лицензирование, предусмотренное в ст. 8, по сути, является частным случаем механизма расширенного коллективного лицензирования, введение которого государствами-членами на добровольной основе предусмотрено в ст. 12 «Коллективное лицензирование с расширенным действием», благодаря чему указанный механизм стал в полной мере составной частью авторского права ЕС.

Одновременно отметим, что ст. 8 Директивы 2019/790/EU все же в целом не следует рассматривать как спецификацию ст. 12 о коллективном управлении с расширенным действием. Дело в том, что введение механизма расширенного коллективного управления в сфере использования вышедших из оборота произведений предполагается не на добровольной, а на обязательной основе. Другая особенность состоит в том, что выдача лицензий предусматривается в отношении использования строго определенной группы произведений или иных охраняемых объектов в некоммерческих целях. В частности, это результаты интеллектуальной деятельности, вышедшие из оборота. К тому же лицензии выдаются учреждениям культурного наследия. И наконец, введение данного механизма дополняется закреплением механизма обязательных исключений или ограничений, причем действие данных механизмов имеет взаимообусловленный характер. Отмеченные различия, в сущности, могут представлять собой предмет для проведения специального исследования, о чем свидетельствуют определенные попытки, пусть и недостаточно комплексные, по сопоставлению двух механизмов расширенного лицензирования [2, р. 4–6].

В итоге новеллы ст. 8 Директивы 2019/790/EU представляют собой двухкомпонентный комплекс, который развивает авторское право ЕС, во-первых, в части регулирования коллективного управления правами и лицензирования, а во-вторых, в части расширения перечня исключений и ограничений. Однако, несмотря на высказанные соображения, в целом следует признать обоснованность подхода, согласно которому расширенное коллективное лицензирование использования вышедших из оборота произведений предполагает серьезную и детальную конкретизацию механизма расширенного коллективного управления как такового применительно к данному случаю [10, р. 920–921].

Суть рассматриваемых нововведений заключается в направленности на расширение доступа граждан к содержимому фондов учреждений культурного наследия посредством создания благоприятных условий для последних по оцифровке произведений или иных охраняемых объектов. Все это достигается посредством закрепления за организациями коллективного управления правомочий по лицензированию использования как можно большего количества разновидностей подобного рода контента. Между тем стремление к количественным показателям не должно ставить под сомнение качественную идентификацию охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, вышедших из оборота.

Поэтому осуществление последовательного анализа каждого из двух указанных механизмов вполне логично предварить раскрытием вопроса о том, что считать произведениями или иными охраняемыми объектами, вышедшими из оборота. Обратим внимание на то, что в фондах учреждений культурного наследия находятся фотографии, программное обеспечение, фонограммы, аудиовизуальные произведения, произведения искусства. Ряд таких объектов никогда не был доступен на коммерческой основе. К некоммерческим произведениям также относятся плакаты, листовки, любительские аудиовизуальные произведения, неопубликованные произведения.

В соответствии с п. 5 ст. 8 Директивы 2019/790/EU вышедшим из оборота считается произведение или иной охраняемый объект, в отношении которых можно добросовестно предположить, что они являются недоступными общественности по обычным каналам торговли. Таким образом, здесь мы видим общее определение, в котором существенным признаком является недоступность по коммерческим каналам. Но для того, чтобы признать то или иное произведение либо их группу вышедшими из оборота, необходимо проведение оценки, или в терминах европейского законодателя — принятие разумных мер по определению того, являются ли они доступными для общественности. Оценка включает в себя также определение того, не будут ли они доступными по коммерческим каналам в будущем, включая возможную их доступность в магазинах подержанных товаров (ограниченная доступность). Ее осуществление предполагает сотрудничество правообладателей, учреждений культурного наследия и организаций по коллективному управлению правами. Если рассматривать территориальный охват оценки, то она должна осуществляться в государстве-члене, в котором расположено учреждение культурного наследия. Но возможна и трансграничная оценка, так как, к примеру, то или иное

произведение вполне может быть опубликованным на его первоначальном языке в другом государстве.

В п. 37 преамбулы Директивы 2019/790/EU можно найти ценное разъяснение о том, что в случае, если произведения доступны, например в форме последующего издания (литературные произведения) или в иной форме воплощения (цифровые или печатные форматы одного или того же произведения), то они не могут квалифицироваться как вышедшие из оборота. С другой стороны, если произведение доступно на коммерческой основе в переводной версии или аудиовизуальной адаптации, то оно считается вышедшим из оборота именно в своей начальной языковой версии.

Согласно п. 1 ст. 8 Директивы 2019/790/EU государства-члены должны предусмотреть возможность организации по коллективному управлению правами выдавать учреждению культурного наследия неисключительную лицензию в некоммерческих целях на воспроизведение, распространение, сообщение для всеобщего сведения или доведение до всеобщего сведения произведений или иных охраняемых объектов, вышедших из оборота, которые постоянно находятся в коллекции этого учреждения. При этом такая выдача не зависит от предоставления ей полномочий со стороны всех правообладателей, охватываемых данной лицензией. Одновременно с этим вводятся требования к организации коллективного управления правами. В частности, она должна быть в достаточной степени представительной в отношении соответствующего вида произведений или иных охраняемых объектов и прав, которые являются предметом лицензии (п. 1(а) ст. 8). Однако в п. 6 ст. 8 вносится уточнение о том, что она должна быть репрезентативной для государства-члена, в котором находится учреждение культурного наследия, в фондах которого размещены произведения, вышедшие из оборота.

Другим условием механизма расширенного коллективного управления в рассматриваемом нами случае является то, что всем правообладателям должен гарантироваться равный режим в отношении условий лицензии (п. 1(б) ст. 8).

Как представляется, содержание п. 1 ст. 8 Директивы 2019/790/EU становится более определенным, если его интерпретировать в свете формулировок п. 33 преамбулы. В последнем отмечается, что при всей общности указанного требования государства-члены должны проявлять гибкость в процессе определения требований, предъявляемых к организациям по коллективному управлению правами. Действительно, критерий репрезентативности из-за своего общего характера

достаточно абстрактен. Поэтому в процессе имплементации постановления п. 1(а) ст. 8 Директивы 2019/790/EU государства-члены должны в каждом конкретном случае проводить оценку репрезентативности исходя из количества правообладателей, наделивших организацию полномочиями в отношении соответствующего вида произведений или иных охраняемых объектов. Возможны также и ситуации, когда репрезентативными являются более чем одна организация в отношении данной группы произведений или иных охраняемых объектов. Поэтому здесь государствам-членам придется заниматься установлением правил применительно к ситуациям подобного рода. Сюда, например, может быть отнесено требование наличия совместных лицензий или соглашений между организациями по коллективному управлению правами.

Иными словами, внедрение практики расширенного коллективного управления в отношении прав использования вышедших из оборота произведений не может быть полностью унифицированным, напротив, должны учитываться сложившиеся национальные правовые традиции и практики. Разумеется, в государствах-членах степень развитости практики коллективного управления с расширенным действием и его правового регулирования различна. Поэтому обязательное введение данного механизма в сфере управления правами на использование произведений, вышедших из оборота, по всей видимости, станет существенным фактором для активной имплементации ст. 12 Директивы 2019/790/EU. В свою очередь, эффективность имплементации положения п. 1 ст. 8 Директивы 2019/790/EU во многом зависит от степени имплементации ст. 12. Как бы то ни было, такая зависимость может сдерживающим образом повлиять на возможности использования произведений, вышедших из оборота, учреждениями культурного наследия, а именно на возможность их оцифровки и предоставление к ним доступа.

Поскольку каждый вид произведений имеет свою специфику доведения до всеобщего сведения и распространения, то в основе лицензионных механизмов, так или иначе, должны находиться требования и процедуры, учитывающие эту специфику. Отсюда введение механизма расширенного лицензирования предполагает на национальном уровне осуществление мер по установлению конкретных требований в отношении промежутка времени, которое прошло с того момента, как они, став доступными по обычным коммерческим каналам, перестали быть таковыми. Директива 2019/790/EU предусматривает возможность закрепления государствами-членами в своем законода-

тельстве специальных требований к произведениям, которые должны считаться вышедшими из оборота. Например, к числу требований предлагается отнести предельную дату, позволяющую определить возможность их лицензирования в соответствии с п. 1 ст. 8, или же использовать их в рамках исключений или ограничений, предусмотренных в п. 2. Таким образом, мы не видим перечня всех возможных требований: анализируемая нами Директива оставляет его на усмотрение государств — членов ЕС. Но одновременно предлагается фундаментальный критерий данного рода требований, а именно их необходимость и разумность, а также их отчетливость, что позволяет точно определить группу произведений, которые действительно вышли из оборота.

Из самого определения произведений следует, что они находятся вне коммерческого оборота. К тому же смысл рассматриваемой статьи заключается в том, что их доведение до всеобщего сведения учреждениями культурного наследия посредством оцифровки и онлайн-каналов не предполагает коммерческой выгоды. Отсюда становится ясным, что полученные лицензии не должны использоваться в коммерческих целях, в том числе в тех случаях, когда копии произведений распространяются учреждениями культурного наследия в качестве рекламных материалов о проводимых выставках. Но сам процесс оцифровки коллекций, конечно же, требует привлечения значительных инвестиций. Поэтому вполне логично предположить, что лицензии, которые выданы в рамках расширенного коллективного управления, не должны создавать препятствий для возмещения расходов на их получение, оцифровку и распространение произведений или иных охраняемых объектов, охватываемых лицензией. Из этого, как можно догадаться, следует признание возможности предоставления учреждениями культурного наследия доступа к содержащимся в их фондах произведениям, вышедшим из коммерческого оборота.

В контексте проводимой в ЕС правовой политики по развитию мультитерриториального лицензирования возникает вполне естественный вопрос о трансграничной применимости анализируемого механизма расширенного коллективного управления. В п. 1 ст. 9 «Трансграничное использование» данный вопрос нашел свое положительное решение, что является вполне закономерным явлением. Им предусматривается, что государства — члены ЕС обязаны гарантировать, что лицензии, выдаваемые в соответствии со ст. 8, должны предполагать использование произведений или иных охраняемых объектов, вышедших из оборота, учреждениями культурного наследия в любом государстве — члене ЕС.

В качестве разъяснения в п. 40 преамбулы Директивы 2019/790/EU отмечается, что учреждения культурного наследия и организации по коллективному управлению правами обладают свободой в достижении договоренностей относительно территориальной сферы действий таких лицензий, включая вполне реальную возможность охвата всех государств-членов, также размера лицензионных платежей, не говоря уже о разрешенных видах использования.

Второй механизм, направленный на облегчение использования учреждениями культурного наследия вышедших из оборота произведений, представляет собой обязательное исключение или ограничения в отношении следующих прав, предусмотренных ст. 5(a), (b), (d) и (e), 7(1) Директивы 96/9/ЕС о правовой охране баз данных; ст. 2 и 3 Директивы 2001/29/ЕС о гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе; ст. 4(1) Директивы 2009/24/ЕС о правовой охране компьютерных программ; ст. 15(1) Директивы 2019/790/EU.

Столь широкий круг исключений или ограничений нацелен на создание благоприятных условий, позволяющих учреждениям культурного наследия доводить до всеобщего сведения в некоммерческих целях как произведения, так и иные охраняемые объекты, вышедшие из оборота, которые на постоянной основе находятся в их коллекциях.

Однако обращает на себя внимание заострение внимания европейского законодателя на условиях применения исключений или ограничений. К таковым относятся: 1) обязательное указание имени автора или любого другого правообладателя, которого можно идентифицировать, «если только это не окажется невозможным» (ст. 8(2)(a)); 2) вышедшие из оборота произведения или иные охраняемые объекты должны доводиться до всеобщего сведения через некоммерческие веб-сайты.

Подчеркнем еще одно немаловажное обстоятельство. Указанный механизм имеет специальный характер, т.е. предназначен для особых случаев. Конкретизирующее значение имеет п. 3 ст. 8 Директивы 2019/790/EU, предусматривающий, что в том случае, если в отношении произведений или иных охраняемых объектов не существует организации коллективного управления правами, то в отношении прав на данного рода произведения должны быть предусмотрены обязательные исключения или ограничения. И все же возможны другие случаи, например, когда учреждения культурного наследия сталкиваются с неразрешимой проблемой при получении разрешения на доведение до всеобщего сведения. Причиной этому может послужить то,

что у организаций по коллективному управлению порой отсутствуют полномочия по лицензированию конкретного вида контента либо недостаточная репрезентативность не позволяет им выдавать лицензии подобного рода. В том же случае, если лицензионное решение имеет место, т.е. когда стороны сумели достигнуть соглашения, исключения или ограничения не применяются.

В отличие от механизма расширенного лицензирования применение исключений или ограничений имеет четко установленный территориальный характер. В п. 2 ст. 9 Директивы 2019/790/EU определяется, что использование произведений или иных охраняемых объектов в рамках исключения или ограничения, которые предусмотрены в ст. 8.2, считается происходящим исключительно в государстве — члене ЕС, где находится учреждение культурного наследия, осуществляющее такое использование.

Как можно видеть, Директива 2019/790/EU последовательным образом реализует стратегический курс на доступность контента на всей территории ЕС, но не следует забывать о принципе баланса интересов, являющемся парадигмой европейского авторского права и его реформирования. В целях реализации баланса п. 4 ст. 8 Директивы 2019/790/EU предусматривает гарантии правообладателей как в случае с механизмом расширенного коллективного управления, так и в случае применения исключений или ограничений. Это означает, что государствами-членами на национальном уровне должны быть предусмотрены меры, которые позволят правообладателям в любое время без излишних затруднений исключить свои произведения или иные охраняемые объекты из механизма лицензирования, предусмотренного в п. 1, или из применения исключения или ограничения, предусмотренных в п. 2, в том числе после заключения лицензии или после начала соответствующего использования.

В п. 35 преамбулы Директивы 2019/790/EU можно видеть развернутую интерпретацию этого положения: правообладатель может исключить применение установленных механизмов, во-первых, в отношении всех своих произведений или иных охраняемых объектов, во-вторых, в отношении всех лицензий или всех видов использования в рамках исключения или ограничения, в-третьих, в отношении конкретных произведений или иных охраняемых объектов либо в отношении конкретных лицензий или видов использования в рамках исключений или ограничений и, само собой разумеется, — в любое время до и в течение действия лицензии или же до или во время использования произведений в рамках исключения или ограничения.

При этом возникает вопрос о характере прекращения текущего использования контента в случае, если правообладатель принял решение об исключении применения лицензионных механизмов или исключений. Понятно, что такое прекращение должно осуществляться в разумные сроки. Если использование осуществляется на основе коллективной лицензии, то после получения организацией по коллективному управлению правами соответствующей информации лицензия на соответствующие виды использования больше не выдается. Такое исключение не должно влиять на требования правообладателей по вознаграждению за фактическое использование произведения или иного охраняемого объекта.

И еще один немаловажный нюанс. Зачастую коллекции учреждений культурного наследия содержат произведения, имеющие своим происхождением третьи страны, т.е. не являющиеся членами ЕС. Соответственно, исключительные права на них принадлежат правообладателям из третьих стран. Как следует из Директивы 2019/790/EU, в случае полной уверенности в происхождении произведений из третьих стран положения рассматриваемого раздела не применяются к следующим категориям произведений, которые перечислены в п. 7 ст. 8:

- произведения или иные охраняемые объекты, за исключением кинематографических или аудиовизуальных произведений, впервые опубликованные или, в отсутствие публикации, впервые вышедшие в эфир в третьей стране (подп. а);
- кинематографические или аудиовизуальные произведения, штаб-квартира или обычное место жительства продюсеров которых находится в третьей стране (подп. б);
- произведения и иные охраняемые объекты, созданные гражданами третьих стран, если после разумных усилий ни одно государство — член ЕС или третья страна не могут быть определены в соответствии с подп. (а) и (б) (подп. с). Хотя здесь предусмотрено некоторое исключение. В частности, когда интересы стороны представляет организация по коллективному управлению правами, положения раздела рассматриваемой Директивы, касающиеся использования произведений, вышедших из оборота, распространяются на указанные категории произведений.

В итоге есть все основания утверждать, что в данном случае создаются условия для максимальной доступности всего содержания фондов учреждений культурного наследия.

Особое значение в указанной Директиве придается информированию общественности (ст. 10). Ясно прослеживаются две его цели.

Первая предполагает обмен информацией, исходящей от учреждений культурного наследия, организаций по коллективному управлению правами или соответствующих государственных органов, и заключается в облегчении идентификации произведений, которые охватываются лицензией, выданной в соответствии со ст. 8.1, а также произведений, которые используются в соответствии со ст. 8.2 Директивы 2019/790/EU. В п. 1 ст. 10 четко устанавливается обязательство государств-членов обеспечивать доступность информации для целей идентификации произведений или иных охраняемых объектов, вышедших из оборота. Важное значение придается доступности информации о вариантах, которыми располагают правообладатели в соответствии со ст. 8.4 об исключении использования произведения из лицензионных рамок, и применению механизма исключения или ограничения. Немаловажную роль играет информация об условиях лицензии, видах использования произведений и охватываемой территории, продолжающемся и будущем использовании произведений на основе ст. 8 Директивы 2019/790/EU.

Для облегчения информационного обмена планируется создание публичного онлайн-портала, который упростит решение задачи по исключению возможности применения лицензий, исключений или ограничений. Как предполагается, информация будет размещаться на нем не менее чем за шесть месяцев до момента распространения, сообщения или доведения до всеобщего сведения произведений или иных охраняемых объектов, вышедших из оборота, в соответствии с лицензией или в порядке исключения или ограничения. В зависимости от обстоятельств предполагается размещение информации не только до, но и во время использования произведений на основе лицензионных соглашений. Управление порталом поручено Ведомству ЕС по интеллектуальной собственности.

Вторая цель заключается в информировании общественности и правообладателей о деятельности организаций по коллективному управлению правами. В п. 2 ст. 10 Директивы 2019/790/EU на государства-члены налагается обязанность принятия мер по информированию общественности в отношении способности организаций по коллективному управлению правами лицензировать произведения или иные охраняемые объекты в соответствии со ст. 8, а также относительно выдаваемых лицензий, видов использования в рамках исключения или ограничения согласно п. 2 ст. 8, а также вариантов, доступных правообладателям, как это предусмотрено в п. 4 ст. 8 Директивы 2019/790/EU. Одновременно наличие доказательств в отношении

происхождения произведения или иных охраняемых объектов является основой возможности повышения осведомленности лиц как в других государствах — членах ЕС, так и в третьих странах. Поэтому в п. 42 преамбулы Директивы 2019/790/EU обосновывается необходимость принятия дополнительных мер в целях повышения информированности заинтересованных правообладателей посредством дополнительных каналов связи, позволяющих расширить географический охват и устраняющих необходимость информировать каждого правообладателя в отдельности.

И наконец, хотелось бы остановиться на закреплении обязательств государств по поддержанию диалога между всеми заинтересованными сторонами. В целом проведение диалогов с мультистейкхолдерами стало привычной практикой для процесса реформирования авторского права ЕС. Статья 11 «Диалог с заинтересованными сторонами» закрепляет обязательство государств-членов по проведению тематического диалога, предполагающего обсуждение вопросов использования произведений и иных объектов, вышедших из оборота. Данный диалог многослоен. Он включает консультации государств-членов с правообладателями, организациями по коллективному управлению правами и учреждениями культурного наследия. Консультации должны проводиться в каждом секторе использования произведений, вышедших из оборота, и предназначены для уточнения содержания конкретных требований, которые планируется ввести в действие согласно п. 5 ст. 8 Директивы 2019/790/EU, предусматривающему определение критериев произведений, вышедших из оборота. В обязанность государств-членов также входит поощрение к регулярному диалогу организаций, представляющих интересы пользователей, правообладателей и организаций по коллективному управлению правами на секторальной основе для оценки эффективности механизмов лицензирования, предусмотренных п. 1 ст. 8, а также в целях обеспечения эффективности гарантий для правообладателей и их надлежащей защиты.

После принятия Директивы 2019/790/EU положения ст. 8–11 стали предметом пристального внимания и обсуждения. В экспертной среде в обобщенной форме подчеркивается их значение для облегчения деятельности учреждений культурного наследия по воспроизведению (копированию), доведению до всеобщего сведения и распространению онлайн вышедших из оборота произведений и иных охраняемых объектов без получения от каждого конкретного автора разрешения на совершение данных действий [12, р. 4]. Попутно с этим весьма точно отмечается, что успех новых правил авторского права ЕС зависит

от мер, которые предпримут государства-члены на национальном уровне [13, р. 3].

Одновременно с этим некоторые исследователи усматривают в закреплённом в п. 4 ст. 8 праве правообладателей исключать использование своих произведений из лицензирования применения исключений (*opt-out mechanism*) некий символический сдвиг, в котором заключается противоречие с природой охраны исключительных прав, что не соответствует потребностям массовой оцифровки произведений [18, р. 3]. С нашей точки зрения, опасность исходит не от самого механизма исключения, а от злоупотребления им. При этом надо полагать, что механизм исключения отражает и, в свою очередь, утверждает свободный характер расширенного коллективного лицензирования в противоположность механизму обязательного лицензирования, который в силу своего правового содержания является скорее исключением. Поэтому всецело обоснованным видится решение Суда ЕС по делу *Soulier and Doke* (C-301/15), в котором под сомнение было поставлено положение французского законодательства об установлении режима обязательного коллективного управления правами в целях оцифровки книг, вышедших из оборота, с точки зрения его соответствия авторскому праву ЕС [17].

И последнее, на чем хотелось бы остановиться. В ст. 8, как и в ст. 7 проекта Директивы, как отмечает М. Браун, по-прежнему остались понятия, четкие определения которых отсутствуют, такие как «произведения, вышедшие из оборота», «обычные коммерческие каналы», «некоммерческие цели», что в целом может затруднить ее имплементацию на национальном уровне и вследствие этого не оправдать надежд учреждений культурного наследия [1, р. 34–35]. С высказанным мнением трудно не согласиться. Выходом из ситуации «изначальной» неопределенности может стать, например, выпуск рекомендации по имплементации положений проанализированного автором статьи раздела.

В заключение необходимо сделать ряд выводов. Во-первых, в Директиве 2019/790/EU предложены весьма значимые и перспективные правовые механизмы, представляющие собой легитимную основу массовой оцифровки вышедших из оборота произведений и доведения их до всеобщего сведения онлайн. Во-вторых, реализация механизмов по мере имплементации Директивы неизбежно приведет к актуализации новых правовых вопросов, заключающихся в необходимости их гармонизации с использованием таких произведений или иных охраняемых объектов в рамках исключений или ограничений, а также с использованием в рамках лицензионных соглашений с расширенным

действием, предусмотренных законодательством ЕС. В-третьих, имплементация не должна сопровождаться причинением ущерба функционирующим национальным механизмам использования произведений или иных охраняемых объектов, вышедших из оборота, но при этом она должна стимулировать совершенствование последних.

Библиография

1. *Brown M.* Exploring article 8 of Copyright Directive: hope for cultural heritage. Jean Monnet Working papers No. 04-2020 (June 2020). — 42 p. [Электронный ресурс]. URL: https://microsites.bournemouth.ac.uk/cippm/files/2020/05/04-2020-MBrown_Exploring-article-8.pdf (дата обращения: 24.06.2020).
2. Comment of the European Copyright Society on the implementation of the extended collective licensing rules (arts. 8 and 12) of the Directive (EU) 2019/790 on copyright in the Digital single market (11 June 2020). — 17 p. [Электронный ресурс]. URL: https://europeancopyrightsocietydotorg.files.wordpress.com/2020/06/ecs-comment-ecl_art_8-12_20200613.pdf (дата обращения: 24.06.2020).
3. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “A Digital Single Market Strategy for Europe” // COM(2015) 192 final (Brussels, 6.05.2015) [Электронный ресурс]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1447773803386&uri=CELEX:52015DC0192> (дата обращения: 26.06.2020).
4. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “A Single market for intellectual property rights. Boosting creativity and innovation to provide economic growth, high quality jobs and first class products and service in Europe” // COM (2011) 287 final (Brussels, 24.5.2011) [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2011/EN/1-2011-287-EN-F1-1.Pdf> (дата обращения: 26.06.2020).
5. Communication from the Commission to the European parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “Promoting a fair, efficient and competitive European copyright-based economy in the Digital Single Market / COM(2016) 592 final (Brussels, 14.9.2016) [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2016/EN/1-2016-592-EN-F1-1.PDF> (дата обращения: 07.07.2020).

6. Communication from the Commission to the to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “Towards a modern, more European copyright framework” // COM(2015) 626 final (Brussels, 9.12.2015) [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2015/EN/1-2015-626-EN-F1-1.PDF> (дата обращения: 07.07.2020).
7. Directive (EU) 2019/790/EU of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC // Official Journal of the European Union L 130. — 17.05.2019. — P. 92–125.
8. EBLIDA, IFLA, EUROPEANA, LEIBER. Joint Response “Articles 7 to 9 — out of commerce works” (Brussels, 14 September 2017) [Электронный ресурс]. URL: http://www.eblida.org/Documents/Copyright_Reform/Art.7to9_OOCW.pdf (дата обращения: 02.07.2020).
9. *Geiger Ch., Frosiao G., Bulayenko O.* Facilitating access to out-of-commerce works in the Digital Single market. How to make Pico della Mirandola’s dream a reality in the European Union // *Journal of Intellectual Property, Information Technology and E-Commerce*. — 2018. — Vol. 9. — Issue 3. — P. 240–250.
10. *Guibault L., Schroff S.* Extended collective licensing for the use of out-of-commerce works in Europe a matter of legitimacy vis-à-vis rights holders // *International Review of Intellectual Property and Competition law*. — 2018. — Vol. 49. — Issue 9. — P. 916–939.
11. *Janssens M.-C., Tryggvadottir R.* Orphan works, out-of-commerce works and making the European cultural heritage available: ‘are we nearly there yet?’ // *New developments in EU and international copyright law. The Netherlands: Kluwer International*. — 2016. — P. 189–209.
12. *Keller P.* Explainer: What will the new EU copyright rules change for Europe’s cultural heritage institutions (Jun 9, 2019) [Электронный ресурс]. URL: <https://pro.europeana.eu/post/explainer-what-will-the-new-eu-copyright-rules-change-for-europe-s-cultural-heritage-institutions> (дата обращения: 19.06.2020).
13. *Matas A., Vézina B.* Be part of the discussion on out of commerce works (December 4, 2019) [Электронный ресурс]. URL: <https://pro.europeana.eu/post/be-part-of-the-discussions-on-out-of-commerce-works> (дата обращения: 19.06.2020).
14. Memorandum of understanding on key principles on the digitization and making available of out-of-commerce works (Brussels, 20 September 2011) [Электронный ресурс]. URL: https://www.cenl.org/wp-content/uploads/2019/06/MoU_Key_Principles_on_the_Digitisation_and_Making_Available_of_Out-of-Commerce_Works_-20.09.11.pdf (дата обращения: 14.07.2020).

15. Modernization of the EU Copyright Rules. Position Statement of the Max Plank Institute for Innovation and Competition / ed. by R. M. Hilty and V. Moscon. Munich Max Plank Institute for Innovation and Competition, 2017. — 210 p.
16. Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on copyright in the Digital Single Market // COM(2016) 593 final (Brussels, 14.9.2016) [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2016/EN/1-2016-593-EN-F1-1.PDF> (дата обращения: 15.07.2020).
17. *Sganga C.* The eloquent silence of *Soulier and Doke* and its critical implications for EU copyright law // *Journal of Intellectual Property Law and Practice*. — 2017. — Vol. 12. — № 4. — P. 321–330.
18. *Synodinou T.* (August 5, 2019). The new copyright Directive: out of commerce works (articles 8 to 11): is it possible to untie the Gordian knot of mass digitization and copyright law without cutting it off? URL: <http://copyrightblog.kluweriplaw.com> (дата обращения: 04.07.2020).
19. The paradox of the disappearing book. How to ensure on out of commerce works really work. URL: https://www.ifla.org/files/assets/hq/topics/exceptions-limitations/oocw_infographic_ver_2.1.pdf (дата обращения: 04.07.2020).

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ: ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

---

*Ю. В. Григорьев,
кандидат технических наук,
старший научный сотрудник, доцент
Московского государственного технического университета
имени Н. Э. Баумана
(г. Москва, elhydra@yandex.ru)*

*А. П. Пашута,
инженер-патентовед
(г. Москва, anastasya.pashuto@gmail.com)*

Интеллектуальная собственность в малых инновационных предприятиях

Опрос владельцев малых инновационных предприятий показал, что наряду с высокой творческой активностью они обладают крайне слабыми представлениями о возможностях использования патентного права для подавления конкурентов и защиты предприятия от угроз нерыночного характера. В основном патентуют только то, что используют или предполагают использовать. Ни о каких тактических патентах, тем более об осмысленной разработке патентной стратегии, речи не идет. По мнению авторов статьи, усилия патентного сообщества и меры государственной поддержки малых инновационных предприятий должны быть направлены на популяризацию патентной культуры и изобретательства в широкой среде промышленников и предпринимателей.

Ключевые слова: изобретение, полезная модель, патент, патентная стратегия, конкуренция, малое инновационное предприятие, изобретательство.

Работа посвящена исследованию фактического положения дел с интеллектуальной собственностью (далее — ИС) в малых инновационных предприятиях (далее — МИП), понимаемых как малые предприятия,

владеющие действующим патентом на изобретение или полезную модель либо лицензией на их использование [1]. Такое понимание было принято исходя из предложенного для целей государственного управления определения понятия «инновация» как внедренного новшества, основанного на новых неочевидных технических решениях [2].

Предварительно авторами исследования была разработана методика выявления МИП¹, основанная на использовании возможностей поисковой системы ФИПС в сочетании с Единым реестром субъектов малого и среднего предпринимательства (далее — Реестр) [3]. Выявление МИП проводилось в следующем порядке.

1. Выбор области техники, в которой требовалось выявить МИП, и соответствующих ей рубрик МПК.

2. В базе данных ФИПС «Рефераты российских изобретений» выявлялись патенты, принадлежащие физическим лицам, обществам с ограниченной ответственностью и учебным заведениям. Патенты, выданные предприятиям с численностью, заведомо превышающей 100 человек, таким как государственные НИИ и акционерные общества, из рассмотрения исключались. Для сокращения трудозатрат в поисковый запрос кроме рубрики МПК включались также признаки статуса патента («действует», «может прекратить действие», «не действует, но может быть восстановлен»), а период поиска ограничивался пятью-десятью годами.

3. Запрашивались полные описания патентов, принадлежащих учебным заведениям, чтобы проверить, не выдавались ли лицензии малым предприятиям, созданным при них. Предприятия, получившие такие лицензии, проверялись на принадлежность к малым с помощью Реестра.

4. Недостатком принятой в Роспатенте формы библиографического описания является то, что в ней не указывается, имеет ли физическое лицо — патентообладатель отношение к предпринимательству или же просто является изобретателем-любителем. Между тем, по данным Реестра, доля индивидуальных предпринимателей в общем массиве малых и средних предприятий составляет 58% (данные на 10.07.2020. — *Прим. авторов*). Поэтому для разграничения любителей и предпринимателей, оформляющих патент на свое имя, использовалась поисковая система Реестра. Главным поисковым признаком являлись фамилия, имя и отчество патентообладателя. Из массива однофамильцев нужное лицо и связанное с ним предприятие легко и точно выделялись

¹ Григорьев Ю. В., Пашуто А. П. Методика выявления малых инновационных предприятий (на момент выхода номера журнала «Копирайт» статья находилась в стадии подготовки к публикации в другом журнале).

по указанному в библиографии патента адресу для переписки и рубрике МПК, которая должна быть близка к коду ОКВЭД МИП, указанному в Реестре.

С целью анализа роли ИС в деятельности МИП, используя описанную методику, был выявлен ряд МИП, продукция которых относилась к различным, далеким друг от друга областям техники (микробиология, подъемно-транспортное оборудование, электрофизическое технологическое оборудование, транспортная техника, строительство). Для проведения опроса было выбрано 12 предприятий — юридических лиц, достаточно благополучно действующих на рынке не менее четырех лет. Средний годовой оборот выбранных предприятий находился в пределах от 9 млн до 700 млн рублей, а среднее количество работников — восемь человек.

Опрос осуществлялся при личном контакте в форме беседы. Помимо вопросов, непосредственно относящихся к интеллектуальной собственности, респонденты отвечали на вопросы о положении дел с государственной поддержкой МИП. Перечень вопросов и результаты опроса представлены в таблице.

Таблица

Результаты опроса предпринимателей по выбранным темам

№	Вопрос	Ответы и их количество
Тема: подавление конкурентов		
1	Как узнаете о разработках конкурентов?	6 — звонки под видом клиентов / покупка товара; 2 — информация на сайтах, общение с потребителями; 2 — из базы данных ФИПС, нерегулярно; 2 — знаем в лицо по выставкам, конференциям
2	Как оцениваете конкуренцию в своей области: как высокую, среднюю или низкую?	8 — высокая; 2 — средняя; 2 — низкая
3	Помогает ли обладание патентами в борьбе с конкурентами?	4 — нет; 2 — важность патента как средства подавления конкурентов осознаем, но не умеем использовать; 6 — да, при условии активных действий
4	Были ли случаи нарушения ваших патентов?	8 — да (копирование после публикации / прямое нарушение / ушедший сотрудник запатентовал служебное изобретение / зарубежные конкуренты скопировали изобретение и начали производить); 4 — нет (один респондент сообщил, что не может отследить нарушения)
5	Были ли случаи копирования ваших технических решений, неважно, запатентованных или нет?	

Продолжение табл.

№	Вопрос	Ответы и их количество
6	Пользуются ли ваши конкуренты средствами административного давления на фирму вроде ограничения доступа к информации, конкурсам, сырью или потребителям?	12 — нет; 0 — да
Тема: изобретатели		
7	Сколько в фирме изобретателей? Тех, кто способен сам изобретать, а не соавторов	8 — 3–4 человека; 2 — все способны изобретать; 2 — почти никого
8	Что мешает получать больше патентов?	5 — высокая стоимость услуг по патентованию, отсутствие мотивации из-за слабой конкуренции; 7 — патентуется все, что необходимо
9	Уходили ли от вас знающие сотрудники к конкуренту?	8 — да (были случаи организации сотрудниками своих фирм и копирования технических решений); 4 — нет (например, отрасль маленькая, все друг друга знают)
10	Приходили ли к вам толковые сотрудники от конкурентов?	2 — да; 10 — нет (маленькая отрасль, все знакомы, перебежчиков не любят)
11	Легко ли нанять толкового специалиста / умелого рабочего? Велика ли текучесть кадров?	12 — сложно, высококвалифицированных кадров мало, текучести кадров почти нет
Тема: патентование		
12	Все ли новые технические решения вы патентуете?	8 — только перспективные и планируемые к внедрению; 4 — только при наличии свободных денег / возможности отследить использование / легкие в копировании
13	Оформляете ли техническую документацию как секрет производства?	12 — нет
14	Все ли запатентованные ИЗ или ПМ используются в продукции?	10 — да (патентуются только нужные и перспективные, если не нужен — не поддерживается); 2 — не все (было важно запатентовать для отчета, перестали использовать, поддерживаем по инерции)
15	Как оформляете заявки на ИЗ или ПМ: сами или с помощью приглашенного специалиста?	11 — приглашенные специалисты; 1 — сами

Продолжение табл.

№	Вопрос	Ответы и их количество
16	По вашему мнению, есть смысл в патентовании?	9 — да (для безопасности, защиты продукта); 3 — сложно сказать (неочевиден, можно считать заделом на будущее)
17	На чье имя патентуются технические решения? Почему?	6 — на имя организации (но почти все начинали с патентования на имя физлица); 6 — на имя физлица (для безопасности / планируется на юрлицо в будущем)
18	Предоставлялись ли лицензии на использование ваших ИЗ или ПМ другим лицам?	12 — нет
19	Приобретались ли лицензии на использование чужих изобретений?	12 — нет
20	Вы предпочитаете патентовать как ПМ или как ИЗ? Почему?	7 — полезные модели (проще и дешевле); 5 — изобретения (больше срок действия, престиж)
21	Возникла ли необходимость в зарубежном патентовании ваших и изобретений?	11 — нет; 1 — да, подали заявку по РСТ, перейдя на национальную фазу, получили европейский патент, патенты в Японии, Индии, ожидаем патент США
22	Помогают ли патенты в повышении престижа предприятия?	10 — да, помогают; 2 — не особо (правда, и владение патентами не афишируется)
23	Указываете ли вы номера патентов на своих изделиях или в сопроводительной документации?	2 — да; 10 — нет
24	Создает ли предприятие объекты авторского права?	12 — да (но девяти из 12 сначала пришлось объяснить, что это за объекты)
25	Владеет ли предприятие зарегистрированным товарным знаком?	12 — зарегистрированным не владеем, выступаем под фирменным наименованием; 3 — имеем товарный знак в виде рисунка или логотипа, но незарегистрированный
26	Чего не хватает существующему законодательству в области интеллектуальной собственности?	(Квалифицированных ответов не было из-за слабого знакомства с законодательством)
Тема: господдержка и препятствия		
27	Нужна ли предприятию господдержка деньгами или льготами?	12 — да (в том числе: 1 — кредитование, 1 — субсидии на транспорт и таможенную, 1 — нужна, пытались, но не получили)

Окончание табл.

№	Вопрос	Ответы и их количество
28	Знаете ли вы, как ее получить? Знаете ли про меры господдержки МИП? Пользуетесь ли этими механизмами?	10 — знаем (8 недовольны механизмом: случаи воровства идей, несправедливость конкурсов, неадекватные критерии оценки и пр.); 2 — не знаем
29	Участвовала ли ваша фирма в конкурсах? Ваше мнение: насколько объективно принимаются решения о победителе?	8 — участвовала (предвзятые процедуры, необъективные критерии, часто борьба происходит до конкурса, ТЗ на конкретного исполнителя); 4 — нет
30	Стоят ли хлопоты по получению господдержки того, что удастся получить?	9 — нет; 2 — да, но если для этого держать специальных сотрудников; 1 — не знаем
31	Какие механизмы господдержки могли бы стимулировать инновационное предпринимательство?	Варианты ответов были различными: — компетентная независимая конкурсная комиссия; — уменьшение налогов; — изменение законодательства; — упрощение бюрократических процедур; — активизация работы венчурных компаний; — кредиты под контракты; — изменение политики в отношении экспортного контроля (снижение стоимости и упрощение процедур); — льготное кредитование на приемлемых условиях; — приоритет отечественных поставщиков в госзакупках
32	Что препятствует эффективной деятельности предприятия?	Среди ответов наиболее популярны следующие: — необъективная конкурсная комиссия и критерии победы в госзакупках; — проблемы с исполнением, коррупция; — нет кредитования под контракты, нужно поменять требования законодательства; — экспортный контроль (нужны белые списки для упрощенного экспорта)
33*	Что мешает вашей фирме расти: — недостаток заказов; — нет средств на развитие; — нет необходимости — и так хорошо?	Ответы разные, в зависимости от масштаба предприятия: — недостаток средств; — дорогие кредиты; — невыполнение законов, высокие налоги и бюрократия; — невысокий спрос (крупные заказы пару раз в год); — конкуренция (приходится снижать цены); — идей хватает, но нет сил и средств на их разработку

* *Примечание:* на вопросы пп. 31–33 почти все респонденты дали по два-три ответа, затрудняясь выделить из них главный.

По результатам опроса авторами сделаны основные выводы:

1. На словах все опрошенные выказывают уважение к патентной защите, однако две трети опрошенных прониклись этим уважением лишь после того, как обнаружили, что их технические решения копируют, либо после того, как их самих обвинили в нарушении чужого патента. Выпускаемая изученными МИП продукция, даже вполне наукоемкая, технологически несложна, производство носит единичный или мелкосерийный характер. Это обстоятельство предопределяет малую высоту барьеров для вхождения в рынок и вполне жесткую конкуренцию.

2. Все опрошенные понимают назначение патента как средства борьбы с копированием. Но о других возможностях использования патентов как средства подавления конкуренции и как фактора защиты предприятия от угроз нерыночного характера знает лишь половина из них.

3. В МИП проблема внедрения отсутствует: патентуется все, что внедрено, внедряется все, что запатентовано. Точнее, патентуются те решения, патентоспособность которых удастся осознать. Тендерных и отчетных (в классификации Д. Ю. Соколова [5]) патентов практически нет.

4. Не зная возможностей патентного права для подавления конкурентов, более половины опрошенных патентуют только то, что используют или предполагают использовать. Ни о каких тактических патентах, тем более об осмысленной разработке патентной стратегии, речи не идет.

5. Содержать штатного патентоведа МИП не по силам. 92% опрошенных, не владея техникой подготовки патентных заявок, обращаются за помощью к внешним специалистам, однако оценить их компетентность они не могут. Просмотр описаний и формул патентов, принадлежащих опрошенным, показал, что их качество, оцениваемое способностью защитить патент от обхода или аннулирования, сильно разнится, свидетельствуя о разбросе квалификации разработавших их специалистов. Излишние или ограничивающие объем защиты признаки в независимом пункте патентной формулы замечены почти в одной трети всех патентов опрошенных МИП. В двух случаях поспешно составленные патентные формулы, не исчерпавшие всех возможностей совершенствования, подтолкнули конкурентов к созданию и патентованию альтернативных решений.

6. Большинство опрошенных, не заглядывая вперед далее чем на десять лет предпочитают оформлять патенты на полезные модели. В качестве изобретений патентуют преимущественно способы.

7. Затраты на патентование считают ощутимой нагрузкой для бюджета предприятия 42% опрошенных.

8. Половина опрошенных, все они владельцы и авторы, предпочитают оформлять патенты на себя лично из-за неуверенности в долговечности своих предприятий или для предотвращения недружественных действий извне. Так, одному из респондентов удалось предотвратить рейдерский захват своего предприятия благодаря тому, что все 12 патентов на выпускаемую продукцию были оформлены на него лично. Лицензий своим предприятиям патентообладатели — физические лица не оформляют.

9. Доля внедренных изобретений и полезных моделей в разы превосходит, а количество специалистов и среднее число соавторов, приходящихся на один полученный патент, в разы меньше, чем в вузах, государственных НИИ и крупных промышленных предприятиях. Скорее всего, это следствие жесткой конкуренции в среде МИП.

10. У большинства опрошенных отношение к государственной поддержке вполне ироничное: «Пока получишь — набегаешься, расскажи им все в подробностях, а потом неизвестно, что получишь и получишь ли вообще». О том, что технические детали, раскрываемые при участии в тендерах и конкурсах, необходимо предварительно защищать хотя бы патентными заявками, подозревают все, но далеко не все оформляют их своевременно.

11. Специализированные журналы «Копирайт», «Патенты и лицензии», «Патентный поверенный», «Интеллектуальная собственность» не читает, хотя бы изредка, ни один из опрошенных.

Хотя все исследованные МИП вполне благополучны, активно создают и внедряют новые технические решения, а их владельцы понимают необходимость патентования, усредненный по всем опрошенным уровень владения техникой патентной защиты, не говоря уже о способности разрабатывать осмысленную патентную стратегию на годы вперед, можно оценить как нулевой.

Возможности повышения осведомленности руководителей МИП в вопросах управления интеллектуальной собственностью крайне ограничены. Они не собираются переквалифицироваться в патентоведов, на подготовку которых нацелены курсы, предлагаемые учебными заведениями. Курсы по теории решения изобретательских задач обучают, причем однобоко, только комбинаторным методам решения изобретательских задач, не касаясь техники патентования и уж тем более патентной стратегии. Все эти курсы основной массе МИП, разбросанных по огромной территории России, просто недоступны.

Самообразование для работников МИП также мало доступно из-за отсутствия пособий, где в юридически строгой, но популярной форме излагались бы те аспекты управления промышленной собственностью, которые интересны для практиков. Учебники, в основном пересказывающие положения части четвертой ГК РФ, научные статьи, обсуждающие тонкости патентного права, им неинтересны и потому мало полезны.

Изучение состояния литературы по управлению промышленной собственностью может и должно составить предмет самостоятельного исследования. Но уже сейчас авторы в меру своей осведомленности берут на себя смелость утверждать, что отечественных изданий в популярной, доступной любому инженеру форме, всесторонне описывающих смысл и технику патентования, приемы использования возможностей правового института интеллектуальной собственности для подавления конкуренции и защиты предприятия, не существует. Единственное известное авторам пособие [4], ориентированное на инженеров, было издано 44 года назад. Хотя многие его разделы могут быть полезны и сегодня, сведений о патентной борьбе и патентной стратегии оно, разумеется, не содержит. Имеющаяся полезная, притом далеко не всеобъемлющая, информация раздроблена по множеству изданий и не может быть найдена поглощенными основной работой сотрудниками МИП. Хуже того, вошедшее в практику предоставление доступа к научным статьям за плату, когда читателю предлагается судить о целесообразности приобретения копии статьи только по ее названию, делает их практически недоступными и без того небогатым МИП.

Представляется, что усилия патентного сообщества должны быть направлены на популяризацию патентной культуры и изобретательства в широкой среде промышленников. Опасаться снижения спроса на услуги специалистов по подготовке патентных заявок по мере повышения общей грамотности не стоит. Напротив — будет расти понимание недопустимости «любительства» в условиях характерной для МИП жесткой конкуренции. Одновременно будет усиливаться и забота патентных специалистов о своей репутации.

Результаты опроса, проведенного авторами, показывают, что государственная поддержка МИП в существующем виде неэффективна или по меньшей мере непривлекательна. Улучшить положение могло бы участие государства в программе повышения патентной грамотности самодеятельных изобретателей, какими, по существу, являются владельцы и сотрудники МИП. Например, путем объявления конкурса

на лучшее пособие или серию пособий по основам патентного дела, содержание и форма изложения материала в которых наилучшим образом отвечали бы запросам и складу ума инженеров, медиков, микробиологов, занятых в науке, промышленности и сфере услуг, испытывающих необходимость в расширении кругозора в области управления интеллектуальной собственностью, но не желающих переквалифицироваться в патентоведы.

Библиография

1. Григорьев Ю. В. Государственная поддержка инновационной деятельности // Качество. Инновации. Образование. — 2009. — № 9. — С. 32–40.
2. Григорьев Ю. В., Пашуто А. П. Понятие малого инновационного предприятия // Качество. Инновации. Образование. — 2019. — № 6. — С. 44–50.
3. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. URL: <https://ofd.nalog.ru/> (дата обращения: 07.01.2020).
4. Инженеру об изобретении / под ред. Н. М. Зенкина. 2-е изд. — М.: Атомиздат, 1976. — 200 с.
5. Соколов Д. Ю. Патентные стратегии предприятий // Наноиндустрия. — 2014. — № 8. — С. 66–77.

*А. Н. Кривоногов,
научный сотрудник ФГУП
«18 Центральный научно-исследовательский институт»
Минобороны России
(г. Москва, krivonogov_anton@mail.ru)*

Прогноз показателей патентной активности в России и рекомендации по ее активизации на основе анализа патентной статистики

В статье показано значительное отставание Российской Федерации от активно патентующих стран, причем коэффициент изобретательской активности в России в 20 раз ниже, чем у лидера рейтинга — Южной Кореи. Анализ финансирования исследований и разработок в России и Южной Корее продемонстрировал несостоятельность гипотезы о том, что изобретательская активность прямо пропорциональна объемам финансирования. Автор показывает, что в России 10 крупнейших патентообладателей-граждан владеют втрое большим количеством патентов, чем 10 наиболее крупных организаций-патентообладателей. Следовательно, движущей силой изобретательской активности являются активно патентующие изобретатели. Для подтверждения данной гипотезы проанализирована патентная статистика крупнейших технологических компаний в России и выявлена закономерность, заключающаяся в том, что не более 5% авторов упоминаются не менее чем в 67% патентов. Сделан вывод о том, что для повышения изобретательской активности необходимо повысить количество активных изобретателей, для чего целесообразным представляется развитие изобретательской культуры, материальное стимулирование изобретательской деятельности, а также совершенствование правового регулирования. Автором сделан прогноз о том, что реализация сформулированных в статье рекомен-

даций позволит увеличить количество активно патентующих работников организаций с текущих 3–5 до 10%, что в среднесрочной перспективе до 2025 г. позволит увеличить количество заявок на изобретения в пять раз, и Россия сможет по этому показателю выйти в мировые лидеры.

Ключевые слова: коэффициент изобретательской активности, изобретения, патентная статистика, патентные данные, патентообладатели, служебные изобретения.

Россия является родиной величайших изобретений, которые изменили мир на многие десятилетия вперед и легли в основу развития новых отраслей науки и техники, таких как радио и связь, телевидение, самолетостроение, космическая и атомная промышленность. Неоценимый вклад в развитие науки и техники внесли многие наши ученые-изобретатели, из которых наиболее известны Попов Александр Степанович, Можайский Александр Федорович, Жуковский Николай Егорович, Курчатов Игорь Васильевич, Королев Сергей Павлович, Миль Михаил Леонтьевич и Илизаров Гавриил Абрамович.

В советское время широко пропагандировалась и поддерживалась изобретательская деятельность. На многих заводах и предприятиях, в научных и образовательных учреждениях работали бюро рационализаторской и изобретательской работы, где в 1980-х гг. трудились около 138 000 работников [1], при этом в 1988 г. Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов насчитывало 14,5 млн членов [2]. Профессиональный изобретатель Альтшуллер Генрих Саулович разработал и широко пропагандировал теорию решения изобретательских задач, практическое применение которой позволило решить тысячи научно-технических проблем во всех отраслях отечественной промышленности. Так, за счет изобретений и рационализаторских предложений в СССР обеспечивалось в среднем 30–35% общего роста производительности труда, 50–60% экономии материальных и сырьевых и около 80% топливно-энергетических ресурсов [3].

В 1987 г. — на пике развития изобретательской деятельности — в СССР было зарегистрировано 83 700 изобретений, причем эти показатели были значительно выше, чем в наиболее прогрессивных странах мира, таких как США (82 900), Япония (62 400), Германия и Великобритания (28 700). Нашей стране удавалось удерживать такие показатели вплоть до развала СССР в 1991 г., когда число зарегистрированных изобретений сократилось в четыре раза.

В настоящее время преодолено катастрофическое положение в социально-экономической сфере, которое сложилось после развала СССР. Государство и бизнес ежегодно увеличивают финансирование инновационных разработок, при этом многими экспертами отмечаются крайне низкие показатели изобретательской активности организаций, особенно при выполнении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

В этой связи весьма показательным является сопоставление коэффициента изобретательской активности России и других активно патентующих стран (см. рис. 1) [4]. Коэффициент изобретательской активности показывает число отечественных патентных заявок на изобретения в расчете на 10 000 человек населения.

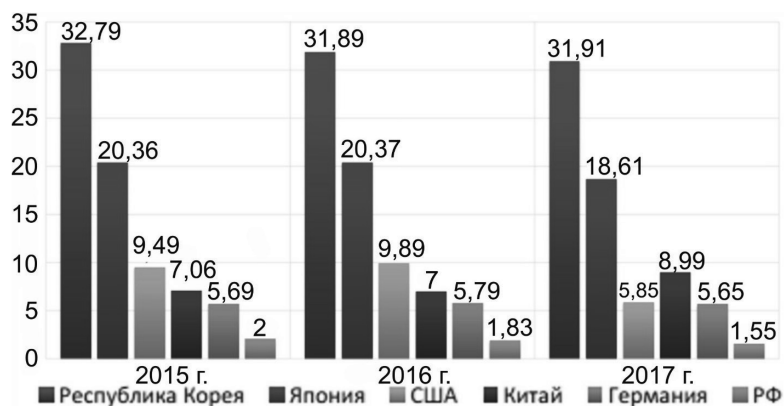

Рис. 1. Коэффициент изобретательской активности РФ в сравнении с активно патентующими странами

Данная гистограмма наглядно показывает, что коэффициент изобретательской активности в России значительно ниже, чем в других странах, — с 2015 по 2017 г. он постепенно снизился с 2 до 1,55. Таким образом, в 2017 г. в среднем 1 млн россиян было подано лишь 155 заявок на изобретения, тогда как миллион корейцев за этот же период в среднем сделали 3191 изобретение, т.е. в 20,59 раза больше.

Существует гипотеза, что изобретательская активность прямо пропорциональна объемам финансирования исследований и разработок, следовательно, чем больше объем финансирования, тем более интенсивной должна быть изобретательская деятельность. Для проверки данной гипотезы проанализируем финансирование исследований и разработок в Республике Корея и России со стороны государства и бизнеса по состоянию на 2017 г. [5]. Результаты представлены автором в табл. 1.

В 2017 г. финансирование исследований и разработок в Республике Корея превысило соответствующий российский показатель лишь на 43%, тогда как коэффициент изобретательской активности оказался в 20 раз больше российского, следовательно, изобретательская активность в Республике Корея многократно превышает изобретательскую активность в России, несмотря на сопоставимый уровень финансирования исследований и разработок.

Таблица 1

**Сравнение финансирования исследований и разработок
в расчете по паритету покупательной способности
национальных валют, млн долл.**

Субъект финансирования	Республика Корея	Россия
Государство	21 894,1	28 231,8
Бизнес	79 354,3	42 270,9
Итого:	101 248,4	70 502,7

Таким образом, активность изобретательской деятельности напрямую не определяется объемом финансирования исследований и разработок, а имеет иную движущую силу, для определения которой проанализируем изобретательскую активность крупнейших патентообладателей в России по трем критериям:

- количество действующих патентов на изобретения и полезные модели;
- количество полученных патентов на изобретения и полезные модели за последние 25 лет;
- количество полученных патентов на изобретения и полезные модели за последние пять лет.

Перечень крупнейших патентообладателей — организаций, государственных органов и юридических лиц приведен в табл. 2, а перечень крупнейших патентообладателей из числа граждан приведен в табл. 3.

В списке 25 крупнейших организаций-патентообладателей в России оказались 12 отечественных юридических лиц и государственных органов, которые суммарно владеют 13 081 патентом на изобретения (далее — ИЗ) и полезные модели (далее — ПМ), а также 13 иностранных организаций, которые суммарно владеют 13 284 патентами.

При анализе изобретательской активности крупнейших правообладателей выявлены устойчивые закономерности, которые проявляются при определении отношений:

- количества действующих патентов к общему количеству патентов, полученных за последние 25 лет;
- количества полученных патентов за последние пять лет к общему количеству патентов, полученных за последние 25 лет.

Первое отношение отражает заинтересованность правообладателей в поддержании патентов в силе, а второе показывает интенсивность изобретательской деятельности за последние пять лет в сравнении с предыдущим контрольным периодом. Графики, соответствующие указанным зависимостям, приведены на рис. 2 и 3.

Таким образом, вне зависимости от количества патентов резиденты в среднем на 36% меньше поддерживают патенты в силе, чем нерезиденты, при этом резиденты за последние пять лет получили патентов на 45%, чем нерезиденты.

Таблица 2¹

Сведения по крупнейшим организациям-патентообладателям в России

№ п.п.	Наименование патентообладателя	Страна	Кол-во ИЗ и ПМ		
			Действ.	25 лет	5 лет
1.	KONINKLEJKE FILIPS NW	Нидерланды	2547	3373	2513
2.	«Газпром»	Россия	2094	2947	1022
3.	РФЯЦ — Всероссийский НИИ экспериментальной физики ГК «Росатом»	Россия	1897	3174	933
4.	«Татнефть» им. В. Д. Шашина	Россия	1682	4054	1238
5.	Министерство промышленности и торговли РФ	Россия	1678	2503	1099
6.	SAMSUNG ELECTRONICS CO LTD	Корея	1677	3093	887
7.	Росатом	Россия	1656	1777	1157
8.	QUALCOMM LTD	США	1526	2464	436
9.	SNEKMA FR	Франция	1243	1418	602
10.	SIEMENS AO	Германия	1194	2144	1157
11.	Российские железные дороги	Россия	961	1530	325
12.	CANON KK	Япония	840	1029	571
13.	XIAOMI INC	Китай	834	836	829
14.	TOYOTA MOTOR CO LTD	Япония	788	942	632

¹ Составлено автором на основе анализа данных информационно-поисковой системы Роспатента.

Окончание табл. 2

№ п.п.	Наименование патентообладателя	Страна	Кол-во ИЗ и ПМ		
			Действ.	25 лет	5 лет
15.	HUAWEI TECH CO LTD	Китай	654	698	499
16.	ПАО «КамАЗ»	Россия	617	1213	346
17.	АО «АВТОВАЗ»	Россия	593	2543	199
18.	ПАО «РКК «Энергия» им. С. П. Королева»	Россия	589	2094	336
19.	MICROSOFT CORP	США	565	1081	145
20.	LG ELECTRONICS INC	Корея	531	815	346
21.	Министерство обороны РФ	Россия	479	1164	760
22.	NESTEK SA	Швейцария	460	789	489
23.	ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат»	Россия	457	1374	48
24.	BOSCH GMBH ROBERT	Германия	425	966	371
25.	Воронежский государственный университет	Россия	378	2813	1394

Таблица 3¹

Крупнейшие патентообладатели — граждане России

№ п.п.	Наименование патентообладателя	Кол-во ИЗ и ПМ		
		Действ.	25 лет	5 лет
1.	Квасенков Олег Иванович	30 672	31 581	9760
2.	Щепочкина Юлия Алексеевна	5153	5398	1260
3.	Кочетов Олег Савельевич	3372	3624	2336
4.	Ахмедов Магомед Эминович	1121	1935	638
5.	Захаров Юрий Васильевич	601	731	205
6.	Болотин Николай Борисович	561	574	165
7.	Кролевец Александр Александрович	554	621	604
8.	Мендрух Николай Викторович	481	485	429
9.	Черниченко Владимир Викторович	419	662	425
10.	Староверов Николай Евгеньевич	403	417	266

¹ Составлено автором на основе анализа данных информационно-поисковой системы Роспатента.

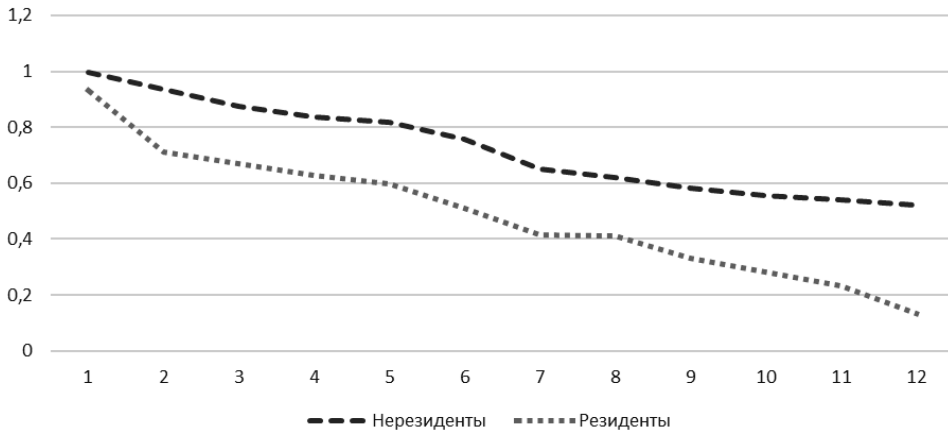

Рис. 2. Отношение количества действующих патентов к общему количеству патентов, полученных за последние 25 лет

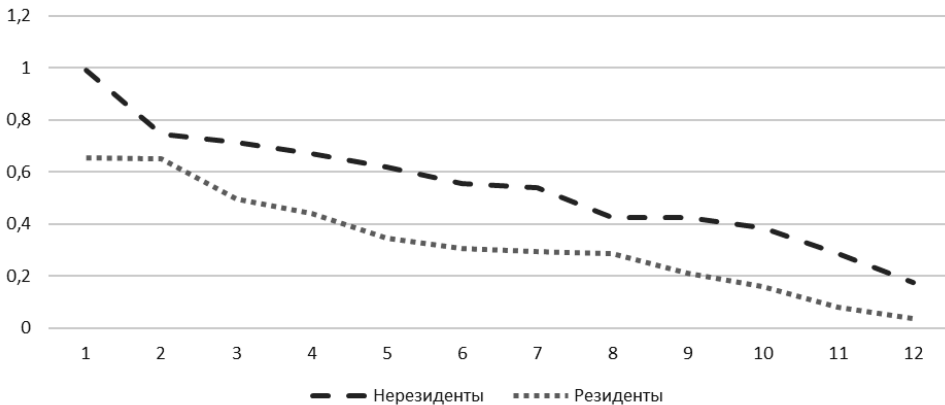

Рис. 3. Отношение количества полученных за последние пять лет патентов к общему количеству патентов, полученных за последние 25 лет

Сравнение изобретательской активности крупнейших патенто-обладателей России показывает, что первые 10 организаций владеют 17 194 патентами, тогда как 10 лучших изобретателей России владеют 43 337 патентами — втрое большим количеством. Данный факт позволяет выдвинуть гипотезу о том, что изобретательская активность определяется деятельностью конкретного автора-изобретателя по патентованию текущего и перспективного уровня техники.

Для ее проверки рассмотрим изобретательскую активность крупнейших технологических компаний России по вложениям в исследования и разработки, а также структуру авторского состава патентов.

В табл. 4 приведен рейтинг крупнейших технологических компаний за 2015 г. по версии РБК [6].

Таблица 4

Изобретательская активность крупнейших технологических компаний России

№ п.п.	Наименование патентообладателя	Кол-во ИЗ и ПМ		
		Действ.	25 лет	5 лет
1	ПАО «ОКБ Сухого»	78	201	19
2	«Яндекс»	228	238	230
3	ООО «Мэйл.Ру»	1	1	1
4	ПАО «НПК «Иркут»	127	161	44
5	Казанский вертолетный завод	39	59	6
6	АО «Улан-Удэнский авиационный завод»	15	15	4
7	ФГУП «ГКНПЦ им. М. В. Хруничева»	27	92	34
8	Ростовский вертолетный производственный комплекс — ПАО «Роствертол»	45	80	36
9	ПАО «Научно-производственное объединение «Сатурн»	168	231	2
10	АО «Объединенная двигателестроительная корпорация»	32	34	34
11	АО «Производственное объединение «Северное машиностроительное предприятие»	33	81	11
12	Всероссийский научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт электровозостроения	0	246	2
13	ПАО «Машиностроительный завод имени М. И. Калинина»	16	19	15
14	ООО «Ульяновский автомобильный завод»	18	99	13
15	ПАО «РКК «Энергия» им. С. П. Королева»	589	2094	336
16	ОАО «Завод им. В. А. Дегтярева»	495	678	201
17	ОА «Адмиралтейские верфи»	7	28	4
18	Государственный научно-производственный ракетно-космический центр «ЦСКБ-Прогресс»	97	166	13
19	АО «Лаборатория Касперского»	300	313	223
20	Центральное конструкторское бюро морской техники «Рубин»	51	143	26

Анализ данных табл. 4 показывает, что крупнейшие технологические компании имеют очень небольшую изобретательскую активность, а за последние пять лет:

- 11 компаний получили не более 20 патентов;
- пять компаний получили от 20 до 50 патентов;
- четыре компании получили более 200 патентов: Ракетно-космическая корпорация «Энергия» им. С. П. Королева, «Яндекс», «Лаборатория Касперского», Завод им. В. А. Дегтярева.

Столь большая разница обусловлена внутренними движущими силами, которые, возможно, являются универсальными, и на основе их описания можно будет сформулировать рекомендации по активизации изобретательской активности. С этой целью автором проведен анализ патентной активности работников крупнейших технологических компаний. Результаты анализа показаны в виде графиков на рис. 4–6, на которых по горизонтали приведен обезличенный рейтинг работников, а по вертикали количество их упоминаний в патентах на изобретения и полезные модели.

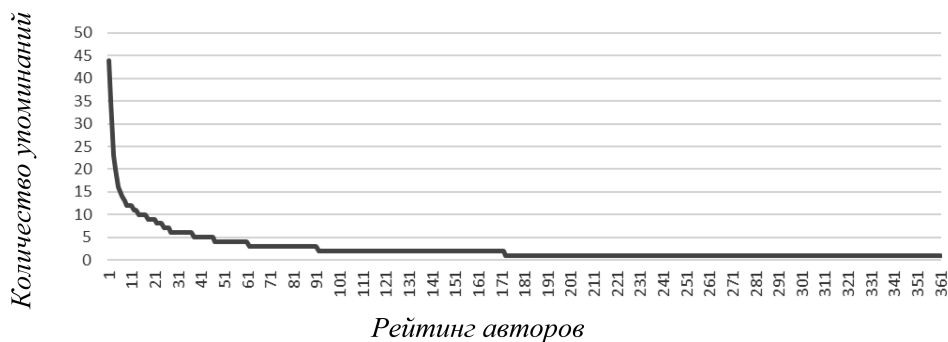

Рис. 4. Количество упоминаний работников РКК «Энергия» в качестве авторов изобретений и полезных моделей

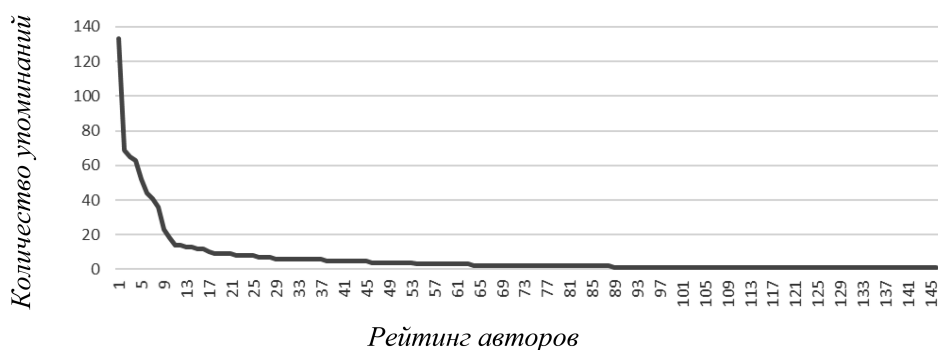

Рис. 5. Количество упоминаний работников Завода им. В. А. Дегтярева в качестве авторов изобретений и полезных моделей

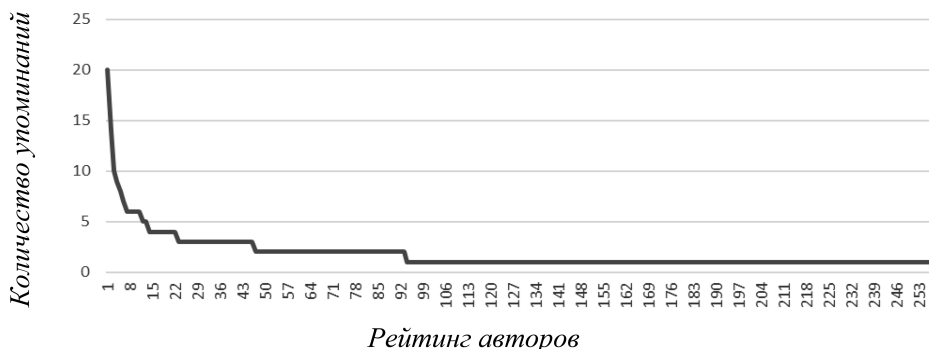

Рис. 6. Количество упоминаний работников «Яндекса» в качестве авторов изобретений и полезных моделей

Следовательно, изобретательская активность рассмотренных организаций определяется деятельностью небольшого числа авторов. Дополнительный анализ патентной активности других крупнейших технологических компаний позволил автору сформулировать следующую закономерность: не более 5% авторов служебных изобретений упоминаются не менее чем в 67% патентов данной организации.

Таким образом, для повышения изобретательской активности необходимо увеличить количество активных изобретателей, для чего представляется целесообразной согласованная работа в следующих направлениях:

- развитие изобретательской культуры;
- материальное стимулирование изобретательской деятельности;
- совершенствование правового регулирования.

Изобретательская культура является важнейшим условием существования изобретательской деятельности, поскольку при ее повышении активизируется изобретательская деятельность вне зависимости от качества правового регулирования или материального стимулирования, а при ее деградации резко падают показатели изобретательской деятельности.

Развитие изобретательской культуры может быть осуществлено посредством:

- обучения изобретательской деятельности;
- передачи опыта изобретательской деятельности от наставника — опытного изобретателя к ученику;
- выработки современной методологии ведения изобретательской деятельности;
- проведения соревнований по изобретательской деятельности с последующим поощрением лучших изобретателей.

Как показывает профессиональный опыт автора, данные мероприятия гарантированно обеспечивают активизацию изобретательской деятельности.

Кроме того, важным аспектом активизации изобретательской деятельности может быть расширение оснований, по которым авторам служебных РИД положена выплата вознаграждений. Например, в статье [7] показано, что у авторов изобретений, полученных по государственным контрактам, не возникает права на получение вознаграждения, поскольку права на РИД в таких случаях принадлежат Российской Федерации.

Кроме того, как правило, возникновение права на вознаграждение привязано к дате выдачи патента на изобретение, которая может наступить значительно позже момента создания изобретения, поэтому целесообразным является сокращение времени между созданием изобретения и получением материального стимулирования. Например, момент возникновения права на получение вознаграждения можно привязать к моменту принятия работодателем решения о правовой охране технического решения, что значительно сократит сроки получения вознаграждения за создание изобретения и позволит повысить материальную заинтересованность авторов служебных РИД.

Таким образом, описанные мероприятия позволят активизировать изобретательскую активность в России путем повышения доли активно патентующих авторов с текущих 3–5 до 10%, что будет способствовать увеличению количества заявок на изобретения и полезные модели к 2025 г. не менее чем в пять раз: ежегодно на изобретения — не менее 100 000 заявок, на полезные модели — не менее 50 000 заявок.

Библиография

1. Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов [Электронный ресурс]. URL:[https://ru.wikipedia.org/wiki/ Всесоюзное_общество_изобретателей_и_рационализаторов](https://ru.wikipedia.org/wiki/Всесоюзное_общество_изобретателей_и_рационализаторов) (дата обращения: 01.08.2020).
2. Годовые отчеты Роспатента [Электронный ресурс]. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/about/reports> (дата обращения: 01.08.2020).
3. Краткий статистический сборник Высшей школы экономики «Наука. Технологии. Инновации». — М.: НИУ ВШЭ, 2019.
4. Краткая справка о ВОИР [Электронный ресурс]. URL:<http://www.rosvoir.ru/ru/structure-page> (дата обращения: 01.08.2020).
5. *Кривоногов А. Н., Гончаров П. С.* Изменение условий возникновения права на получение вознаграждения за РИД, созданные при выполнении работ по государственным контрактам, как стимул повышения

- инновационной активности // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности. — 2020. — № 1. — С. 26–35.
6. Рейтинг РБК: 50 крупнейших технологических компаний России. 04.06.2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/ratings/business/04/06/2015/55674b3d9a7947eee1956ff0> (дата обращения: 01.08.2020).
  7. Сколько изобретателей нужно российской экономике. 30.01.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://rupto.ru/ru/news/izobretateleconomics> (дата обращения: 01.08.2020).

*Р. И. Салимов,
кандидат технических наук,
доцент Казанского национального исследовательского
технического университета имени А. Н. Туполева — КАИ,
советник генерального директора ГУП РТ
«Татарстанский ЦНТИ»,
чл.-корр. Академии информатизации Республики Татарстан
(г. Казань, Республика Татарстан, radiys@rambler.ru)*

Полипрофессиональная проектная подготовка специалистов для индустрии 4.0 — основа кадрового обеспечения рынка интеллектуальной собственности

В статье рассмотрены вопросы реализации методологии полипрофессиональной проектной подготовки специалистов (ППП), основанной на эффективном взаимодействии специалистов смежных профессий и направлений деятельности на всех стадиях жизненного цикла инновационного проекта. Проект ППП интегрирован с работами, проводимыми в Республике Татарстан, по развитию регионального рынка интеллектуальной собственности и направлен на создание региональной системы подготовки кадров с участием вузов и предприятий-работодателей. Опыт реализации предлагаемого проектного подхода может быть полезен для всех вузов Российской Федерации. Проект «Полипрофессиональная проектная подготовка специалистов для индустрии 4.0» получил в 2020 г. поддержку благотворительного фонда Владимира Потанина.

Ключевые слова: полипрофессиональная проектная подготовка, проектная подготовка, интеллектуальная собственность, рынок интеллектуальной собственности, результаты интеллектуальной деятельности, технологический прорыв.

Среди важнейших задач развития страны, определенных президентом Российской Федерации в «майских указах» 2018 г.¹, называлось вхождение страны в пятерку экономически развитых стран мира и ускорение ее технологического развития. За время экономических преобразований Российская Федерация так и не смогла выйти на траекторию устойчивого роста. Сложившееся положение в сфере инновационного развития не обеспечивает технологического прорыва и соответственно кардинального ускорения экономического развития регионов и страны в целом. До сих пор научно-техническая сфера не обеспечивает производственный сектор инновационными разработками, тем самым не формируется рынок интеллектуальной собственности и рынок инноваций, а ведь именно в научно-технической сфере создаются результаты интеллектуальной деятельности [4]. Ключевой проблемой остается прежде всего низкий спрос на инновации в российской экономике, а также его неэффективная структура — избыточный перекося в пользу закупки технологий, оборудования и товаров за рубежом в ущерб внедрению собственных новых разработок.

Что же касается прорывного экономического роста, то непременным условием для его начальной стадии является глубокое переосмысление и существенный пересмотр методологии разработки системы мер стратегического управления экономической динамикой.

Государственная научно-техническая политика на современном этапе развития экономики требует воссоздания былой мощи нашей страны. Нужны технопарки, технополисы, бизнес-инкубаторы, нужны технические университеты, кафедры, лаборатории, научно-исследовательские и академические институты, технические колледжи и лицеи. Нужны высокотехнологичные промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Для производства интеллектуального товара нужна прежде всего армия специалистов-создателей, создателей интеллектуальной собственности — ученых, преподавателей, инженерно-технических работников, лаборантов, грамотных рабочих, работников агропромышленного комплекса.

Для решения этих задач отмечается необходимость объединения усилий федеральных и региональных органов власти, научно-образовательного и предпринимательского сообществ по созданию благоприятных условий для применения достижений науки, технологий и тех-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». В редакции документа 2020 г. данная цель отсутствует. См.: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728>.

ники в интересах социально-экономического развития страны. Одним из определяющих направлений этого содружества является кадровое обеспечение научной, научно-технической и производственной сфер.

Одна из главных причин утраты большей части интеллектуального ресурса России — это отсутствие теоретических и практических разработок по управлению инновациями и интеллектуальной собственностью в условиях рыночной экономики и соответственно — отсутствие квалифицированных специалистов, занятых в научно-технической сфере. Для более активного и заинтересованного вовлечения результатов интеллектуальной деятельности (далее — РИД) в хозяйственный оборот следует разработать соответствующие механизмы мотивации, осуществить концентрацию интеллектуальных ресурсов на прорывных технологиях и, главное, организовать подготовку современных специалистов для научно-технической сферы.

Для придания этой работе предметного, планового и целенаправленного характера в Республике Татарстан региональной программой развития рынка интеллектуальной собственности¹ предусмотрено отдельное направление «Проведение образовательных мероприятий в сфере интеллектуальной собственности», поэтому уже с 2013 г. выстраивается система подготовки высококвалифицированных специалистов на основе профессионального и дополнительного профессионального образования.

Наиболее эффективно решение этого вопроса осуществляется на принципах проектного подхода [5].

Попытки реализовать принципы проектного подхода в формировании профессиональных компетенций выпускников вузов с участием предприятий-работодателей предпринимались неоднократно в различных вузах и в разное время. Как правило, эти попытки предусматривали формирование монопрофессиональных проектных групп и не решали наиболее важных задач, связанных с обеспечением инновационной деятельности предприятий качественными кадрами. Подтвержденные данные о широком использовании технологий совместной проектной подготовки специалистов по широкому спектру различных профессиональных направлений отсутствуют. Причины, по которым эти ранние попытки не привели к созданию единой сбалансированной подсистемы учебно-проектной подготовки в сфере высшего образо-

---

¹ Постановление кабинета министров Республики Татарстан от 31.10.2013 № 823 «Об утверждении государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика Республики Татарстан на 2014–2021 годы» (с подпрограммой «Развитие рынка интеллектуальной собственности в Республике Татарстан на 2016–2021 годы»).

вания, кроются в отсутствии реальной, основанной на экономическом интересе, поддержки со стороны предприятий-работодателей, до недавних пор отторгавших не только инновационные подходы к формированию кадрового состава, но и организационно-производственные инновации как таковые. А отсутствие на предприятиях собственных инновационных идей и отторжение предложений, поступающих со стороны вузовской науки, делают принципиально невозможной реализацию проектного подхода в подготовке кадров. Осторожный оптимизм в этом отношении связан не только с некоторым ростом понимания жизненной важности инновационного мышления у руководителей коммерческих предприятий и государственных организаций, но также с развитием новых форм государственной поддержки новаторства в период вступления мировой экономики в эпоху четвертой промышленной революции, или, как ее сейчас называют, индустрии 4.0.

Опыт реализации проектного подхода в Казанском национальном исследовательском техническом университете имени А. Н. Туполева (КНИТУ-КАИ) [2; 5] показывает необходимость широкого распространения в образовательных учреждениях методологии новой образовательной технологии, которую авторы [1] назвали «Полипрофессиональная проектная подготовка специалистов».

Основной целью реализации этой технологии является создание и эксплуатация региональной системы отбора, подготовки и переподготовки кадров на основе проектного подхода к формированию профессиональных компетенций выпускников вузов с участием и по заявкам предприятий-работодателей.

Методология образовательной технологии ППП

Современная двухуровневая система образования в вузах не способствует реализации учебного процесса на основе проектного подхода. Особенностью технологии ППП является выполнение студентами (при организационной и методологической поддержке профессорско-преподавательского состава и консультантов-наставников от предприятий) научно-исследовательской работы по разработке сложных технических или организационных проектов одновременно с осуществлением образовательного процесса. К таким сложным проектам могут быть отнесены разработки технических комплексов, транспортных средств, систем управления технологическими и организационными процессами и т.п.

Технология образовательного процесса на принципах ППП является одной из современных организационных инноваций, а методологиче-

скую базу внедрения проектного подхода образуют три главных направления модернизации образовательного процесса, обеспечивающих рост академической мобильности и создание конкурентной среды для студентов и профессорско-преподавательского состава:

- 1) формирование матричной организационной структуры образовательного процесса вуза с вертикальными связями вузовской иерархии и горизонтальными связями для каждого участника проекта (студента, его руководителя, кафедры, института вуза) в соответствии с проектным подходом и участием предприятия-работодателя;
- 2) интенсификация процесса освоения учебных модулей в рамках требований проектной подготовки;
- 3) создание системы академической селекции студентов и механизмов установления потенциала обучаемости.

Востребованность проекта со стороны предприятий подтверждается возрастающими требованиями к уровню подготовки молодых специалистов, их компетенциям. Участие студентов на ранней стадии активного вхождения в производственную деятельность предприятий-работодателей позволяет им не только сократить время адаптации на предприятии, но и приобрести навыки работы в команде с участием специалистов других профессий.

Технологическая схема полипрофессиональной проектной подготовки специалистов включает следующие этапы.

1. Инкубация:
  - формулирование научно-технической идеи (технического задания) со стороны предприятия-работодателя;
  - декомпозиция предложения на профессиональные компетенции (конструкторские, технологические, организационно-управленческие, экономические, маркетинговые и др.);
  - разработка предложений по созданию проектной группы.
2. Подготовка научно-образовательного проекта:
  - подбор преподавателей вуза и наставников со стороны предприятия-работодателя и создание проектной группы;
  - разработка индивидуализированных учебных планов и учебно-методических комплексов дисциплин, необходимых для формирования необходимых компетенций у выпускников.
3. Реализация научно-образовательного проекта:
  - подключение к образовательному процессу соответствующих кафедр и служб предприятия-работодателя, подготовка бакалаврских работ, магистерских диссертаций, дипломных про-

ектов и разработка для предприятий проектной документации (конструкторской, технологической, экономической, правовой, экологической и др.);

- защита выпускных квалификационных работ студентов бакалавриата, магистратуры или специалитета и завершение предынвестиционной фазы научно-образовательного проекта, в результате чего вузом будет выпущена полипрофессиональная проектная команда, способная эффективно эксплуатировать созданные активы на предприятии.
- 4. Участие вуза в реализации инвестиционной и эксплуатационной фаз проекта.

Практическая реализация образовательной технологии ППП на основе цифровизации научно-образовательного проекта

Концепция полипрофессионального проектного обучения удачно встраивается в общую концепцию современного университета, направленную на цифровизацию образовательного процесса и овладение студентами смежными компетенциями.

Современные информационные технологии позволяют реализовать проект, не собирая его участников в одном месте. Обмен информацией в рамках проекта осуществляется на основе сетевых информационных технологий [1]. В то же время не отрицается ни концепция дистанционного общения (и обучения), ни концепция личного общения всех участников проекта. Идея цифровизации воплощена в создании автоматизированной информационно-аналитической интерактивной обучающей системы полипрофессиональной проектной подготовки специалистов, на которую получен патент на изобретение Российской Федерации № 2404456¹. Реализация системы основывается на связанных между собой автономных функциональных модулях, включающих автоматизированные рабочие места (АРМ) отделов и служб предприятия и кафедр вуза (см. рисунок).

¹ Автоматизированная информационно-аналитическая интерактивная обучающая система полипрофессиональной проектной подготовки специалистов. Авторы: Б. П. Павлов, Ю. Ф. Гортышов, Г. Ф. Мингалеев, Р. И. Салимов, В. В. Мельничнов. Патент на изобретение Российской Федерации № 2404456. Опубликовано: 20.11.2010. Бюл. № 32. Заявка на изобретение Российской Федерации № 2009131096. Дата приоритета 14.08.2009.

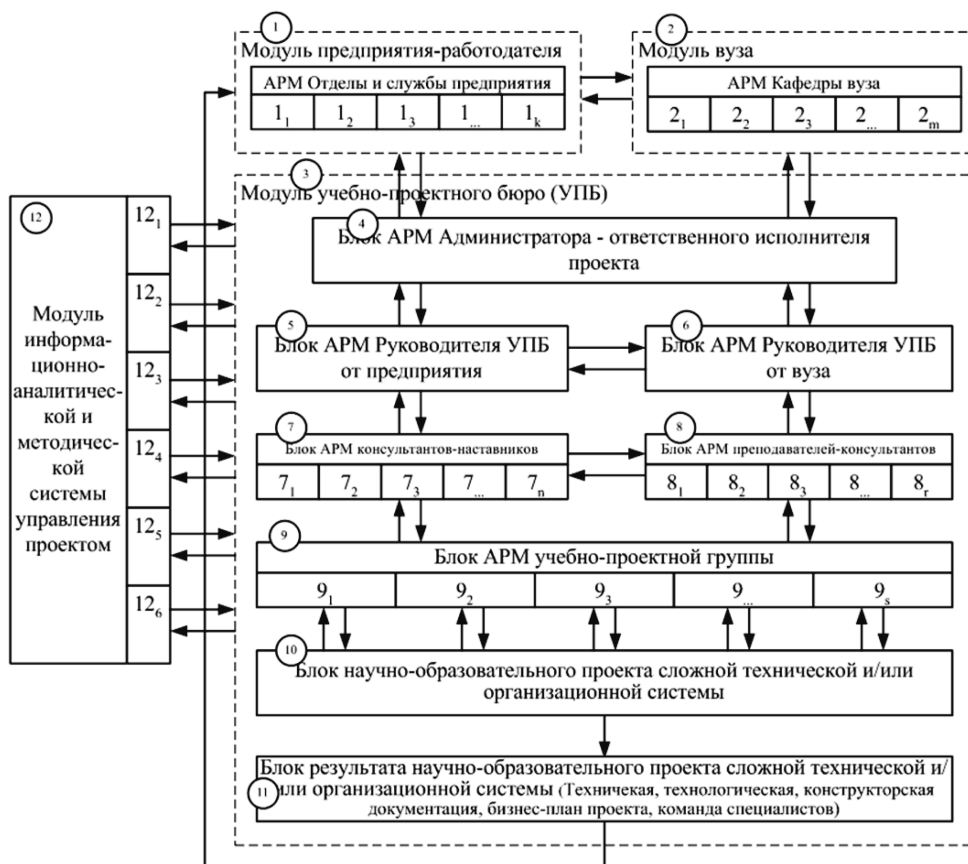

Рис. Функциональная схема автоматизированной информационно-аналитической интерактивной обучающей системы проекта ППП

Разработкой и управлением научно-образовательным проектом занимается самостоятельная структурная единица — учебно-проектное бюро (далее — УПБ). УПБ — это новый тип самостоятельного учебного структурного подразделения вуза, которое создается для подготовки и реализации конкретного научно-образовательного проекта и существует до окончания его жизненного цикла. Инициатором создания УПБ может стать любая кафедра вуза — техническая, гуманитарная, общетехнических или естественных дисциплин, обладающая достаточным научно-техническим заделом для решения актуальной для предприятия-работодателя научно-производственной задачи, требующей участия будущих выпускников соответствующих специальностей и различных направлений подготовки. Ключевое условие создания УПБ — информационная, ресурсная и финансовая поддержка учебно-проектной группы со стороны предприятия и вуза.

В состав учебно-проектной группы входят студенты соответствующих направлений и специальностей, участвующие в разработке научно-образовательного проекта: конструкторы, технологи, приборостроители, электромеханики, радиоинженеры, экономисты, экологи, системотехники, программисты, специалисты по маркетингу и PR-менеджменту, торговому делу, инженерной психологии, хозяйственному праву и т.п.

Образовательный процесс проектной группы включает модуль информационно-аналитической и методической системы управления проектом. Этот модуль состоит из блока тестирования обучающихся, блока информационных ресурсов и блока учета результатов интеллектуальной деятельности. Блок информационных ресурсов является центром коллективного пользования информационными ресурсами учебно-методической, нормативно-правовой, нормативно-технической и патентной информации. Блок учета РИД содержит сведения о проведенных патентных исследованиях, базу данных результатов научно-технической деятельности студентов, включая информацию о возникновении авторских прав, поданных заявках на регистрацию объектов интеллектуальной собственности, патентах, полученных в рамках разработки проекта и коммерциализации имущественных прав на них, а также может содержать реестр лицензионных договоров на использование РИД.

Научно-образовательный проект является системообразующим элементом способа организации процесса обучения, на который предприятием-работодателем и вузом формируется техническое задание.

Функциональный блок результата научно-образовательного проекта содержит полученный в ходе вклада каждого из студентов учебно-проектной группы результат. Результат проекта включает комплект технической, технологической, конструкторской документации, бизнес-план проекта. Предприятию-работодателю передается этот комплект документов, а также характеристика и оценка деятельности каждого из членов команды — участников полипрофессиональной учебно-проектной группы, трудоустраивающихся в конечном итоге на данное предприятие.

Главной отличительной чертой специалистов, получивших подготовку в полипрофессиональной учебно-проектной группе, является умение эффективно взаимодействовать со специалистами других профессий в различных сферах хозяйственной деятельности предприятия-работодателя. Практическое освоение смежных технических и гуманитарно-коммуникационных технологий позволит им вырабатывать

и осуществлять системные решения своих частных профессиональных задач при разработке и реализации крупномасштабных инновационных производственных проектов на предприятии.

Относительные оценки профессиональных качеств обучающихся в рамках проектной подготовки получены экспертным путем на основе анализа результатов работы полипрофессиональных учебно-проектных групп студентов КНИТУ-КАИ на предприятиях Республики Татарстан и приведены в таблице. За единицу принят показатель, обеспечиваемый традиционной технологией подготовки моноспециалиста.

Таблица

**Относительная оценка показателей качества подготовки
молодых специалистов
в полипрофессиональных учебно-проектных группах**

Показатели качества подготовки молодых специалистов	Проектная технология подготовки специалиста
Компетенции в сфере своей основной профессиональной деятельности	1,3...1,4
Креативный потенциал	2...3
Компетенции в смежных сферах профессиональной деятельности	3...4
Умение работать в команде с участием представителей других профессий	1,5...2
Видение конечных целей деятельности и стремление к их достижению	4...5
Относительное время полной адаптации на предприятии	0,25...0,3

Критериями оценки успешности реализации научно-образовательных проектов в вузе являются принятые показатели:

- количество реализуемых научно-образовательных проектов полипрофессиональной проектной подготовки;
- количество кафедр, вовлеченных в проект;
- количество студентов, вовлеченных в проект;
- востребованность выпускников у работодателей.

**Основные результаты реализации
научно-образовательного проекта**

Реализация научно-образовательных проектов в КНИТУ-КАИ осуществляется на базе созданного в 2015 г. Центра поддержки технологий и инноваций (далее — ЦПТИ) с участием различных институтов, ка-

федр и административных структур вуза. Образовательные технологии «ППП», представленные в данной статье, нашли широкое применение в Республике Татарстан.

Поскольку в первую очередь проект направлен на региональных работодателей, он поддерживается государственными органами власти Республики Татарстан. На региональном уровне образовательный проект «ППП» хорошо корреспондируется с работами по развитию регионального рынка интеллектуальной собственности¹ [6], проводимыми в Республике Татарстан. Так, элементы методологии полипрофессиональной проектной подготовки специалистов использованы при реализации Единой системы государственного учета и хранения результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения в Республике Татарстан² и банка данных «Интеллектуальный потенциал Республики Татарстан» (ТАТПАТЕНТ)³. Проект получил развитие в Академии наук Республики Татарстан при автоматизации полипрофессиональной научно-производственной проектной подготовки специалистов⁴.

В КНИТУ-КАИ проект позволяет ориентировать научно-образовательный процесс высшего образования на научно-технологическое развитие Республики Татарстан и Российской Федерации в целом

¹ Автоматизированная информационно-аналитическая интерактивная обучающая система полипрофессиональной проектной подготовки специалистов. Авторы: Б. П. Павлов, Ю. Ф. Гортышов, Г. Ф. Мингалеев, Р. И. Салимов, В. В. Мельничнов. Патент на изобретение Российской Федерации № 2404456. Опубликовано: 20.11.2010. Бюл. № 32. Заявка на изобретение Российской Федерации № 2009131096. Дата приоритета 14.08.2009.

² Автоматизированная информационно-аналитическая веб-интерфейсная система учета, хранения и использования результатов научно-технической деятельности (АИАС «РНТД»). Авторы: В. П. Горячкин, Р. И. Салимов, В. М. Кузнецов. Свидетельство Федеральной службы по интеллектуальной собственности о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2012613454. Заявка № 2011619192. Дата приоритета 01.12.2011. Зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ 11.04.2012.

³ Информационно-аналитическая автоматизированная система «Банк данных «Интеллектуальный потенциал Республики Татарстан» (АИАС «ТАТПАТЕНТ»). Авторы: Горячкин В. П., Р. И. Салимов, Донской П. М., Павлов И. В. Свидетельство Федеральной службы по интеллектуальной собственности о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2020612135. Заявка № 2019665526. Дата приоритета 29.11.2019. Зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ 18.02.2020.

⁴ Автоматизированная информационно-аналитическая веб-интерфейсная система полипрофессиональной научно-производственной проектной подготовки специалистов (АИАС «ПНППП»). Авторы: М. Х. Салахов, Г. Ф. Мингалеев, Р. И. Салимов, В. В. Трутнев. Свидетельство Федеральной службы по интеллектуальной собственности о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2015619556. Заявка № 2015612064. Дата приоритета 23.03.2015. Дата государственной регистрации в Реестре программ для ЭВМ 08.09.2015.

для индустрии 4.0 и, в частности, для направлений Национальной технологической инициативы. Так, в студенческой научной лаборатории интеллектуального транспорта ЦПТИ КАИ с участием студентов кафедры электрооборудования и кафедры экономики и управления на предприятии реализуется открытый проект направления *Autonet* «Разработка облика беспилотного автомобиля» [5].

В заключение следует добавить, что КНИТУ-КАИ почти десять лет (с 2009 по 2018 г.) поддерживал действие патента на изобретение Российской Федерации № 2404456, однако, по решению авторов изобретения, с 2018 г. оно переведено в разряд общественного достояния и право использовать технологию ППП предоставляется всем без ограничения.

Дальнейшая реализация проекта «Полипрофессиональная проектная подготовка специалистов для индустрии 4.0» направлена на достижение одной из главных целей страны: восстановление и подъем научно-технологического и экономического могущества на основе научно-технического прогресса [3]. Данный проект позволит в кратчайшие сроки (не более 4–5 лет) реализовать в Республике Татарстан региональную программу развития рынка интеллектуальной собственности. Не случайно проект реализации образовательной технологии «Полипрофессиональная проектная подготовка специалистов для индустрии 4.0» получил в 2020 г. поддержку Благотворительного фонда Владимира Потанина.

Библиография

1. Мингалеев Г. Ф., Салимов Р. И., Бабушкин В. М., Галямов Р. А. Перспективы автоматизации процессов полипрофессиональной проектной подготовки обучающихся по инженерным и экономическим направлениям // MODERN SCIENCE. — 2019. — № 12-1. — С. 512–518.
2. Павлов Б. П., Гортышов Ю. Ф., Мингалеев Г. Ф., Мельничнов В. В., Салимов Р. И. Полипрофессиональная проектная подготовка: от концепции к внедрению // Высшее образование в России. — 2009. — № 5. — С. 69–76.
3. Салимов Р., Королева Е. Моделирование социально-экономических систем на основе принципа экономического рывка // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2019. — Специальный выпуск. — С. 33–40.
4. Салимов Р. Региональная модель системы управления НИОКР — основа рынка интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2016. — № 1. — С. 27–34.

5. Салимов Р. И., Мингалеев Г. Ф., Ференец А. В. Разработка облика беспилотного грузового автомобиля с использованием интерактивных образовательных технологий // Современные проблемы безопасности жизнедеятельности: интеллектуальные транспортные системы и ситуационные центры: материалы V Международной научно-практической конференции / под общ. ред. член-корр. Академии наук Республики Татарстан, д.т.н., проф. Р. Н. Минниханова. — Казань: Центр инновационных технологий, 2018. — Ч. II. — С. 164–174.
6. Салимов Р. Программа развития регионального рынка интеллектуальной собственности как комплексный инструмент поддержки инноваций // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2015. — № 10. — С. 4–11.

*П. С. Корнеев,
аспирант Российской государственной академии
интеллектуальной собственности
(г. Москва, p.korneev@rgiis.ru)*

О взаимосвязи совершенствования законодательства в сфере научно-технологического развития и патентования

В статье анализируются изменения в законодательном регулировании научно-технологического развития Российской Федерации за 2018–2019 гг. в привязке к поправкам в часть четвертую ГК РФ, которые начнут вступать в силу осенью 2020 г.¹ Отмечается планомерный характер внесения изменений в действующее законодательство с целью приведения его в соответствие с задачами развития, указанными в программных документах. Также автор обращает внимание на дальнейшую необходимость отслеживания изменений не только в патентном законодательстве, но и в иных, связанных с патентованием, актах и документах.

Ключевые слова: научно-технологические приоритеты, патентование, изобретение, часть четвертая ГК РФ.

Ученые, специалисты, эксперты и представители органов государственной власти в процессе практической деятельности постоянно сталкиваются с позитивными и негативными явлениями, присущими процессу функционирования действующего законодательства, в том числе в сфере научно-технологического развития.

В результате длительной работы по анализу проблем в сфере науки и патентования был издан Указ Президента РФ «О Стратегии науч-

---

¹ На момент публикации статьи изменения еще не вступили в силу.

но-технологического развития Российской Федерации» [3] (далее — Указ), где обозначены существенные риски для Российской Федерации, которые представлены в разрезе «отставания России от стран — мировых технологических лидеров» и обесценивания инвестиций в науку [3], которые в совокупности оказывают негативное влияние на национальную безопасность страны и уровень ее независимости и конкурентоспособности. В целях предотвращения и минимизации указанных рисков были приняты: Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» (далее — Программа) [2] и «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года» [4] (далее — Основные направления деятельности).

Программа во исполнение Указа ставит перед собой цели, в том числе:

- значительные структурные изменения в экономике в области научно-технического и интеллектуального потенциала;
- организация эффективного и технологического обновления научной, научно-технической и инновационной (высокотехнологичной) деятельности.

Также Программой вводится система индикаторов и показателей, в том числе место Российской Федерации в рейтинге стран «по удельному весу в общем числе заявок на получение патентов на изобретения, поданных в мире» [2], по областям, определенным приоритетами научно-технологического развития, и ожидаемые результаты, согласно которым к 2030 г. Российская Федерация должна войти в пятерку ведущих стран мира по приведенному показателю. В частности, Подпрограмма 4 [2] предусматривает показатели в виде прироста количества патентов на изобретения, которые должны быть получены с участием специальных организаций (участников научно-образовательных центров), а также «центров компетенций Национальной технологической инициативы в рамках реализации проектов», где ожидаемым результатом является создание определенного числа технологий, защищенных патентами, — не менее 250 технологий [2]. Подпрограмма 5 призвана решать задачу повышения скорости оборота различных видов научной, научно-технической информации, которая должна базироваться на основе доступных «свободных, открытых и безвозмездных лицензий... включая средства эффективного анализа» [2], а в числе важнейших целевых показателей и индикаторов Программы также указан ожидаемый прирост патентных за-

явок, поданных по результатам исследований и разработок, не менее чем на 3000 единиц [2].

Основные направления деятельности предусматривают значительное расширение активности организаций в инновационной сфере, среди которых планируются мероприятия [4], связанные с повышением уровня коммерциализации разработок и технологий в научно-исследовательской сфере и которые, в свою очередь, будут способствовать повышению патентной активности российских заявителей. Документ предполагает достижение присутствия России в числе стран-лидеров, осуществляющих научные исследования и разработки по приоритетным направлениям научно-технологического развития, а также «...по удельному весу в общем числе заявок на получение патента на изобретение» [4] в данной сфере.

Меры по повышению эффективности института интеллектуальной собственности включают в себя ряд мероприятий по увеличению патентной активности и оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности (далее — РИД), обеспечению ежегодной подачи не менее 4000 РСТ-заявок российскими заявителями, достижению Российской Федерацией пятой позиции в пятерке стран — лидеров по общему числу «заявок на получение патентов в приоритетных областях научно-технологического развития» [2], реализации образовательных программ, в том числе по повышению квалификации специалистов в сфере интеллектуальной собственности, а также совершенствованию нормативно-правового регулирования вопросов выполнения НИОКР.

Относительно мер, указанных в актах Правительства РФ, следует отметить планомерность подхода к их реализации [5] и обоснованность количества заявок на патентование в рамках мер по повышению патентной активности. Все же следует отметить, что такое планирование не должно сказаться на качестве патентуемых решений, которые в будущем должны получить статус охраняемых. Недостаточная подготовка технических решений к охране в России и за рубежом, тем более в рамках системы РСТ, может обернуться значительными финансовыми затратами и минимальными результатами.

В качестве первого этапа реализации поставленных задач Правительство РФ в 2019 г. внесло в Государственную Думу два законопроекта, направленных в одном случае [7] на совершенствование процедуры рассмотрения Роспатентом заявок на государственную регистрацию результатов интеллектуальной деятельности, а в другом [6] — на реализацию федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой

среды» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

В первом случае планируется реализация ряда изменений и проведение мероприятий, связанных с совершенствованием процедуры рассмотрения патентным ведомством заявок на государственную регистрацию результатов интеллектуальной деятельности [7].

В поправках к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее — ГК РФ) предполагается усовершенствование процессов проведения предварительных информационных поисков и оценки патентоспособности заявленного технического решения посредством создания условий для проведения информационных поисков другими учреждениями, которыми, по замыслу законодателя, должны будут выступить аккредитованные в безвозмездном порядке Роспатентом отечественные научные и образовательные организации, компетентные в конкретных областях знания [7].

Услуги по предварительному информационному поиску для заявителей будут предоставляться в добровольном порядке, а Роспатент сохранит за собой право проведения информационного поиска с учетом результатов предварительных процедур. Стоимость процедур для заявителя будет определяться на основе договора с учреждениями, осуществляющими работы по информационному поиску «исходя из сложности, объема и срока» [7] работ, связанных с предварительным информационным поиском и оценкой патентоспособности. Участие в подзаконном регулировании этих вопросов должно будет принять Министерство экономического развития Российской Федерации (далее — Минэкономразвития России). Стоит отметить и то, что данная норма не является «новой». Серьезное обсуждение вопросов аутсорсинга по осуществлению информационного поиска активно ведется последние пять лет, и эта идея успела приобрести как сторонников, так и противников. Аргументами [9] против введения такой практики являются опасения за конфиденциальность передаваемых на сторону сведений, средний уровень компетентности специалистов, которые будут проводить данные работы (см., например, [10]), а также закрепление распределения полномочий между этими организациями и соответственно Роспатентом.

Аргументом в пользу введения новой практики может стать предполагаемая мера [7] по снижению пошлин за проведение экспертизы по существу заявок на изобретения и полезные модели, по которым в учреждениях, задействованных в аутсорсинге, ранее были проведены предварительный информационный поиск и оценка патентоспособно-

сти заявленных РИД, вместе с общим снижением сроков проведения этих процедур.

Также в Программе затронут вопрос усовершенствования регулирования отношений в рамках ст. 1366 ГК РФ в связи со злоупотреблениями правом патентования без уплаты пошлин. Правительство планирует ограничить число заявок от одного заявителя путем установления их лимита. Здесь следует отметить, что данная мера имеет неоднозначный характер, так как потенциально она ущемляет права заявителей. Анализ ее действия после вступления в силу в будущем непременно станет основой длительных дискуссий и выработанных по результатам обсуждения мер.

Второй документ — Основные направления деятельности — содержит положения о формировании правовых условий для максимально эффективного использования РИД в условиях цифровой экономики [6], в том числе затрагивает вопросы реализации указанного федерального проекта национальной программы, а также меры по совершенствованию системы государственной регистрации объектов интеллектуальной собственности в Российской Федерации, которая включает в себя сокращение сроков экспертизы и повышение ее качества. Документом предполагается внесение изменений в положения части четвертой ГК РФ, которые касаются предоставления заявителю возможности прилагать к материалам заявки трехмерные (3D) модели заявляемых объектов интеллектуальной собственности (изобретений, полезных моделей, промышленных образцов и товарных знаков) в электронной форме, что может помочь при экспертизе и поиске схожих объектов. Отмечается, что материалы заявки, которые содержат в себе трехмерные модели объектов, не будут публиковаться в открытом доступе, а станут использоваться исключительно для нужд экспертизы по существу. Технические требования и регламенты к предоставлению таких моделей будут установлены приказами Минэкономразвития России. Изменения позволят выдавать патент на изобретение в электронной форме, за исключением секретных изобретений, с сохранением возможности для заявителя получить по своему желанию патент на бумажном носителе. В целом такие нормы дают основание не только ожидать повышения качества экспертизы по существу, но и приближают общий подъем развития в области трехмерного моделирования в прикладном значении относительно патентования и в других, связанных областях, например в городском хозяйстве [8] и геологических работах [11].

Подводя итог, следует заметить, что предлагаемые изменения в законодательстве по интеллектуальной собственности позволят каче-

ственно уменьшить объем подготовительной работы при патентовании, облегчить работу структур Роспатента, связанных с экспертной деятельностью. При этом следует обратить внимание на введение целевых показателей по числу заявок, в том числе относительно прироста их числа, числа запатентованных технологий в Российской Федерации, а также на предполагаемые значительные позиции нашей страны в рейтинге ведущих стран мира по удельному весу в общем числе заявок на изобретения по приоритетным направлениям развития науки и техники. В целом это говорит об оптимистичной повестке грядущих изменений, но вместе с тем такая ситуация дает основания для опасений за качество каждой отдельной заявки. Безусловно, на этом изменения не могут и не должны завершиться. Необходима колоссальная работа, а значит, специалистам не следует ослаблять внимание, необходимо своевременно отслеживать изменения непосредственно в патентном законодательстве, а также в актах иных отраслей права для поддержания уровня информированности и возможности осуществления своевременной адекватной реакции со стороны экспертного сообщества.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Российская газета. — 22.12.2006. — № 289.
2. Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.07.2020).
3. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.07.2020).
4. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (утв. Правительством РФ 29.09.2018) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.07.2020).
5. Паспорт Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (Протокол от 24.12.2018 № 16) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.07.2020).
6. Проект Федерального закона № 774338-7 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред.,

- внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 12.08.2019) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.07.2020).
7. Проект Федерального закона № 873108-7 «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 27.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.07.2020).
  8. *Горобцов С. Р.* Трехмерное моделирование и визуализация городских территорий с использованием современных геодезических и программных средств // Вестник СГУГиТ. — 2018. — Том 23. — № 4. — С. 165–179.
  9. *Джермакян В. Ю.* Роспатент предлагает передать на аутсорсинг информационные поиски по экспертизе заявок на изобретения // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. — 2016. — № 9. — С. 17–21.
  10. *Зуйков С. А.* Аутсорсинг патентной экспертизы: анализ изменений в законодательстве об интеллектуальной собственности // Копирайт. Вестник РГАИС. — 2020. — № 2. — С. 32–36.
  11. *Писарев В. С.* Анализ способов сбора геоданных при геодезическом сопровождении горных работ // ИНТЕРЭКСПО ГЕО-СИБИРЬ. — 2019. — Том 1, № 1. — С. 197–202.

*А. О. Меликова,
аспирант Российской государственной академии
интеллектуальной собственности
(г. Москва, aysel_gurdaeva@mail.ru)*

Постановление Пленума Верховного Суда РФ о применении части четвертой ГК РФ: возникновение и осуществление исключительного права автора производного произведения

Статья посвящена анализу положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10, где даны разъяснения относительно производных произведений, в том числе производных программ для ЭВМ, в свете норм Гражданского кодекса Российской Федерации и анализа сформировавшейся правовой доктрины. Отмечается, что в настоящее время имеется ряд противоречий и сложностей в применении рассматриваемых норм.

Ключевые слова: Верховный Суд РФ, Пленум, Гражданский кодекс Российской Федерации, первоначальное (оригинальное) произведение, производное произведение, право на переработку, модификация программы для ЭВМ.

Одним из неотъемлемых правомочий автора является право на переработку произведения, которое предусмотрено нормами международных конвенций, а также национального законодательства большинства стран мира.

Статья 12 Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений (далее — Бернская конвенция) [1] устанавливает, что авторы литературных и художественных произведений пользуются исключительным правом разрешать переделки, аранжи-

ровки и другие изменения своих произведений, при этом переводы, адаптации, музыкальные аранжировки и другие переделки литературного или художественного произведения, согласно ст. 2 Бернской конвенции, охраняются наравне с оригинальными произведениями без ущерба для прав автора оригинального произведения.

По мысли российского законодателя, различного рода экранизации, обработки, аранжировки, инсценировки — это виды производных произведений, созданные путем переработки других (оригинальных) произведений. Именно так указано в п. 1 ст. 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации [2].

Проблемы, касающиеся правовых оснований осуществления переработки произведения и прав авторов производных произведений, все чаще отражаются как в судебной практике, так и в ходе научных дискуссий.

Это вполне объяснимо, так как литературное, музыкальное творчество в нынешнее время все больше подвержено заимствованиям и цитированиям из великих произведений прошлого, а необходимость «переписывания» и доработок программ для ЭВМ и того очевидней: с учетом развития информационных технологий, появления различных операционных систем и их инфраструктур, языков программирования и в связи с этим потребности учета ежедневно меняющихся запросов пользователей создание компьютерной программы однажды и навечно совершенно нецелесообразно.

В своем Постановлении от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Постановление Пленума № 10) [4] Пленум Верховного Суда РФ посвятил вопросам переработки произведений два пункта — 87 и 88, детализируя и совершенствуя положения, касающиеся производных произведений, отраженные в ныне утратившем силу Постановлении Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.03.2009 № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Постановление Пленума № 5/29) [5].

Пункт 87 Постановления Пленума № 10 не отличается особой новизной, поскольку его содержание практически полностью повторяет п. 31 Постановления Пленума № 5/29.

В рассматриваемом п. 87 проводится анализ и соотношение понятий права на неприкосновенность произведения, являющегося личным немущественным правом автора (ст. 1266 ГК РФ), и права на пере-

работку, относящегося к одному из способов использования произведений, одному из правомочий в составе исключительного права (подп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ).

Из существенно новых положений п. 87 отметим абзац 3, предусматривающий возможность автора публично распорядиться своим исключительным правом посредством размещения соответствующего заявления [3], и абзац 5, в котором появилось разъяснение о том, что «право на переработку произведения является одним из способов использования результата интеллектуальной деятельности и как таковое принадлежит правообладателю, **в том числе не являющемуся автором первоначального произведения** (*Прим.*: выделено авт.), который вправе перерабатывать произведение (в частности, модифицировать программу для ЭВМ или базу данных) и осуществлять последующее использование нового (производного) произведения независимо от автора первоначального произведения».

Включение последнего положения, которое отчасти повторяет уже существующую норму в ГК РФ (п. 1 ст. 1270), может быть обосновано тем, что в настоящее время в гражданском обороте участвуют в большей степени правообладатели, нежели авторы, получившие исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, например, по результатам создания служебного произведения или по договору отчуждения исключительного права, а также предприниматели, осуществляющие разработку и использование произведений, в том числе программ для ЭВМ (IT-компании, издательства, студии звукозаписи и т.д.).

Поэтому на практике действующие нормы ГК РФ все чаще реализуются в интересах предпринимателей, а не только авторов первоначальных произведений, как это указано в п. 3 ст. 1260 ГК РФ: «Переводчик, составитель либо иной автор производного или составного произведения осуществляет свои авторские права **при условии соблюдения прав авторов произведений, использованных для создания производного** или составного произведения» (*Прим.*: выделено авт.).

При этом следующий пункт Постановления Пленума № 10 (п. 88) вызывает больше непонимания в правоприменении, в связи с чем предлагается его рассмотреть детально.

В начале п. 88 процитированы п. 1–3 ст. 1260 ГК РФ о принадлежности авторских прав на переработку автору производного произведения, осуществление которых происходит **при условии соблюдения прав авторов использованных произведений**, и охраняются такие

авторские права, как **права на самостоятельные объекты авторских прав**, независимо от охраны прав авторов использованных произведений (*Прим.*: выделено авт.).

Далее приводится вывод из всего вышеуказанного, совершенно выбивающийся, по мнению автора, из законодательной логики в области авторского права и противоречащий содержанию самого пункта.

В рассматриваемом абзаце 4 указано, что **исключительное право** автора производного или составного произведения **возникает в силу факта создания** такого произведения, **но использоваться** такое произведение **может только с согласия** авторов (иных правообладателей) этого произведения **на переработку** их произведения или на включение его в составное произведение (*Прим.*: выделено авт.).

Относительно разрешимой представляется ситуация, при которой между правообладателем оригинального произведения, например программы для ЭВМ, и будущим правообладателем производной программы предварительно был заключен лицензионный договор, где в числе передаваемых способов использования было право на переработку программы для ЭВМ, или договор об отчуждении исключительного права. Тогда с учетом вышеуказанного положения о получении согласия на переработку и в совокупности со ст. 1260 ГК РФ можно сделать вывод, что права авторов оригинальных произведений соблюдены, а исключительное право автора (иного правообладателя) производного произведения возникло на законных основаниях в силу факта создания и осуществляется им как во время, так и после окончания срока действия лицензионного договора [8].

Интересным с теоретической и практической точки зрения представляется постановление Суда по интеллектуальным правам (далее — СИП) от 27.03. 2017 № С01-52/2017 по делу № А40-43542/2016, где СИП в споре между двумя организациями указал, что при создании производного произведения права правообладателя оригинального произведения были соблюдены, поскольку с ним был заключен лицензионный договор (стороны подтвердили, что переработка осуществлена в период действия лицензионного договора), а довод заявителя о том, что по истечении действия лицензии права на переработанное произведение должны переходить к правообладателю оригинального произведения, является ошибочным, основан на неправильном толковании норм материального права.

Однако неясно, как быть в ситуации, когда между сторонами договора до создания производного произведения заключено не было и каких-либо согласий на переработку также получено не было.

Во-первых, если производное произведение уже создано, исключительное право автора возникло в силу одного лишь факта создания производного произведения, а наличие исключительного права позволяет использовать произведение любым не противоречащим закону способом (п. 1 ст. 1270 ГК РФ), то зачем необходимо получение согласия авторов (иных правообладателей) на переработку их произведения в целях его дальнейшего использования?

Разбор вышеуказанного положения (абз. 4 п. 88) позволяет представить абсурдную ситуацию, при которой автор производной программы для ЭВМ, уже переработав чужую компьютерную программу (не важно, насколько значительно – пределы модификации и объем вносимых изменений совершенно не уточняются в понятии «переработка программы для ЭВМ» в ч. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ), зная, что авторские права на производное произведение охраняются как права на самостоятельные объекты авторских прав (п. 4 ст. 1260 ГК РФ) и что исключительное право возникло в силу факта создания производного произведения, станет разыскивать законных правообладателей оригинальной программы для смежных ЭВМ, чтобы получить некое согласие на уже произведенную переработку их произведения.

Несложно предположить реакцию законных правообладателей компьютерной программы, вложивших немало усилий и средств в ее создание и регулярное обновление, после получения такого «требования».

Во-вторых, в чем выражается такое согласие авторов (иных правообладателей) на переработку? Достаточно ли письма от автора (иного правообладателя) в произвольной форме о том, что он разрешает переработку произведения? Можно ли его получить уже после осуществления переработки?

Полагаем, что вывод, изложенный в абзаце 4 рассматриваемого п. 88 Постановления Пленума № 10, требует значительной корректировки.

Данное положение возможно изложить следующим образом: «Исходя из изложенного, исключительное право автора производного или составного произведения возникает в силу факта создания такого произведения и только при наличии согласия авторов (иных правообладателей) на переработку их произведения путем передачи права на переработку произведения в порядке, предусмотренном абзацем 6 п. 87 настоящего Постановления или на включение его в составное произведение».

Представленная возможная формулировка абзаца 4 п. 88 Постановления Пленума № 10 соотносится со сформированной доктриной по рассматриваемому вопросу. Например, С. А. Судариков утверждает

ет, что авторское право на производное произведение не возникает без получения разрешения правообладателя на переработку произведения, поэтому любое лицо, использовавшее без разрешения другое произведение, является не автором производного произведения, а нарушителем авторского права [10].

Аналогичной позиции придерживаются А. П. Сергеев, называя публично соблюдение авторских прав на оригинал условием возникновения авторских прав на производное произведение [7], и В. И. Елисеев [6], указывающий, что в случае неправомерной переработки автор первоначального объекта и третьи лица не становятся обязанными воздерживаться от использования производного объекта, поэтому разрешение автора переработки для ее использования не требуется.

Едва ли не самое подробное и последовательное разъяснение позиции о невозможности возникновения в силу закона исключительного права на производное произведение у лица, не имеющего права на переработку произведения, приведено в статье И. Н. Саулина [9], с чьим мнением невозможно не согласиться.

Таким образом, автор придерживается позиции невозможности автоматического возникновения исключительного права автора на производное произведение при отсутствии у него предварительно полученного согласия на переработку оригинального произведения, и в связи с этим анализируемый в статье п. 88 Постановления Пленума № 10, возможно, необходимо скорректировать.

Библиография

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. — 2003. — № 9.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Собрание законодательства РФ. — 25.12.2006. — № 52 (1 ч.). — Ст. 5496.
3. Постановление Правительства РФ от 08.06.2019 № 745 «Об утверждении Правил размещения заявлений правообладателей о предоставлении любым лицам возможности безвозмездно использовать произведения науки, литературы, искусства либо объекты смежных прав на определенных правообладателем условиях и в течение указанного им срока» // Собрание законодательства РФ. — 17.06.2019. — № 24. — Ст. 3100.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федера-

- ции» // Российская газета. — 06.05.2019. — № 96; Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2019. — № 7, июль.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 22.04.2009. — № 70; Вестник ВАС РФ. — 2009. — № 6, июнь.
  6. *Елисеев В. И.* Право на переработку произведения по российскому законодательству // Вестник Московского университета, сер. 11. Право. — 2017. — № 1. — С. 93–104.
  7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвертая / под ред. А. П. Сергеева. — М., 2016. — С. 156.
  8. *Меликова А. О.* О некоторых вопросах осуществления исключительного права на производные программы для ЭВМ // Образование и право. — 2019. — № 12. — С. 76–80.
  9. *Саулин И. Н.* Практика признания исключительных прав на производные программы для ЭВМ // ИС. Авторское право и смежные права. — 2018. — № 10. — С. 43–56.
  10. *Судариков С. А.* Авторское право. — М., 2013. — С. 152.

SUMMARY

RUSSIAN LAW: NORMS AND PRACTICE

L. V. Andreeva,

*Doctor of Sciences (in Law), Professor, Professor
Department of Entrepreneurial and Corporate
Law Moscow State Law Academy named after O. E. Kutafina*

Ways to improve civil law on public procurement in the context of the Russian Federation in the Eurasian Economic Union

The article discusses the problem of correlation of the civil code and special legislation on public procurement, analyze the contents of the rules on public contracts in the civil code of the Russian Federation, proves the point about the lack of desirability of legal regulation on public procurement in the Russian civil code.

Key words: state contract, use of results of intellectual activity under a state contract, contract system, EEU.

INTELLECTUAL PROPERTY AND INNOVATIVE DEVELOPMENT

O. V. Vidyakina,

*Ph.D in Economics, LL.M, Patent Attorney of the Russian Federation,
Associate Professor of the Department of Intellectual Property
of the Moscow State Technical University. N.E. Bauman,
expert and tutor of the World Intellectual Property Organization*

Innovation Ecosystem: goal and goal setting

The author continues to publish a series of articles devoted to the systems analysis of the innovation ecosystem. The second article examines the concepts of “goal” and “goal setting”. Examples of the above concepts in the innovation ecosystem are given, the requirements for the formulated goals are considered.

Key words: innovation ecosystem, intellectual property management, system, goal, innovative project, object, subject, concept.

A. V. Stepanov,

*teacher of the department of "Social, psychological and legal communications";
engineer of the intellectual property registry and capitalization department
National research Moscow state University of civil engineering*

Intellectual property of the University as a source of attracting investment to the region

The article deals with the problem of underestimating the role of higher education institutions as a source of attracting investment to the regions of the Russian Federation.

All over the world, major universities today claim a key position in the development of the innovation economy in their region. However, Russian universities need a more informed approach to positioning their research potential and implementing intellectual property policies. Active scientific activity of the University, its portfolio of copyright and patent rights, implementation of projects on technology transfer and commercialization of intellectual property results, have a positive impact on the growth of budget funding, attracting foreign partners and private investors.

In order to attract investment to the region, local authorities should consider the intellectual property of universities as a tool to increase the investment attractiveness of the territory.

Key words: Intellectual property, University, investment attractiveness, region, positioning, state support, international ratings, commercialization of intellectual activity results.

INTELLECTUAL PROPERTY MANAGEMENT

D. M. Tsukerblat,

Ph.D in Pedagogical Sciences, Leading Researcher, SPSL SB RAS

A. L. Nikolaenko,

deputy Director for Innovation Activities, ISSCM, SB RAS

The potential for the commercialization of scientific and technological developments of research institutes

The article is devoted to a strategically important and formulated at the state level problem – the discrepancy between the volume of new knowledge created in the field of science and technology, the effectiveness of their use in the economy. To solve this problem, it is necessary to establish a stable partnership between science, education and business, which can be strengthened through the use of intellectual-innovative and industrial policy instruments. The article provides successful examples of the commercialization of the results of intellectual activity (RID).

Key words: innovation, intellectual property, partnership, high-tech business, Novosibirsk Scientific Center SB RAS.

INDUSTRIAL PROPERTY

K. M. Belikova,

Doctor of Sciences (in Law), Professor,
Professor of the Department of Civil Law and Proceedings
and International Private Law, Law Institute, RUDN University

Therapeutic cloning within the framework of intellectual property legislation of BRICS countries (end of article)

In the article, in the context of scenarios of legal regulation of stem cell manipulation and understanding of cloning as a medical and non-medical technology from the perspective of the intellectual property legislation of BRICS countries, some issues of the use of so-called therapeutic cloning are examined; the line between therapeutic and reproductive cloning is drawn. The question of the grounds for (not)allowing therapeutic cloning is being studied. The consideration of therapeutic cloning as a medical technology has resulted in its regulation as a method of treatment and the investigation of its (non-) patentability. The consideration of therapeutic cloning as a non-medical technology has allowed to cover a range of issues related to the patenting as an invention in any other field of technology in accordance with the requirements established by the IP legislation of BRICS country of embryonic stem cells, including cases of its qualification as a product (e.g. in case of isolated cells themselves, parts of organs, organs grown from such cells); methods for isolation, detection and concentration, proliferation and differentiation of stem cells or stem cell lines, etc. Examples of assessing the moral side of therapeutic cloning are given, national legal features and approaches to the corresponding legal regulation, including (non-)patentability, are emphasized.

Key words: BRICS, new medical and non-medical technologies, therapeutic cloning, reproductive cloning, embryo, embryonic stem cells, intellectual property rights, patents, method patenting, product patenting.

O. V. Plyasunova,

Head of Trademark Department
LLC "Zuikov and Partners"
(Moscow, plyasunova@zuykov.com)

On the actions of the applicant in case of receiving a decision on refusal to register a trademark

The article analyzes the statistics of filing applications for registration of trademarks and decisions to refuse to grant legal protection. The procedure for appealing against decisions of the Federal Service for Intellectual Property (Rospatent) to refuse to

register a trademark is described, as well as options for the applicant's actions in case of a refusal to register a designation.

Key words: trademark, means of individualization, decision to refuse registration of a trademark, Rospatent, Intellectual Property Rights Court.

AUTHOR'S RIGHT

R. Sh. Rakhmatulina,

Ph.D in Law, Associate Professor

Financial University under the Government

of the Russian Federation (Financial University),

doctoral candidate of the Russian State Academy of Intellectual Property

Quasi-works new digital objects of copyright

The article proposes to identify new objects of copyright-quasi-works. It is concluded that recently objects created with the use of special programs, whose technical capabilities contribute to the creative content of objects and represent unusual forms of their implementation, have attracted great interest in the world of technology. Therefore, a special legal regime is required for such objects.

Key words: quasi-works, copyright objects, photographic, musical and cartographic objects, digital objects, low level of creativity.

M. V. Shugurov,

Doctor of Sciences (in Philosophy), Associate Professor,

Leading Researcher Research Institute of the Saratov State Law Academy,

Professor of the Department of International Law

Regulation of the use of out of commerce works in the 2019/790 / EU Copyright Directive in the digital single market: problems and solutions

The author continues to analyze the novelties of copyright in the European Union. In this article, he examines the introduction into copyright of two mandatory interrelated mechanisms - collective management of rights with extended validity and exceptions or restrictions, which are designed to create the legal conditions for the wide digitization of works or other protected objects that have come out of commercial circulation by cultural heritage institutions. The author consistently analyzes the logic of including the relevant provisions in the Directive 2019/790 / EU on copyright and related rights in the Single Digital Market, as well as their correlation with the measures provided for in the strategic documents of the European Union in the field of digital transformation of the economy. In

addition to the advantages of the new legal mechanisms, the controversial aspects of their forthcoming implementation are discussed.

Key words: EU copyright, non-commercial works, collections of cultural heritage institutions, extended licenses, digital copies.

INTELLECTUAL PROPERTY: PRACTICAL PROBLEMS

Yu. V. Grigoriev,

*Ph.D in Engineering, senior researcher, associate Professor,
Bauman Moscow state technical University*

A. P. Pashuto,

patent engineer

Intellectual property in small innovative enterprises

Surveys of owners of small innovative enterprises have shown that good creative activity, motivated by tough competition, is combined with extremely weak ideas about the possibilities of using patent law to suppress competitors and protect the enterprise from non-market threats. Basically, they only patent what they use or intend to use. It doesn't come up about any tactical patents, especially about the meaningful development of a patent strategy.

The efforts of the patent community and measures of state support for small innovative enterprises should be aimed at popularizing the patent culture and invention among a wide range of Industrialists.

Key words: invention, utility model, patent, patent strategy, competition, small innovative enterprise, invention.

A. N. Krivonogov,

*research scientist of FSUE "The 18th Central Scientific Research Institute"
of the Ministry of Defence of Russia*

Forecast of patent activity indicators in Russia and recommendations on its intensifying based on patent statistics analysis

In the article the author showed a significant lag in Russia's indicators in comparison with actively patenting countries, while the inventive activity rate in Russia is 20 times less than that of the leader of the rating — South Korea. The analysis of research and development funding in Russia and South Korea showed the inconsistency of the hypothesis that inventive activity is directly proportional to the amount of funding. On the basis of the analysis of activities of the largest patent holders in Russia, the author has demonstrated that the 10 largest patent holders of citizens own three

more patents than the 10 largest organizations — patent holders. Thus, active patenting inventors are the driving force behind inventive activity. To confirm this hypothesis, the author analyzed the activities of the largest technology companies in Russia and revealed a pattern that no more than 5% of authors are mentioned in at least 2/3 of patents. The author concluded that in order to increase inventive activity it is necessary to increase the number of active inventors, for which it seems advisable the development of an inventive culture, material incentives for inventive activity, as well as the improvement of legal regulation. In conclusion, the author made a forecast that the implementation of the recommendations formulated in the article will increase the number of actively patenting employees of organizations from 5 to 10%, which in the mid-term until 2025 will increase the number of applications for inventions by 7 times, and Russia will be able to become a world leader by this indicator.

Key words: inventive activity rate, inventions, patent statistics, patent data, patentee, service inventions.

REGIONAL EXPERIENCE

R. I. Salimov,

*Ph.D in Engineering, Associate Professor
of Kazan National Research Technical University
named after A.N. Tupolev – KAI,
CEO's counselor State Unitary Enterprise RT
"Tatarstan TSNTI",*

Corr. Academy of Informatization of the Republic of Tatarstan

Polyprofessional project training of specialists for industry — the basis for human resources for the intellectual property market

The article discusses the implementation of the methodology of polyprofessional project training of specialists ("PPP"), based on effective interaction with specialists from related professions and activities at all stages of the life cycle of an innovative project. The proposal aims to create a regional training system with the participation of universities and employers. The PPP project is integrated with the work carried out in the Republic of Tatarstan on the development of the regional intellectual property market. The experience of implementing the proposed project approach can be useful for all universities of the Russian Federation. The project "Polyprofessional project preparation of specialists for industry 4.0" received in 2020 the support of the Vladimir Potanin Charity Fund.

Key words: polyprofessional project preparation, project preparation, intellectual property, intellectual property market, results of intellectual activity, technological breakthrough.

SCIENTIFIC SCHOOL

P. S. Korneev,

graduate student of the Russian State Academy of Intellectual Property

The relationship of improving legislation in the field of scientific and technological development and patenting

The article analyzes the changes in the legislative regulation of the scientific and technological development of the Russian Federation for 2018–2019 in relation to the amendments to the fourth part of the Civil Code of the Russian Federation, the entry into force of which is planned for July 2020. The systematic nature of introducing amendments to the current legislation is noted with the aim of bringing it into line with the development goals indicated in the program documents. The author also draws attention to the further need to track changes not only in patent law, but also in related branches of law.

Key words: scientific and technological priorities, patenting, inventions, the fourth part of the Civil Code of the Russian Federation.

A. O. Melikova,

graduate student of the Russian State Academy of Intellectual Property

Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation: the emergence and exercise of the exclusive right of the author of a derivative work

Article is devoted to the analysis of the provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019. No. 10, which relate to derivative works, including derivative computer programs, in the light of the norms of the Civil Code of the Russian Federation and analysis of the established legal doctrine. It is noted that at present there are a number of contradictions and difficulties in the application of the norms in question.

Key words: Supreme Court, Plenum, Civil code of the Russian Federation, original work, derivative work, right to processing, computer program modification.

Роспатент и РГАИС приглашают молодежь к участию во Всероссийском конкурсе молодых ученых в сфере интеллектуальной собственности «Интеллект»

Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент) и Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС) проводят в 2020 г. Всероссийский конкурс молодых ученых в сфере интеллектуальной собственности «Интеллект».

Цели конкурса: развитие и интеграция образовательной и научной деятельности в сфере интеллектуальной собственности; формирование новых направлений науки; содействие профессиональному росту молодежи.

К участию в конкурсе приглашаются студенты, аспиранты, молодые ученые, научные сотрудники образовательных организаций высшего образования и научно-исследовательских учреждений в возрасте до наступления 30 лет в год проведения конкурса.

Конкурс проходит в три этапа:

1-й этап: 01.03.2020–30.09.2020. Прием заявок (до 21.00 по московскому времени).

2-й этап: 01.10.2020–31.10.2020. Заочная экспертиза научных работ.

3-й этап: ноябрь — декабрь 2020 г. Проведение очной защиты научных работ в формате презентационного выступления. Подведение итогов конкурса. Награждение победителей на одном из мероприятий Роспатента.

Что дает участие в конкурсе:

Победитель (возможно соавторство) награждается премией в размере 120 000 рублей. Размер второй премии составляет 80 000 рублей, третьей — 50 000 рублей.

Занявший 1-е место победитель получает преимущества при поступлении в аспирантуру и магистратуру РГАИС.

Лауреаты награждаются поощрительными призами организаций-партнеров.

Все победители и лауреаты награждаются Благодарностью Федеральной службы по интеллектуальной собственности.

Все авторы работ, принявшие участие в очном этапе конкурса, получают сертификаты участника.

Финалистам будет предоставлена возможность бесплатного участия в конференциях и других мероприятиях Роспатента в течение года после подведения итогов конкурса.

Авторефераты научных работ победителей и лауреатов будут опубликованы в сборнике статей, индексируемом в РИНЦ.

Финалистам будет оказано содействие в публикации в ведущих специализированных журналах в области интеллектуальной собственности.

Участие в конкурсе бесплатное, для этого необходимо направить **заявку и документы** (см. перечень в п. 2.3 Положения конкурса, размещенного на сайте www.rgiis.ru) в электронной форме до **30.09.2020** включительно по адресу: konkursIP@rgiis.ru¹.

По всем вопросам обращаться: 117 279, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а; ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности». Тел.: +7 (495) 334-85-98.

Координатор конкурса: Королева Елена Владимировна, и.о. проректора по инновационному развитию и науке, д.э.н., доцент.

Контактное лицо: Волков Андрей Тимофеевич, директор Института научной и экспертно-аналитической деятельности, д.э.н., профессор.

¹ Название файлов с научной работой, авторефератом и др. документами должно содержать фамилию автора (авторов). Например, «Иванов И. И._научная работа».

Научный редактор *О. А. Флягина*
Редактор *Е. Л. Качалова*
Корректор *Е. Р. Горшкова*
Компьютерная верстка *А. В. Плотников*

Подписано в печать 01.09.2020. Формат 70×100/16
Печать офсетная. Объем 9,5 п.л. Тираж 1000 экз.
Зак.

ООО «ТЕИС» 115407, Москва, Судостроительная ул., д. 59

Отпечатано в ФГУП Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6